

Салман Дикаев

**Террор, терроризм
и преступления
террористического характера**

Салман Умарович Дикаев
Террор, терроризм и преступления
террористического характера
Серия «Теория и практика уголовного
права и уголовного процесса»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11284830

*С. У. Дикаев. Террор, терроризм и преступления террористического характера
(криминологическое и уголовно-правовое исследование): Издательство Р. Асланова
«Юридический центр Пресс»; Санкт-Петербург; 2006
ISBN 5-94201-473-6*

Аннотация

В монографии автором предпринята попытка комплексного анализа криминологических и уголовно-правовых проблем терроризма и тесно примыкающих к нему других преступлений террористического характера.

Освещаются различные подходы к формированию понятийного аппарата в данной сфере, к классификации и разграничению исследуемых явлений. Террор, терроризм и их соотношение рассматриваются с исторической и психологической точек зрения. Отдельная глава посвящена вопросам уголовно-правового противодействия проявлениям терроризма в современной России.

Издание предназначено для сотрудников правоохранительных органов, а также для ученых различных областей науки, преподавателей, курсантов и слушателей учебных заведений МВД России, студентов юридических факультетов и широкой аудитории, интересующейся причинами глобализации терроризма и проблемами противодействия проявлениям терроризма в России и в мире.

Содержание

Введение	5
Глава I. Террор и терроризм: проблемы понятийного аппарата	8
1.1. Основные подходы к юридическому определению терроризма	8
1.2. Критерии разграничения терроризма и смежных с ним явлений	17
1.3. Понятие и признаки международного и межгосударственного терроризма	31
Глава II. Террор, терроризм, террористический акт: вопросы классификации	37
2.1. Основные подходы к решению проблемы	37
2.2. Классификация террора	42
2.3. Классификация терроризма и террористических актов	53
Глава III. Историческая взаимообусловленность террора и терроризма	69
3.1. Террор и терроризм: Краткий исторический экскурс	69
3.2. От самодержавного террора к политическому терроризму в России (конец XIX – начало XX века)	80
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Салман Дикаев

Террор, терроризм и преступления террористического характера

© С. У. Дикаев, 2006

© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006

Рецензенты:

Я. И. Гилинский, доктор юридических наук, профессор (Центр девиантологии Социологического института РАН)

В. И. Тюнин, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербургский университет МВД России)

Введение

Террор и терроризм – проблема человеческого общества, сопровождающая его на всех этапах развития. К террору и терроризму как форме управления социумом прибегали еврейские «сикарии» и исламисты, германские ландскнехты, турецкие янычары, британские пираты и «святая» инквизиция, римские папы времен контрреформации, французские якобинцы, революционеры и контрреволюционеры, фашисты и коммунисты. Этот список можно продолжать и до сегодняшних дней, что позволяет нам сделать следующий вывод: террор и терроризм – это, как и преступность в целом, свойство общества¹.

Наличие в мире множества террористических организаций и их активизация отражают процесс усложнения международных противоречий, возникновение и существование многоплановых международных конфликтов, вовлечение в них все большего числа этносов, государств и конфессий. И хотя в наше время человечество в целом пришло к пониманию того, что разумной альтернативы мирному сосуществованию нет, наличие в мире множества нерешенных вековых конфликтов² всегда будет ставить под сомнение это убеждение. Вековые конфликты, лежащие в основе многих современных проявлений террора и терроризма, будучи передаваемы от поколения к поколению на уровне коллективного бессознательного, постоянно содрогает и, к сожалению, еще долго будут содрогать человечество войнами, актами террора и терроризма, изобретая для этого все новые виды оружия. Взрывы домов в городах России в сентябре – октябре 1999 года, события, произошедшие 23 октября 2002 года в Доме культуры шарикоподшипникового завода в Москве, 11 сентября 2001 года в США, 12 октября 2002 года на острове Бали (Индонезия), 15 и 20 ноября 2003 года в Стамбуле³, Бесланская трагедия 1–3 сентября 2004 года и др. являются убедительным доказательством того, что от терроризма не застраховано ни одно государство мира. Следовательно, ни один человек не может считать свою безопасность безусловной.

В последние годы в России и в других государствах мира проводится множество научных и научно-практических конференций, симпозиумов, «круглых столов» и других форм научных дискуссий по проблеме терроризма. Заключено множество двусторонних и многосторонних межгосударственных соглашений по координации деятельности по противодействию проявлениям терроризма. Тем не менее сколько-нибудь эффективного решения этой проблемы ни в государственном, ни в мировом масштабах не найдено. Это говорит о том, что современный терроризм многолик и многомерен. Его виды, формы проявления и последствия практически невозможно прогнозировать, и, соответственно, невозможно выработать надежную методику противодействия. Предпринимаемые попытки механического заимствования опыта борьбы с терроризмом одних государств другими, в частности, заимствование израильского или английского опыта, исключающего какой-либо диалог с террористами или уступки им, далеко не всегда дает положительный результат и снижает террористическую активность в регионе. Более того, позиция «отказа от диалога с террористами» приводит к отказу и самих террористов обозначать назревшие, с их точки зрения, в обществе проблемы, и терроризм обретает форму «молчаливого» протеста, т. е. все чаще осуществляются акты терроризма, за которые никто не берет на себя ответственность. Последнее, в конечном итоге, «загоняет» проблему терроризма вглубь, превращая его в долговременный фактор.

¹ Шестаков Д. А. Криминология, краткий курс: Преступность как свойство общества. СПб., 2001.

² Дикаев С. У. Вековые проблемы и современные проблемы терроризма: правовой и политико-криминологический анализ. Монография. Уфа, 2003.

³ Коммерсант. 2003. 21 нояб.

Человечество в современных условиях столкнулось в своем развитии с многочисленными социальными, экономическими, демографическими, а в первую очередь – с политическими и геополитическими проблемами. Научно-технический прогресс вывел человечество далеко вперед, чего не скажешь об общественных отношениях. Несовершенство общественных отношений определяет устарелость и шаблонность подходов, отсутствие возможности, а нередко и желания властей разрешать назревшие в обществе проблемы, выбор силовых вариантов их решения, неэффективность и несоразмерность применения силы при подавлении воли «проблемной» группы, народа, государства и т. д. Все это способно породить, помимо прочего, и терроризм. И то, что это явление пришло с древнейших времен, говорит о том, что терроризм весьма чутко реагирует на изменения в обществе и, приспосабливаясь к ним, обретает такие формы, которые иногда практически не позволяют отличить его от иной организованной преступной деятельности.

В этой связи становится очевидным, что для дальнейшего совершенствования борьбы с терроризмом необходимо более эффективное использование возможностей современной науки⁴.

По проблемам борьбы с терроризмом в последние годы в России и в мире было проведено множество научных исследований и опубликовано немало научных работ. Эту сферу можно было бы считать тщательно исследованной, если бы была предложена проверенная на эффективность система противодействия. Поскольку завершенная система противодействия проявлениям терроризма ни в мировом, и в национальном масштабах не создана, то данная тема, несмотря на свою разработанность, представляет интерес для ученых различных областей науки.

Исследование терроризма – это достаточно сложное занятие. Во-первых, при очевидной необходимости поиска научного решения проблемы терроризма, далеко непросто получить доступ к эмпирическим материалам. Невозможность обобщения и анализа практики борьбы с проявлениями терроризма вынуждает исследователей строить гипотезы и предлагать решения, которые мало что дают практике. Во-вторых, как бы того и хотелось избежать, постоянно наталкиваешься на политическую составляющую терроризма, игнорирование которой приведет к неполноте и косности всего исследования. Стремление ученых обойти вниманием политическую суть террора и терроризма вредит и науке, и обществу, и самой власти, поскольку, лишь нарушив принцип власти «что не говорится, того не существует», можно прийти к открытому обществу и правовому государству. Замалчивание проблемы политической преступности⁵ и преступной политики⁶ провоцирует власть на новые преступления против собственного народа. А это, в свою очередь, провоцирует народ, считающий себя морально свободным перед преступной властью, на преступную, в том числе и террористическую активность. Но насилие и несправедливость власти в отношении своих граждан не только вызывает ответную реакцию, но и растлевает народ изнутри, вызывая недоверие и сопротивление любой форме властных предписаний. Если активная форма сопротивления преступной политике заключается во всевозможных правонарушениях и преступлениях, с которыми власть борется путем установления запретов, то пассивная форма протеста (снижение экономической, демографической, социальной, культурной и т. п. активности населения) ставит под угрозу само существование народа. У него снижается природный иммунитет организованного сопротивления насилию, а потому он оказывается уязвим для активности враждебных внешних сил. Пассивная народная оппозиция и народный нигилизм явля-

⁴ Сальников В. П., Возгрин И. А. О роли науки в системе противодействия терроризму // Защита и безопасность. 2002. № 2.

⁵ Кабанов П. А. Политический терроризм: Криминологическая характеристика и меры сдерживания. Нижнекамск, 1998. С. 48.

⁶ Шестаков Д. А. Криминология. Преступность как свойство общества. СПб., 2001. С. 205.

ются самыми опасными для любой власти формами противодействия, формами совершенно неуправляемыми, неподконтрольными никаким методам государственного принуждения и самым жестоким уголовным карам. Внешнее смирение перед угрозой террора не означает смирения внутреннего. Уходя далеко в глубь человеческой психики, мысли о противодействии государству и церкви, о мести, о восстановлении исторической справедливости и т. д. живут в ожидании «своего часа», чтобы прорваться наружу чудовищными взрывами общественных потрясений. Такие взрывы происходят в периоды нестабильности и иных социальных катаклизмов. Вполне возможно, что наблюдаемый сегодня по всему миру натиск многочисленных террористических групп, некоторые из которых пытаются террористическими методами решить вековые конфликты, есть не что иное, как проявление подобного рода психологии.

В настоящей работе автором предпринята попытка комплексного анализа криминологических и уголовно-правовых проблем терроризма и тесно примыкающих к нему других преступлений террористического характера.

Глава I. Террор и терроризм: проблемы понятийного аппарата

1.1. Основные подходы к юридическому определению терроризма

Прежде чем принимать законы, направленные против терроризма, и совершенствовать законодательство, необходимо четко определить само это явление. Отсутствие четкого определения терроризма становится важнейшим препятствием в разработке международного антитеррористического законодательства. Не имея твердого представления о терроризме, невозможно прийти к согласию в формулировании направленных против него законов. Хотя между 1936 и 1981 гг. было предложено более 100 определений терроризма (теперь их более 200), и попытки дать общепринятое определение этому явлению продолжаются, это ничуть не приближает разработчиков к обнаружению «общего знаменателя».

Как явление терроризм имеет давние корни, но сами понятия «террор», «терроризм» и «террористический акт» появились сравнительно недавно. Слово «терроризм» применялось в период Французской революции между мартом 1793 г. и июлем 1794 г. и означало «правление ужаса»⁷. Согласно словарю Французской академии 1796 г., якобинцы часто употребляли понятие «терроризм» устно и письменно по отношению к себе и всегда с положительным оттенком⁸. Однако после 9 термидора слово «террорист» стало носить уже оскорбительный смысл, превратившись в синоним слова «преступник». Впоследствии этот термин получил более широкое толкование и стал означать всякую систему правления, основанную на страхе. Затем до самых недавних пор слово «терроризм» употреблялось настолько широко и означало столько различных типов насилия, что вовсе утратило какой-либо конкретный смысл.

Впервые попытка дать общеприемлемое понятие терроризма была предпринята на III Международной конференции по унификации уголовного законодательства (Брюссель 1930 г.), организованной Международной ассоциацией уголовного права. Но предложенное определение терроризма не отражало каких-либо характерных признаков этого явления, а лишь перечисляло деяния, которые следует рассматривать как проявление терроризма. А поскольку терроризм – явление многоликое и многомерное, то и перечень деяний, образующих терроризм, оказался весьма широким, позволяющим подвести под это понятие практически любое преступление. По этому поводу А. Н. Трайнин подметил, что «по существу трудно представить посягательство, не подпадающее под это определение»⁹.

На аморфность границ понятия «терроризма», принятого комиссией и предоставленного на рассмотрение III Международной конференции по унификации уголовного законодательства, указывали и многие ее участники, поэтому пленум отложил принятие окончательной резолюции¹⁰. Но и последующие варианты (предложенные на IV конференции по унификации уголовного законодательства (Париж 1931 г.)) оказались далеко не луч-

⁷ Петрищев В. Е. История терроризма в России // Современный терроризм: состояние и перспективы / Под ред. Е. И. Степанова. М., 2000. С. 12.

⁸ Алексеенко Д. Актуальность новых подходов в борьбе с терроризмом // Материалы Международной конференции 23–24 октября 2001 года. М., 2001. С. 55.

⁹ Трайнин А. Н. Защита мира и уголовный закон. Избранные произведения. М., 1969. С. 40–41.

¹⁰ Ляхов Е. Г. Политика терроризма – политика насилия и агрессии. М., 1987. С. 20.

шими, поскольку во главу угла ставились не практические задачи борьбы с терроризмом как уголовно-правовым феноменом, а задачи борьбы с политическими противниками уголовно-правовыми средствами. Все позитивные наработки в части определения объективных признаков терроризма, содержащиеся в резолюциях III (Брюссель 1930 г.) и IV (Париж 1931 г.) конференций по унификации уголовного законодательства были как бы перечеркнуты пафосом политической борьбы, наполнившим резолюцию V конференции (Мадрид 1933 г.): терроризм в ней определялся как любое действие с целью разрушения социального строя. Поскольку названы конкретные признаки терроризма как самостоятельного преступления не были, упомянутые резолюции так и остались не востребованными официальными международными органами, работающими под эгидой Лиги Наций.

После убийства в 1934 г. короля Югославии Александра I и министра иностранных дел Франции Луи Барту Совет Лиги Наций по своей инициативе поставил вопрос о разработке коллективных мер по борьбе с терроризмом. Советом был образован комитет в составе представителей 11 государств, в том числе и Советского Союза, для разработки Международной конвенции, направленной на борьбу с терроризмом. Конвенция о борьбе с терроризмом содержала довольно широкое толкование терроризма. В качестве террористических актов в ней были названы: всякое умышленное действие, преследующее цель убийства глав государств или дипломатических ответственных должностных лиц государств; разрушение или повреждение государственного имущества или средств транспорта; действия, подвергающие опасности человеческие жизни. Особо была отмечена наказуемость создания преступных организаций в целях совершения террористических актов или участия в таких организациях. Но эта конвенция не была ратифицирована и, соответственно, не вступила в силу¹¹.

С обострением проблемы терроризма после Второй мировой войны многие государства вновь обратились к вопросу выработки определения терроризма. Эта работа велась как в рамках ООН, так и в рамках сотрудничества Европейских государств. Причем в рамках ООН эта работа осуществлялась по двум основным направлениям: 1) выработка всеобщей Международной конвенции по борьбе с терроризмом; 2) подготовка проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества.

Первая Международная конвенция по борьбе с подобными деяниями была заключена 2 февраля 1971 г. и касалась вопросов предупреждения и наказания преступных актов, имеющих международный характер и принимающих форму преступлений против указанных в конвенции лиц и сопряженных с этим вымогательств. В конвенции предусмотрена наказуемость похищений, убийств и других посягательств на жизнь или личную неприкосновенность лиц, которым государство обязано предоставить особую защиту в соответствии с нормами международного права, а также наказуемость связанных с этим деянием вымогательств.

В декабре 1972 г. Генеральная Ассамблея ООН в ходе рассмотрения вопроса о мерах, направленных на предотвращение терроризма и других форм насилия, которые угрожают жизни невинных людей или приводят к их гибели, или подвергают опасности основные свободы, приняла резолюцию № 3034¹². В соответствии с п. 9 данной резолюции в 1973 г. был учрежден Специальный комитет по вопросам международного терроризма¹³.

Параллельно государства – члены Европейского Совета – разработали Европейскую конвенцию по борьбе с терроризмом, которая была принята в Страсбурге 27 января 1977 г. В статье 1 Конвенции говорится об отказе признать терроризм политическим правонару-

¹¹ Трайнин А. Н. Защита мира и уголовный закон. Избранные произведения. М., 1969. С. 36.

¹² Действующее международное право. М., 1996. Т. 1.

¹³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 3034 (XXVII) (от 18 сентября 1972 г.) // <http://www.un.org/russian/terrorism/>

шением и утверждается необходимость выдачи террористов иностранному государству как общеуголовных преступников. А к терроризму были отнесены следующие деяния:

а) правонарушения, относящиеся к применению Конвенции по борьбе с преступным захватом летательных аппаратов, подписанной в Гааге 16 декабря 1970 г.;

б) правонарушения, относящиеся к применению Конвенции по борьбе с преступными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, подписанной в Лондоне 23 сентября 1971 г.;

в) тяжкие правонарушения, заключающиеся в покушении на жизнь, телесную целостность или свободу людей, имеющих право международной защиты, включая дипломатических представителей;

г) правонарушения, содержащие захват заложников или незаконное лишение свободы;

д) правонарушения, содержащие использование бомб, гранат, ракет, автоматического огнестрельного оружия, бандеролей или посылок с опасными вложениями, соразмерно с тем, насколько подобное использование представляет опасность для людей;

е) попытка совершения одного из вышеуказанных правонарушений или участие в качестве сообщника лица, которое совершает или пытается совершить подобное правонарушение.

Кроме того, статья 2 указывает, что под действие Конвенции могут подпадать деяния, которые хотя и не перечислены в статье 1, но направлены:

- против жизни, телесной целостности или свободы людей;
- против имущества и при этом создают коллективную опасность для людей;
- на приготовление, покушение или соучастие в этих преступлениях¹⁴.

Из сказанного видно, что и послевоенные конвенции, направленные на борьбу с терроризмом, мало преуспели в определении его понятия, поскольку к терроризму они причисляют практически любое насильственное преступление.

Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом, принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 52/164 и открытая для подписания всеми государствами с 12 января 1998 г., определяет, что любое лицо совершает преступление, если оно незаконно и преднамеренно доставляет, помещает, приводит в действие взрывное или иное смертоносное устройство в пределах мест общественного пользования, государственного или правительственного объекта, объекта системы общественного транспорта или объекта инфраструктуры или таким образом, что это направлено против них:

а) с намерением причинить смерть или серьезное увечье или

б) с намерением произвести значительное разрушение таких мест, объекта или системы, когда подобное разрушение влечет или может повлечь за собой причинение крупного экономического ущерба (п. 1 ст. 2). Любое лицо совершает преступление, если оно пытается совершить какое-либо из указанных выше преступлений (п. 2 ст. 2).

Используемый в конвенциях метод определения терроризма посредством перечисления конкретных деяний, в которых он может выразиться, вряд ли можно считать перспективным. В этой связи совершенно точными представляются следующие выводы, сделанные Т. С. Бояр-Созоновичем: «Не принижая роль и значение соответствующих международных “предметных” конвенций по борьбе с отдельными видами и формами международного терроризма, вместе с тем нельзя не принять во внимание их ограниченность. Даже в совокупности они не представляют собой упорядоченной и скоординированной системы мер... Кроме того, по мере развития науки и техники постоянно будут возникать новые виды и формы

¹⁴ Европейская конвенция о пресечении терроризма (Страсбург, 27 января 1977 г.) // Собрание законодательства РФ. 2003. 20 янв. № 3. Ст. 202.

терроризма, которые на каком-то этапе выпадут из поля действия международных “предметных” конвенций”¹⁵.

Таким образом, работа, осуществляемая в данном направлении, не снимает с повестки дня необходимости разработки универсального международно-правового документа, который охватил бы всю проблему в целом.

Е. Г. Ляхов приводит цитату из трактата по «Международному уголовному праву», вышедшего в США, где указывается на объективные трудности выработки общепринятого юридического определения терроризма, связанные с тем фактом, что это слово может означать «террор», «варварство», «устрашение», а также целую серию различных актов, включая насилие¹⁶. Участники V Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (1975 г.) пришли к выводу, что чрезвычайно трудно дать более или менее точное определение терроризма¹⁷.

При выработке универсального международно-правового документа, охватывающего всю проблему в целом, очевидно, основное внимание должно быть обращено на определение общего понятия терроризма и установление его отличительных признаков. Те или иные отличительные признаки терроризма с достаточной степенью полноты уже охарактеризованы как в международных документах, так и в научной литературе и нашли свое законодательное закрепление в уголовных кодексах многих государств. Поэтому, как правильно считает В. П. Емельянов, основная задача научных исследований в настоящее время должна состоять в том, чтобы все эти признаки учесть, сгруппировать и синтезировать в общем определении терроризма, позволяющем четко отграничить его от смежных понятий, а состав терроризма – от смежных составов преступлений¹⁸. Но и этот ученый не вносит ясности в вопрос о том, что есть терроризм, поскольку допускает методологические ошибки, которых не удавалось избежать многим его предшественникам.

«Терроризм – определяет он, – это совершение или угроза совершения взрыва, поджога или иных общеопасных деяний, могущих повлечь гибель людей или иные тяжкие последствия и направленных на устрашение населения в целях понуждения государства, международной организации, физического или юридического лица или группы лиц к совершению или отказу от совершения какого-либо действия».

Акт терроризма – это совершение конкретного деяния, обладающего признаками состава терроризма.

Терроризм (акт терроризма) следует рассматривать как составную часть в системе преступлений террористического характера (террористической направленности). К категории этих преступлений исследователь относит терроризм, террористический акт и другие преступления (захват заложников, похищение человека, захват зданий, сооружений, водного или воздушного судна, железнодорожного подвижного состава и т. д.), если эти деяния совершаются публично, направлены на устрашение населения в целях оказания влияния на принятие какого-либо решения или отказ от него. Совершение любого деяния, обладающего указанными признаками преступлений террористического характера (террористической направленности), предлагается обозначить категорией «террористическая акция», которая по своему содержанию охватывает и акт терроризма, и террористический акт, и любое другое преступление террористического характера¹⁹.

¹⁵ Бояр-Созонович Т. С. Международный терроризм: политико-правовые аспекты. Одесса, 1991. С. 119–120.

¹⁶ Ляхов Е. Г. Политика терроризма – политика насилия и агрессии. М., 1987. С. 20.

¹⁷ Доклад Пятого конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Нью-Йорк, 1976. С. 35–36.

¹⁸ Емельянов В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования (уголовно-правовое исследование). М., 2000. С. 22.

¹⁹ Емельянов В. П. Террористический акт и акт терроризма: понятие, соотношение и разграничение // Законность. 2002.

Определяя понятие «террор», американские авторы (В. Маллисон и С. Маллисон) отмечали, что «террор есть систематическое использование насилия или угрозы насилием для достижения публичных или политических целей». А терроризм – это «применение негосударственного насилия или угрозы насилия с целью вызвать панику в обществе, ослабить положение и даже свергнуть должностных лиц и вызвать политические изменения в обществе»²⁰.

Б. Крозье – директор лондонского института по изучению конфликтов, по-английски краток: «Терроризм есть мотивированное насилие с политическими целями»²¹.

Более широко и неопределенно террор трактуется в книге «Международный терроризм и всемирная безопасность»: террор – это угроза насилием, индивидуальные акты насилия или компании насилия, ставящие своей целью, в первую очередь, последовательно внушать страх – терроризировать²².

Немецкий ученый Х.-Ю. Кернер определяет терроризм как наивысшую степень проявления экстремизма²³.

В выступлении генерального докладчика V Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями отмечалось, что пытки и терроризм представляют собой две стороны одного и того же зла, которое заключается в применении насилия с целью заставить людей под страхом страданий или смерти подчиниться воле государственного аппарата, отдельных лиц или группы лиц²⁴.

В научном мире на различных симпозиумах и конференциях чаще используются определения, которые приводились в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи ООН в 1976 г. Наиболее точно (хотя далеко не полно), с нашей точки зрения, суть терроризма определил известный американский политолог Р. Арон. Он считает, что акт насилия следует рассматривать как терроризм в том случае, когда его психологический эффект обратно пропорционален его истинным физическим результатам²⁵. Э. Аречага (Индия) смешивает признаки терроризма и террора. Он определяет терроризм как акты, сами по себе являющиеся традиционными формами общеуголовных преступлений, но совершаемые преднамеренно с целью вызвать панику, беспорядок и террор в организованном обществе, разрушить общественный порядок, парализовать противодействие террору со стороны общественных сил и интенсифицировать беды и страдания общества²⁶.

После событий 11 сентября в США Т. П. Ондек и Т. А. Келли (США) – руководители компании, в чьи обязанности входит борьба с массовым терроризмом – определили терроризм как «способ, с помощью которого те, кто считает себя ущемленным в своих правах и кому не достает военной, экономической или политической силы для осуществления своих целей, заставляют воспринимаемых ими врагов идти на необходимые политические уступки с помощью угроз»²⁷.

№ 7.

²⁰ Шрагин В. О. Глобальный терроризм США. М., 1991. С. 86.

²¹ Там же. С. 90.

²² International Terrorism and World Security. L., 1975. P. 14.

²³ Криминология: Словарь-справочник / Пер. с нем.; отв. ред. перевода А. И. Долгова. М., 1998. С. 322.

²⁴ Доклад Пятого конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Нью-Йорк, 1976. С. 125–126.

²⁵ Мартыненко К. Б. Теоретико-правовые вопросы политического терроризма (на примере России конца 80–90-х годов XX века): Дис... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999. С. 32.

²⁶ The Indian Journal of International Law. Vol. XVII. 1977. № 1. P. 70.

²⁷ Ондек Т. П., Келли Т. А. Активное применение проверенных методов расследования для борьбы с массовым терроризмом // Материалы Международной конференции 23–24 октября 2001 года. М., 2001.

Другое, поспешно выработанное в Брюсселе в декабре 2001 г. министрами юстиции и внутренних дел 15 стран Европейского Союза определение терроризма рассматривает его как «преступные действия, направленные против граждан, их запугивание и угрозы физической расправой, против национальных и международных организаций, против политических, экономических, конституционных и социальных устоев государства»²⁸.

Отечественными учеными также предпринимались и предпринимаются попытки точно определить терроризм. При этом авторы в своих научных изысканиях ориентируются на словари, в которых, в большинстве своем, вовсе не дается определение терроризма, а просто поясняется его суть, без определения признаков. Так в словаре С. И. Ожегова «террор» рассматривается как устрашение противника путем физического насилия, вплоть до уничтожения, а «терроризм» – как практика террора²⁹. В «Кратком политическом словаре» «террор» трактуется как политика устрашения, насилия и расправы с политическим противником вплоть до физического его уничтожения. Под «террористическим актом» понимается нанесение тяжкого телесного повреждения физическому лицу в связи с выполнением им политических задач³⁰. Словарь иностранных слов не содержит понятия терроризма, но объясняет слово «терроризировать»: 1) преследовать, угрожая расправой, насилиями; 2) запугивать, держа в состоянии страха³¹.

«Терроризм, – считает В. В. Витюк, – это: а) тактика политической борьбы, связанная с сознательным и систематическим осуществлением насильственных действий. Политическая сущность отличает терроризм от “уголовной” преступности; б) не просто физическое устрашение тех или иных влиятельных лиц, но и устрашение правительств или социальных групп; в) тактика, состоящая в систематической организации политических убийств без связи с революционной борьбой масс»³².

На заседании «круглого стола» журнала «Государство и право», посвященном психологическим корням и правовым оценкам терроризма, С. А. Эфиров высказал следующую мысль: «В широком смысле понятие терроризма можно употреблять как объединяющее нелегальную подрывную деятельность и все виды государственного террора, террористической политики и геноцида»³³.

Ю. М. Антонян считает, что насилие может называться террористическим только тогда, когда оно совершается ради устрашения кого-нибудь. Терроризм он определяет и как все явление в целом, и как отдельные террористические акты. Под террором исследователь понимает реализацию терроризма в течение более или менее длительного времени и, как правило, на значительной территории в отношении многих людей³⁴.

Выступая на Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, 13 мая 2003 г.) «Совершенствование правовой базы и взаимодействия правоохранительных органов различных государств в борьбе с терроризмом и экстремизмом», профессор Р. А. Ромашов отметил, что террористический акт – это единичный случай проявления террора, а терроризм – это динамическая система осуществления террора, это экстремальная политика.

²⁸ Цит. по: Кудинов В. П. Глобализация международного терроризма: откуда исходят угрозы миру // Антитеррор. 2002. № 1.

²⁹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 824.

³⁰ Краткий политический словарь. М., 1987. С. 257.

³¹ Словарь иностранных слов. 10-е изд., стереотип. М., 1983. С. 494.

³² Витюк В. В. Социальная сущность и идейно-политические концепции современного левого терроризма: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1981. С. 7.

³³ Государство и право. 1995. № 4.

³⁴ Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998. С. 11.

Иногда различие между понятиями «террор» и «терроризм» проводят по характеру действий: террор – это открытые, демонстративные действия, а терроризм реализуется в конспиративных, нелегальных действиях³⁵. Террор рассматривается как социально-политическое явление государственного или межгосударственного характера, а терроризм – как социальное явление, становящееся крайней реакцией на кризис в обществе³⁶.

В политической, социологической, публицистической литературе понятия «террор», «терроризм» и «террористический акт» чаще всего идентифицируются по своему смысловому значению и используются как синонимы. Такая идентификация указанных понятий удобна именно с позиции «лексического обихода» в утилитарном отношении, но она же создает определенные трудности и проблемы методологического характера. Расширительное понимание терроризма, включающее такие сходные понятия, как «террор», «террористический акт», «мятеж», «геноцид» и др., мешает видеть истинный смысл самого терроризма. Само слово «террор» пришло из латинского языка и означает «страх», «ужас». Поэтому любой акт насилия, убийство, нанесение увечья, захват заложника и др. могут рассматриваться как терроризм лишь постольку, поскольку они преследуют цель кого-то утратить, запугать, повергнуть в ужас. В этом случае названные понятия являются вполне идентичными по своему значению, однопорядковыми. Однако применительно к субъекту и объекту преступления такого рода идентификация рассматриваемых понятий нивелирует специфику конкретной политической ситуации, в которой акт терроризма совершается. Поэтому представляется правильной точка зрения В. Замкового, М. Ильчикова, Д. А. Шестакова, относящих «террор» к политическим силам, находящимся во власти, опирающимся на властные структуры и репрессивный аппарат подавления (армию, МВД, спецслужбы и т. д.). «Террор» осуществляют политические силы, объективно являющиеся более сильной стороной в конфликте и противоборстве. Понятие же «терроризм» следует относить к действиям оппозиционных сил, выступающих против властей преобладающих и объективно являющихся стороной более слабой.

Такого рода трактовка соотношения понятий «террор» и «терроризм» в главном совпадает с дихотомией репрессивного и субрепрессивного террора³⁷. Террор, отмечает профессор Д. А. Шестаков, устрашающие, агрессивные (связанные с лишением жизни, свободы, причинением вреда здоровью) действия легальных властей по отношению к населению собственной страны либо связанные с их вмешательством в другие страны. Терроризм – подобные действия, совершаемые в тех же целях, но не государством, а нелегитимными группами или отдельными людьми. Террор и терроризм взаимообусловлены как две стороны (легальная и нелегальная) борьбы за государственную и надгосударственную власть³⁸.

Аналогичной позиции придерживаются и некоторые западные террорологи³⁹. Так, польский ученый А. Бернгард в своей книге «Стратегия терроризма» пишет: «Террор является насилием и устрашением, используемым объективно более сильным в отношении более слабых; терроризм – это насилие и устрашение, используемые более слабыми в отношении более сильных»⁴⁰.

³⁵ Будницкий О. В. История терроризма в России в документах, библиографиях, исследованиях. Ростов-н/Д, 1996. С. 13.

³⁶ Никитин А. В. Терроризм как форма девиантного поведения (криминологический аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 7.

³⁷ Замковой В. И., Ильчиков М. З. Терроризм – глобальная проблема современности. М., 1996. С. 9.

³⁸ Шестаков Д. А. Терроризм и террор – взаимообусловленные преступления (политико-криминологическое эссе) // Следователь. 2003. № 2.

³⁹ Термин «террорология», на наш взгляд, лингвистически точнее, чем традиционно употребляемый учеными, политиками и журналистами термин «террология». Причем не следует ограничивать предмет террологии только лишь одним терроризмом. На наш взгляд, предмет террологии значительно шире и включает в себя, помимо терроризма, террор, преступления террористического характера и террористической направленности.

⁴⁰ Berngard A. Strategia terrorizmu. Warszawa, 1978. P. 22.

Таким образом, несмотря на обилие литературы по проблемам терроризма, множество проведенных симпозиумов, конференций, круглых столов и других форм научных дискуссий, ни зарубежным, ни отечественным ученым не удалось договориться о том, что следует понимать под терроризмом, и о терминологическом ограничении его от смежных понятий. Это явление действительно связано с философскими, религиозными, психологическими проблемами, связано с историческими и политическими процессами, традициями жизни наций, религий и государств. Но самым главным фактором, затрудняющим единый подход к определению терроризма и его юридическое оформление, а как следствие – и выработку согласованных, объединенных международных мер по борьбе с ним, является крайняя политизированность оценок, в особенности, когда речь идет о государственном и межгосударственном терроризме. Так, в некоторых источниках помощь СССР Республике Куба рассматривается как способствование терроризму на уровне государственной политики. Государственным терроризмом признаются и операции США, направленные против Ливии и Ирака как «источников агрессии и терроризма», а в действительности преследующие цели «наведения порядка» в нефтедобывающем регионе планеты⁴¹. В свою очередь президент США в своем выступлении говорит о силах сопротивления в Ираке как о террористических, называя вооруженные силы США в Ираке – освободителями. В Великобритании с терроризмом связывают насильственные действия в Северной Ирландии, в Израиле терроризмом считается деятельность ООП, в России – деятельность сил сопротивления на территории Чечни и т. д.⁴²

Таким образом, лозунг борьбы с терроризмом активно используется для оправдания деяний, совершаемых в политических целях: ради упрочения политической власти, устранения политических оппонентов, пресечения законной оппозиции и/или подавления сопротивления военной оккупации.

Действительно ли терроризм – явление настолько сложное, что его невозможно определить? Вызывают большие сомнения ссылки ученых и политиков на возникающие трудности. Не может такого быть, чтобы человечество, успешно расщепившее атом, на 99,9 % разгадавшее генетический код человека и решившее массу других задач точных наук, не могло справиться с одной гуманитарной проблемой. Тому, что мировое сообщество не может прийти к единому мнению по этому вопросу, находится только одно объяснение – нежелание государств лишиться идеального во всех отношениях инструмента решения неограниченного числа задач. Терроризм не представляет собой проблему, которая сопряжена с какой-то отдельной этнической или религиозной группой. Напротив, терроризм используется как тактика практически во всех частях мира, без каких бы то ни было различий в плане богатства, половой принадлежности или возраста жертв, которыми в основном являются мирные жители. «В настоящее время, – отмечается в докладе Рабочей группы по разработке политики по вопросу о роли ООН в связи с терроризмом, – мы, бесспорно, стали свидетелями использования терроризма как стратегии»⁴³.

Законодательное решение проблемы понятийного аппарата терроризма позволит подвергать юридической оценке все то, что стало причиной конкретного акта терроризма, а это может выявить истинное содержание терроризма и обнаружить не только исполнителей акта терроризма, но и его организаторов и финансистов. Видимо, человечество еще не достигло того уровня, когда терроризм станет ненужным в качестве средства решения большого круга

⁴¹ Примаков Е. М. Мир после 11 сентября. М., 2002. С. 113–136.

⁴² Овчинникова В. Г. Терроризм. Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе / Науч. ред. проф. Б. В. Волженкин. СПб., 1998. С. 8.

⁴³ Доклад Рабочей группы по разработке политики по вопросу о роли Организации Объединенных Наций в связи с терроризмом // <http://www.un.org/russian/terrorism/>

задач. «В этих условиях, – считает профессор А. И. Гуров, – политически очень выгодно оставлять проблему точного определения терроризма неразрешенной»⁴⁴.

Как бы то ни было, все размышления по этому вопросу сводятся к тому, что терроризм – это деяние, вызывающее страх, беспокойство, ужас, страдания одновременно у множества людей. Но эти чувства способны вызвать и другие деяния, например, бандитизм, массовые беспорядки, банальное хулиганство и вообще уличная преступность. Поэтому возникает необходимость четкого определения круга деяний, обладающих свойством массового устрашения, и проведения разграничения смежных с терроризмом понятий.

⁴⁴ Гуров А. И. О некоторых аспектах борьбы с терроризмом // Защита и безопасность. 2003. № 2.

1.2. Критерии разграничения терроризма и смежных с ним явлений

За последние годы проведено много социологических опросов населения и специалистов с целью выяснения различных аспектов терроризма⁴⁵. Для последующего изложения материала интерес представляет отношение людей к этому явлению, то, как они понимают, в чем терроризм проявляется и кто такие террористы.

Наш опрос показал, что чуть более 17/29 % опрошенных лиц (мужского/женского пола) понимают терроризм как любые убийства, совершенные путем взрыва, 12/26 % отождествляют терроризм только со взрывами, 32,6/22,2 % понимают его как любую преступную деятельность этно-национальных групп, 16,2/36,5 % – преступную деятельность религиозных или этно-национальных групп, преследующих политические цели.

42/47 % опрошенных признают террористами лиц, исповедующих ислам, 46/32 % – преступников из числа выходцев с Кавказа (большинство из них слова «террорист» и «чеченец» рассматривают как синонимы – 58/46 %), 19 % считают террористами тех, кто совершает взрывы.

Опрос сотрудников правоохранительных органов показал, что 46,3 % рассматривают терроризм как уголовное преступление, при этом выделяют только один способ его совершения – взрыв, 29 % указали еще на некоторые признаки терроризма, закрепленные в ст. 205 УК (взрыв, устрашение, принуждение). Террористами признают экстремистов (18 %), религиозных фанатиков (46 %), выходцев с Кавказа (21 %).

Важно отметить, что 92 % опрошенных пользуются только одним источником информации – телевидением, 8 % наравне с телевидением назвали и иные средства массовой информации (газеты, радио, Интернет). Значит, общее представление о терроризме формирует телевидение, выступающее мощнейшим средством массового воздействия на умы и чувства людей. Это подтверждает мнение ведущего российского специалиста в отрасли криминологии массовой коммуникации профессора Г. Н. Горшенкова, рассматривающего информацию в качестве социального оружия⁴⁶.

В целом, и наш опрос показал, что люди, даже специалисты в области противодействия преступности, совершенно не ориентируются в явлении, которое, казалось бы, направлено против них, которое ставит их существование в зависимость от миропонимания и мироощущения террористов.

Результаты опроса не должны удивлять, так как нет понимания этих вопросов и в среде ученых. Предлагая массу вариантов определений терроризма, исследователи еще ни разу не предпринимали попыток выработать методiku, которая позволяла бы более или менее точно определять терроризм и отличать его от иных понятий. Отсутствие методик установления признаков следует рассматривать как главную причину того, что слово «терроризм» не имеет точной или широко принятой юридической дефиниции. Это является одним из факторов, который как раз и позволяет терроризму столь свободно развиваться и очень облегчает жизнь террористам.

Понятие «терроризм» тесно связано с этимологией и трактовкой таких слов, как «террор» и «террористический акт». Однако нельзя считать, что все три понятия относятся к

⁴⁵ Ольшевский Д. В. Психология терроризма. СПб., 2002. С. 14.

⁴⁶ Горшенков Г. Н. Массово-коммуникативное воздействие на криминологическую ситуацию. Сыктывкар, 1997; Горшенков Г. Н., Климова Ю. Н. Политическая преступность и средства массовой коммуникации в период выборов // Московский гуманитарно-экономический институт. Нижнекамский филиал. Вестник научных трудов. Серия 8. Политическая криминология. Нижнекамск, 2002. С. 17.

четко определенным и ясно идентифицируемым фактическим событиям⁴⁷. Здесь мы имеем дело с редкой в правовой доктрине ситуацией, когда термин имеет весьма широкое значение. Тем не менее эффективность решения любой проблемы во многом зависит от точности и полноты ее определения.

В научной работе бывает целесообразным, особенно в тех случаях, когда разрешение какой-либо проблемы представляется чрезвычайно трудным, привлечь к ее разрешению еще и другую, каким-то образом связанную с главной, проблему – ведь легче же расколоть сразу два ореха. В этих целях и нам придется привлечь к разрешению проблемы определения терроризма еще две смежные проблемы – определение террора и террористического акта. При выработке терминологического аппарата в первую очередь необходимо установить связь и провести разграничение между этими тремя понятиями. По выполнению этой задачи можно будет приступить и к не менее сложному и важному делу – классификации терроризма. Задача отграничения смежных с терроризмом понятий – это сложная задача, но, на наш взгляд, ее можно решить, если пользоваться следующим алгоритмом, позволяющим определять признаки каждого из явлений. Для этого необходимо установить:

а) статус лица (лиц), осуществляющего акт насилия (юридическое или физическое лицо, наделено оно или нет правом определения внутренней или внешней политики государства);

б) цели субъекта преступной акции (прекращение государственной или общественной деятельности жертвы; принуждение посредством предварительного устрашения к определенным действиям; целенаправленная политика насилия в отношении определенных слоев общества или определенных наций, народов, конфессий);

в) круг лиц, против которых направлено деяние (статус жертвы, ее индивидуальная определенность или неопределенность);

г) средства осуществления преступных акций и их масштабы (масштабность преступных действий и их последствий; использование государственных органов принуждения);

д) правовую базу осуществления акции (наличие или отсутствие законодательной основы; точное соответствие акции нормам закона; соответствие самого закона общепринятым нормам Международного права);

е) продолжительность преступной акции.

Определяя признаки каждого из этих понятий, необходимо опираться на фактический материал, в котором нет недостатка, и его можно почерпнуть из истории любого государства. Но лучшими примерами для определения признаков указанных понятий все-таки являются эпохи революций, тоталитаризма и фашизма. В эти периоды истории человечества смерть и угроза ее причинения были основным регулятором отношений людей и управляли жизнью целых стран. Смерть выступала в качестве основного способа реализации идей и решения возникающих проблем, что и позволило профессору Ю. М. Антоняну называть эти эпохи «некрофильскими»⁴⁸.

1. Субъект преступных действий. Упрощенно отвечая на традиционный вопрос «Кто виноват?», можно обвинить в революционном терроре Ленина, в массовых репрессиях – Сталина⁴⁹, в преступлениях фашистов – Гитлера. Хотя возможно, что непосредственными

⁴⁷ Замковой В. И., Ильчиков М. З. Терроризм – глобальная проблема современности. М., 1996. С. 8.

⁴⁸ Антонян Ю. М. Убийства ради убийства. М., 1998. С. 16.

⁴⁹ В наши цели не входит исследование проблемы, относить или нет Ленина и Сталина к террористам. Одни авторы считают их террористами, другие нет, третьи не приемлют и саму постановку такого вопроса. Не вступая в дискуссию, отметим, что судить нужно не по лозунгам, под которыми истреблялся цвет русской нации (Ленин) или уничтожались целые народы (Сталин, Гитлер), а по реальным последствиям, к которым привела политика террора. Однако ставить знак равенства между коммунизмом и фашизмом, как это делает Ю. М. Антонян, никак нельзя, потому что это совершенно противоположные идеологии. См., например: Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998; Емельянов В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования (уголовно-правовое исследование. М., 1998).

исполнителями преступлений они и не были, но создали такую систему государственной власти, которая только и могла реализовать их политику всеобъемлющего террора. Следовательно, инициатива преступных действий, определяемых как террор, исходит от высших должностных лиц, наделенных правом определения внутренней и внешней политики государства. Сказанное покажется не вполне верным применительно к Ленину, поскольку в начальный период своей революционной деятельности он не только не обладал правом определения политики России, но и был преследуем официальной властью как государственный преступник. Постановление СНК, узаконившее «красный террор», было им подписано лишь 5 сентября 1918 г., то есть тогда, когда власть революционеров окрепла и сравнялась или даже стала превосходить по мощи легальную власть. Этот период истории можно охарактеризовать как период перерастания терроризма в террор. Из этого следует, что в революционный период субъектом террора может выступать и неофициальная власть, которая хотя бы на какое-то время перехватила у официальной власти инициативу определения внутренней и (или) внешней политики государства. В случаях равенства сил (политических, идеологических, военных, финансовых возможностей противников) действия обеих конфликтующих сторон, направленные на перелом сложившейся ситуации в свою пользу путем устрашения противника применением широкомасштабного насилия в отношении как собственно противника, так и гражданского населения, также следует рассматривать как террор. Напротив, действия более слабой стороны конфликта, даже если она и пользуется методами сильной стороны (применяет насилие для устрашения), следует рассматривать не как террор, а как терроризм. Значит, террор и терроризм можно рассматривать как противостояние двух субъектов, один из которых (более сильный) *юридически* или *фактически* обладает правом или реальными возможностями определять внутреннюю или внешнюю политику государства. Другая сторона конфликта (слабая) может *юридически* обладать правом определения такой политики государства, однако *фактически* не способна этого сделать в силу своей слабости, в том числе и нелегитимности.

Субъектами терроризма выступают индивиды (психически больные, с обостренным чувством справедливости, религиозные фанатики и т. д.), а также политические партии, движения и организации. Следовательно, если субъектом террора является официальная (легитимная или нелегитимная) либо неофициальная (но легитимная, имеющая массовую поддержку в обществе) власть, то круг субъектов терроризма может быть значительно шире, чем круг субъектов террора. Более того, субъекты терроризма чаще всего действуют анонимно (особенно если террористами являются индивиды) и независимо от официальной власти. Причем террористические организации, партии и движения, действующие автономно, лишь в очень редких случаях идут на контакты с властью (как правило, с властью другого государства), получая от нее инструкции, материальную, финансовую и другую помощь. В этом случае в зависимости от масштабов действий организации ее деятельность можно рассматривать как террор одного государства (спонсирующего террористическую группу) в отношении другого (на территории которого или против которого действует группа). Субъекты (непосредственные исполнители) террора, как было отмечено, всегда реализовывают политику государства и не могут существовать, тем более масштабно действовать автономно и анонимно, поскольку находятся на довольствии у покровительствующей им официальной политической власти государства. Поэтому представляется ошибочным отнесение учеными действий народников и эсеров в России к террору. Их преступления в отношении государ-

дование). М., 2000; Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. М., 1999; Политический режим и преступность. СПб., 2001; Петрищев В. Е. Заметки о терроризме. М., 2001. С. 206; Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве. (1917–1941 гг.): Монография. Уфа, 1994. Шестаков Д. А. Криминология, краткий курс: Преступность как свойство общества. СПб., 2001.

ственных деятелей России следует рассматривать либо как терроризм (когда ставилась цель запугать всю официальную власть), либо как террористические акты (когда преступление было совершено против конкретного государственного деятеля без цели общего запугивания).

Если вернуться к конфликтам сегодняшнего дня, в частности к событиям в бывшей Югославии, то деяния всех трех противоборствующих сторон (боснийцев, сербов, хорватов) можно квалифицировать как террор. К такому выводу приводит анализ практики обращения с лицами, заключенными в лагеря. По мнению международных наблюдателей, из всех противоборствующих сторон в бывшей Югославии только сербы действовали по столь четкой схеме и столь масштабно, что становилось ясно – это осознанное проведение в жизнь политики, продуманной на самом высшем политическом уровне. Политика эта была направлена на продолжение «этнических чисток», терроризирование несербского населения с целью заставить его бежать. А в концентрационных лагерях в городах Омарск и Сусица целью политики террора было физическое уничтожение мусульман, в особенности тех, которые могли бы претендовать на лидерство⁵⁰. В случае с хорватами правонарушениям потворствовала высшая политическая власть Хорватии, которая несет прямую ответственность за такие преступления, как последовавшие за военными успехами хорватской армии в Крайне летом 1995 г. продолжительные артиллерийские обстрелы «по квадратам» восточной части Мостара, поджоги зданий, убийство 320 мирных сербских жителей, преимущественно стариков⁵¹. В случае с боснийцами жестокость – это пятно на репутации боснийского правительства, хотя еще не выяснено, совершались ли эти преступления по приказу высших должностных лиц государства, с их ведома, либо они просто смотрели на происходящее «сквозь пальцы». Но то обстоятельство, что боснийское правительство оперативно арестовало лагерную администрацию и немедленно вслед за предъявлением им обвинения отправило их под Международный трибунал по нарушениям гуманитарного права на территории бывшей Югославии, созданного Резолюцией ООН № 808 от 22 февраля 1993 г., позволяет предположить: гражданские чиновники высокого ранга не опасались, что разоблачительные показания арестованных затронут их самих.

Ниже нами обосновывается предположение, что многие страны намеренно культивируют у себя терроризм в контролируемых масштабах. В этом случае акты терроризма совершаются самой властью для их последующего использования в политических целях (ограничения свободы слова, консолидации общества перед угрозой общего врага, устранения политического противника и т. д.). Хотя исследователи отказываются признать государство в качестве субъекта терроризма (В. В. Устинов)⁵², представляется, что в некоторых случаях государство, использующее терроризм как предлог для проведения определенного рода внешней или внутренней политики, может быть субъектом терроризма, если терроризм рассматривать исключительно как социально-политическое явление, а не как уголовное преступление.

Инициатором (организатором) террористического акта также может быть легальная государственная власть (вспомним, например, убийство Кирова, Троцкого). Террористический акт может быть организован и политической партией (например, каждый отдельно взятый акт насилия народовольцев, эсеров и анархистов в отношении высших должностных лиц Российской империи). Субъектом террористического акта может быть и индивид, например личность с обостренным чувством справедливости, по своей инициативе принявшая решение совершить убийство государственного или общественного деятеля (покушение на

⁵⁰ Найер А. Военные преступления. Геноцид. Террор. Борьба за правосудие / Пер. с англ. М., 2000. С. 209.

⁵¹ Эти цифры приведены в докладе Совета Безопасности ООН от 22 декабря 1995 г.

⁵² Устинов В. В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. М., 2002. С. 19.

жизнь градоначальника Петербурга Ф. Ф. Трепова, совершенное В. Засулич, покушение на жизнь Александра II, совершенное Д. Каракозовым, покушение на жизнь Л. И. Брежнева, совершенное В. Ильиным и др.).

Таким образом, лица, наделенные государственно властными полномочиями выступают субъектами и террора, и терроризма, и террористического акта. Политические партии и индивиды не могут быть субъектами террора, но могут являться субъектами терроризма и террористического акта.

2. Цели преступных действий. Каждый из вышеназванных правителей организовывал и санкционировал массовые преступления, декларируя высокие цели. Ленин говорил о мировой революции, о диктатуре пролетариата, об уничтожении буржуазии как класса, о насаждении коммунистической идеологии, об экспроприации и т. д. Целью Сталина было продолжение дела Ленина (соответственно, достижение тех целей, которые тот преследовал, например, подписывая директивы о терроре), создание единой общности «советский народ». Гитлер стремился к порабощению мира, установлению превосходства арийской расы и ее чистоты, Мао Цзэдун – к осуществлению земельной реформы и культурной революции, Пол Пот ставил перед собой задачу совершения тотальной социальной революции и т. д. Абсолютизация власти диктатора всегда является необходимым звеном в цепи достижения глобальной цели.

Если взять современный период истории, то можно сказать, что традиционные цели, преследуемые конфликтующими сторонами, – захват территорий, подчинение себе другой стороны, – отходили на второй план, а может быть, и вовсе не ставились теми, кто организовывал террор в Руанде и в бывшей Югославии. Целью террора в Боснии были «этнические чистки». Целью осады Сараево и восточной части Мостара было уничтожение мусульман и ликвидация всего того, что символизировало космополитический уклад жизни и этнический, религиозный, культурный плюрализм. В Руанде – физическое истребление народности тутси (в результате за три месяца было перебито 800 тыс. человек). Мирные жители и гражданские объекты не были случайными, «побочными» жертвами, неизбежными при правомерном, в смысле обычаев войны, уничтожении военных объектов. Изгнать или уничтожить гражданское население и памятники его культуры – такова была долговременная задача политиков Сербии, Боснии, Хорватии и т. д.

Следовательно, субъекты террора всегда преследуют масштабные, а иногда и глобальные цели, которые в их представлении имеют историческое значение для их народа, их государства или цивилизации (построение социализма, мировая революция, освобождение народа и т. д.).

Субъекты терроризма, как правило, не преследуют столь глобальных целей. В тех случаях, когда масштабные цели все же ставятся (например, народовольцы стремились к переустройству общества на социальных началах), их реализация оказывается террористам не под силу, поскольку возможности официальной власти достаточны для нейтрализации опасной деятельности, сохранения своего положения и продолжения той политики, которую она считает целесообразной. Следовательно, при разграничении терроризма и смежных с ним понятий нужно принимать во внимание не только саму конечную цель, но и вероятность ее достижения субъектом. А она, как отмечает Н. Д. Литвинов, может зависеть от различных факторов: соответствия идеи интересам той или иной части общества, мощности террористической организации, прочности власти и т. д.⁵³

Целеполагание преступников при политическом терроризме ограничиваются какой-то сферой государственной политики. Часто террористы стремятся скорректировать политику

⁵³ Литвинов Н. Д. Роль идеи в развитии антигосударственного терроризма: Монография / Под ред. С. Е. Вицина. Воронеж, 1999. С. 15.

государства в определенной социальной сфере (экономике, экологии, национальной политике и т. д.), продемонстрировать свою силу (заявить о себе как о политической силе) либо ищут наживы (вымогают крупные суммы денег). При этом сам акт терроризма является промежуточным звеном в достижении конечной цели. Последнее относится и к тем случаям, когда субъектом терроризма является легальная государственная власть.

Многочисленные террористические организации, которые в настоящий период действуют в различных регионах мира, иногда преследуют (а чаще просто декларируют для завуалирования истинных корыстных мотивов) глобальные цели, что, как отмечалось, также свойственно и субъекту террора.

Так, террористические организации Ближнего Востока стремятся к освобождению оккупированных территорий, ликвидации государства Израиль, пресечению экспансионной политики Запада. Террористическая организация «ИРА» борется за освобождение Ольстера. Основной задачей кашмирских террористических групп является ликвидация власти Индии над данным регионом.

Упомянутые террористические организации, какими бы они ни были по численности, оснащенности и т. д., нельзя считать субъектами террора, поскольку они не обладают его главным признаком – легальной властью, и, соответственно, не могут определять политику государства. Сказанное вовсе не означает, что названные террористические организации не влияют на государственную политику. Несомненно, они оказывают определенное (как правило, негативное) воздействие на политику государства, но *не определяют* ее. Так, кашмирские террористы, осознавая свою несостоятельность в достижении поставленной стратегической цели, стремятся нанести Индии любой, но как можно больший урон, усугубляя и без того непростые отношения между Пакистаном и Индией⁵⁴. Следовательно, субъекты терроризма во всех случаях преследуют более локальные цели, нежели субъекты террора.

Еще более локальные цели преследуют субъекты террористического акта – нейтрализация конкретной личности, занимающейся определенной деятельностью. Но это опять же не означает, что террористический акт не может повлечь за собой глобальных последствий, которые выходят за рамки ожиданий субъекта. Так, убийство эрцгерцога Фердинанда – террористический акт – стало поводом для начала Первой мировой войны. Между тем сам убийца (Г. Принцип) и стоявшие за ним сербские националисты вряд ли преследовали подобные цели и вряд ли могли предположить, что это убийство будет иметь такие трагические для многих народов мира последствия.

3. В отношении кого осуществлялись преступные акции? Кто становился их жертвой? Жертвами террора всех вышеназванных правителей становились индивиды, партии, нации, народы и государства, которые стояли на пути к достижению поставленных стратегических целей. Тактика заключалась в содержании и поддержании репрессивного аппарата в постоянном «рабочем состоянии», в состоянии, вызывающем всеобщий психоз. Поэтому репрессии в отношении ни в чем не повинных личностей, партий, народов и государств были постоянной и неременной составляющей всей внутренней и внешней политики субъектов террора.

Террор чаще всего носит «адресный» характер (интеллигенция, врачи, кулаки, чеченцы, евреи, цыгане и т. д.). Жертвы обречены, ибо они точно определены по характеризующему их признаку и весь репрессивный аппарат государства работает только в отношении конкретно определенной жертвы (в широком смысле слова)⁵⁵. Так, Пол Пот определял

⁵⁴ Опыт работы органов внутренних дел России и зарубежных правоохранительных органов по борьбе с терроризмом. М., 1999. С. 4.

⁵⁵ Национальные меньшинства, в силу самобытности не вписывающиеся в общую «державно-имперскую» систему политических ценностей, всегда обладают повышенной виктимностью. Так, в период фашизма вне закона были поставлены практически все народы, но особенно евреи и цыгане.

интеллигенцию по признаку близорукости и уничтожал всех, кто носил очки. Военные стратеги США заявили о том, что приверженцев режима Саддама Хусейна будут определять по признаку физической полноты (упитанности), исходя из предпосылки, что в условиях диктатуры этим признаком могли обладать только люди, пользовавшиеся особыми льготами, установленными режимом.

Но террор может быть направлен и в отношении неопределенно широкого круга лиц (враги народа, русские (в том числе и украинцы, и белорусы, и молдаване, т. е. все те, кто проживал на оккупированной фашистами территории бывшего СССР)). В этом случае репрессивный аппарат тоталитарного режима работает «на удачу» (жертвы случайны, убивают одних, чтоб другим неповадно было).

Следовательно, террор осуществляется в отношении жертвы, которую определил субъект террора (власть) по его отличительному признаку (классовому, национальному, партийному, религиозному, территориальному и т. д.).

Террор может быть облечен в форму геноцида. Понятие «геноцид» впервые было сформулировано незадолго до начала Нюрнбергского процесса польским ученым еврейского происхождения Рафаэлем Лемкиным. В своей книге, вышедшей в 1944 г. он доказывал необходимость применения нового термина для квалификации деяний нацистов. Р. Лемкин определял геноцид как «скоординированный план разнообразных действий, направленных на уничтожение главных основ жизни тех или иных групп... Этот план ставит своей целью разрушение социально-политических институтов культуры, языка, национального чувства, религии, экономического существования этих групп, личной безопасности, свободы, здоровья, достоинства и самой жизни индивидуумов, принадлежащих к данным группам»⁵⁶.

В Конвенции ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказания за него»⁵⁷ (заключена 09.12.1948) под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- а) убийство членов такой группы;
- б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- с) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на ее полное или частичное физическое уничтожение;
- д) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- е) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

Суть такого преступления, как геноцид, заключается в убийствах с намерением уничтожить этническую группу. Но уничтожение может осуществляться путем не только массовых убийств, но и разнообразных действий, в совокупности реализуемых с целью прекратить – полностью или в значительной степени – существование данной группы.

Высылавшиеся Сталиным народы, по замыслу тирана, должны были исчезнуть с лица земли. И это, наверное, так бы и было, если бы тиран пережил эти народы, а не высланные народы тирана. Гитлер целенаправленно уничтожал евреев и цыган, чтобы очистить от них весь земной шар. Это тоже было бы сделано, если бы история не распорядилась иначе. Поэтому геноцид следует рассматривать как разновидность террора, а не терроризма.

Жертвами терроризма и террористического акта тоже становятся ни в чем не повинные люди. Но число этих жертв несравнимо меньше, чем число жертв террора. Жертвы терроризма, как правило, не объединены никаким характерным признаком, ими становятся те, кто просто оказался в зоне террористических интересов преступников. Более того, убийство

⁵⁶ Lemkin R. Axis Rule Occupied Europe. Washington, 1944.

⁵⁷ Международная защита прав и свобод человека: Сб. документов. М., 1990. С. 98–103.

невинных выступает лишь промежуточным звеном в достижении террористами своей стратегической цели, тогда как при терроре массовые убийства совершаются набравшей обороты государственной машиной, творящей насилие в масштабах страны уже по инерции.

Террористический акт совершается в отношении конкретно определенной личности, и, как правило, его жертвой становится только конкретная личность, обладающая соответствующим социальным статусом (государственный или общественный деятель). При террористическом акте в ряде случаев тоже гибнут невинные люди, но их смерть выступает в качестве побочного последствия, которого террорист не желает или к которому относится безразлично.

4. *Силы и средства осуществления преступных акций.* Иван Грозный создал специальный орган террора – опричнину, – который за семь лет уничтожил все, что не соответствовало пожеланиям царя. Ленин для целей террора также создал специальный репрессивный аппарат (ВЧК)⁵⁸, но организаторами и руководителями репрессий на местах выступали члены ВКП(б), а использовались для этого не только силы ВЧК, но и Красная Армия. Практически вся государственная машина работала на уничтожение людей (особые отделы, губернские революционные трибуналы, районные транспортные чрезвычайные комиссии, железнодорожные трибуналы, трибуналы военизированной охраны, войск внутренней охраны, войск внутренней службы и т. д.). По данным С. П. Мильгулова, в 1920 г. в Советской России действовало приблизительно 1000 коммунистических застенков, в которых в среднем совершалось по пять убийств в день. Количество застенков росло пропорционально расширению территории, где победила Власть Советов⁵⁹.

Сталин развил созданную еще при Ленине систему. Он не только наделил правом на осуществление репрессий практически весь аппарат государственного принуждения, но и каждому члену общества вменил в обязанность поиск среди родных и близких «врагов народа». В государственном аппарате уничтожения людей имело место четкое «разделение труда». Одни составляли и утверждали планы по уничтожению людей (высшее партийное руководство), другие доносили⁶⁰, третьи производили задержание, четвертые проводили предварительное расследование, пятые выносили приговоры, шестые исполняли решения суда, седьмые контролировали исполнение решений высшего партийного руководства и отчитывались перед ним о проделанной работе. Иногда, когда человек, пройдя первый круг репрессий, оставался в живых, машина репрессий пропускала его через себя по второму, третьему, четвертому кругу, значительно снижая тем самым его шансы на спасение.

Аналогичной была система репрессивного аппарата Гитлера с той лишь разницей, что в довоенное время масштабы репрессий в отношении собственного народа были значительно меньшими, а в годы войны репрессии касались народов оккупированных территорий⁶¹.

Репрессивная система, созданная Лениным, Сталиным и Гитлером, действовала постоянно, вовлекая в свою орбиту огромные массы исполнителей. Непреходящий ужас, позволявший держать население в подчинении, внушали крайняя замаскированность и таинственность деятельности секретных служб. Тайная полиция Муссолини называлась ОВРА,

⁵⁸ Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве. (1917–1941 гг.): Монография. Уфа, 1994. С. 28; В. И. Ленин и ВЧК. М., 1975. С. 37; Из истории ВЧК. М., 1958. С. 72.

⁵⁹ Мильгулов С. П. Красный террор в России. М., 1990. С. 86–87.

⁶⁰ Альбац Е. Мина замедленного действия (политический портрет КГБ). М., 1992. С. 52.

⁶¹ Современные немецкие ревизионисты (Р. Харвуд, Р. Форисон, Ю. Граф и др.) опровергают имеющиеся в новейшей истории данные о преднамеренном истреблении многих миллионов людей. В частности они утверждают, что газовых камер как средства массового умерщвления людей вообще не было. Отсутствие каких-либо документальных подтверждений их наличия позволяет им говорить о газовых камерах как об очередном мифе. См.: Граф Ю. Великая ложь XX века / Пер. с нем. С. Воронцова. СПб., 1997. С. 78–88.

причем никто не знал, что означает эта аббревиатура и является ли вообще это название аббревиатурой. По мысли Муссолини, сама непонятность наименования организации должна была внушать страх. И она внушала страх точно так же, как СС или ВЧК – ОГПУ – НКВД.

Следовательно, в случаях, когда субъектом преступлений, определяемых как террор, терроризм и террористические акты, является государство, непосредственными исполнителями этих преступлений выступают представители силовых структур государства, использующие средства, находящиеся на их вооружении.

В тех случаях, когда субъектом терроризма являются индивиды, их возможности по выбору средств значительно ограничены, особенно тогда, когда эти индивиды не имеют доступа к сверхсложным технологическим процессам, требующим специальных знаний. И даже имея подобный доступ, субъекты терроризма не свободны в выборе средств, поскольку высокотехнологичные процессы, помимо особого контроля над ними, имеют несколько видов защиты от несанкционированных действий. То есть индивиду для совершения акта терроризма всегда приходится исходить из «подручного», доступного ему материала. В случаях, когда субъектами терроризма являются политические партии, организации, движения, пользующиеся террористическими методами, не все члены организации непосредственно вовлекаются в осуществление акта терроризма. Как правило, эту «работу» выполняют лица, входящие в боевые отряды (боевики, смертники и т. д.), которые ни по своей численности, ни по выучке, ни по вооруженности не могут сравниться с репрессивным аппаратом субъекта террора.

5. Масштабы и последствия. В период правления Ленина и Сталина масштабы бедствия были таковы, что одна шестая часть суши была охвачена пламенем революции и гражданской войны. Массовое доноительство усугубило разобщенность, что и вовсе исключило какую-либо возможность организованного сопротивления деспотии. А последствия выразились в невосполнимом уроне, нанесенном генофонду русской нации, его культуре и духовным устоям. Первая и Вторая мировые войны имели глобальные и ужасные последствия – сотни миллионов погибших, еще больше искалеченных, уничтоженные города, материальные, культурные и духовные ценности. Трудно себе представить, каким было бы человечество, если бы не было Первой и Второй мировых войн, Октябрьской революции и Гражданской войны в России.

Таким образом, террор имеет большие масштабы и катастрофические последствия для общества, государства и, наверное, для цивилизации.

Террористические акты и акты терроризма до сих пор не приводили к столь катастрофическим для человечества последствиям. Однако в современную ядерную эпоху уже и отдельный акт терроризма может иметь последствия, соизмеримые с последствиями террора. События в США 11 сентября, унесшие жизни около 3 тыс. человек, причинившие прямой ущерб в 4,5 млрд долларов США и приведшие к потере 7500 рабочих мест⁶², или газовая атака религиозной секты «Аум-Сенрике», от которой пострадало 5500 человек, показывают, что терроризм совершенствуется и вплотную подошел к наивысшим достижениям человеческой мысли. Об этом говорит хотя бы то, что в мире с каждым годом увеличивается количество краж радиоактивных материалов (в 1995 г. в мире было зафиксировано 169 случаев незаконных действий с ядерными материалами⁶³). В последнее время исследователи со все возрастающей тревогой говорят о новом виде терроризма – технологическом. Под ним понимают несанкционированное постороннее вмешательство в штатную деятельность потенци-

⁶² Бомба для Блумбера // Московский комсомолец. 2002. 27 апр.

⁶³ Сильников М. В. Особо важным объектам – особо надежная защита // Защита и безопасность. 2002. № 3.

ально опасных объектов техносферы. Но и в этом случае нельзя смешивать террор и терроризм, поскольку последний все равно лишен других признаков, присущих террору.

6. *Законодательные основы осуществления преступлений.* При формировании тоталитарной общественной системы в борьбе за сохранение, упрочение и распределение личной (диктаторской) или групповой (партийной) власти в государстве высшие должностные лица используют не только материальные, финансовые и иные ресурсы и государственные институты, но и право. Как отмечает П. А. Кабанов, использование норм права в интересах господствующей (правящей) партии или группы лиц характерно для всей истории советского государства⁶⁴. Сразу же после насильственного вооруженного захвата государственной власти в России большевиками было создано Советское правительство – Совет народных комиссаров, который 8 января 1918 г. юридически оформил принудительный труд «классовых врагов»⁶⁵.

Появление в современной криминологической науке понятия «преступный закон», под которым понимается нормативный акт, хотя и принятый с соблюдением всех принятых в обществе процедур, но противоречащий праву и международно-правовым принципам (Д. А. Шестаков, С. Ф. Милюков)⁶⁶, позволяет выявлять случаи придания массовым политическим преступлениям законодательной основы. Но само понятие «преступный закон» должно пониматься шире и включать в себя как законы и подзаконные акты, так и ведомственные приказы, распоряжения, инструкции и т. д., в том числе и те, которые имеют гриф секретности, принятые национальными органами государственной власти.

Вряд ли корректно говорить о наличии или отсутствии каких-либо законных оснований для масштабных преступлений революционеров и контрреволюционеров в период революции, поскольку и те и другие, даже при наличии какой-то законодательной базы, позволяющей репрессии, действуют в экстремальных условиях, требующих «импровизации». После окончательной победы революционеров и окончания гражданской войны в России, казалось бы, необходимость в репрессиях отпала, но не тут-то было. Маховик репрессий только набирал обороты, и остановить его означало для большевиков поставить свою власть под угрозу свержения народными массами, осознавшими гибельность новой идеологии. Большевики, как и в свое время их французские коллеги, быстро это поняли и, осознанно или нет, в качестве единственного средства подчинения народа и насаждения новой идеологии выбрали внушение тотального страха перед властью. А это предполагало постоянное обоснование (и правовое и идеологическое) необходимости репрессий задачей построения «светлого будущего». Декларируемые принципы на самом деле выполняли роль «правового прикрытия» ответственности без вины.

Идеологической основой для придания законной силы массовым репрессиям, определяемым нами как террор, являлись сами революционная и фашистская теории. Основоположники марксизма допускали преобразование общества посредством насилия, не исключая террор. Вывод о необходимости революционного террора делался на основании опыта революций XVIII–XIX вв. К. Маркс «с пониманием» относился к якобинскому террору, унесшему жизни сотен тысяч человек⁶⁷. Анализируя причины поражения Парижской коммуны, К. Маркс пришел к выводу, что одной из причин ее поражения было то, что она была слишком «совестлива» по отношению к контрреволюционерам⁶⁸. «При социалисти-

⁶⁴ Кабанов П. А. Политическая преступность // Политический режим и преступность / Под ред. В. Н. Бурлакова, Ю. Н. Волкова, В. П. Сальникова. СПб., 2001. С. 240.

⁶⁵ Криминология. Курс лекций / Под ред. В. Н. Бурлакова и др. СПб., 1995. С. 47.

⁶⁶ Бурлаков В. Н., Гилинский Я. И., Шестаков Д. А. Российская криминология в конце XX столетия // Правоведение. 1999. № 3. С. 263.

⁶⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 299.

⁶⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 142. Следует отметить, что в 1870 г. в своем письме к К. Марксу Ф. Энгельс, отри-

ческой революции и установлении диктатуры пролетариата, – считал К. Маркс, – нужно сменить оружие критики на критику оружием»⁶⁹. «Революционное насилие, – считал он, – выполняет не только разрушительные, но и созидательные функции, является “повивальной бабкой” при рождении нового общества»⁷⁰. «Революция есть, – писал Ф. Энгельс, – несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, то есть средств чрезвычайно авторитарных. И если победившая партия не хочет потерять плоды своих усилий, она должна удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие»⁷¹.

Еще в 1901 г. Ленин писал: «Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора. Это – одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях»⁷². Позже, в 1908 г., в работе «Уроки коммуны» Ленин обосновывает необходимость террора. Вот что он пишет о Парижской коммуне: «Две ошибки погубили плоды блестящей победы. Пролетариат остановился на полпути: вместо того, чтобы приступить к экспроприации экспроприаторов, он увлекся мечтами о водворении высшей справедливости в стране... Вторая ошибка – излишнее великодушие пролетариата: надо было истребить своих врагов, а он старался морально повлиять на них...»⁷³ А за два месяца до захвата власти большевиками Ленин предупреждал своих сторонников: «Без смертной казни по отношению к эксплуататорам (т. е. помещикам и капиталистам) едва ли обойдется какое ни на есть революционное правительство». Напоминал, что «великие буржуазные революционеры Франции 125 лет тому назад сделали свою революцию великой посредством террора»⁷⁴.

Взгляды основоположников марксизма эволюционировали. Многие директивы ЦК, на основании которых осуществлялся террор, носили секретный характер и были доступны лишь ограниченному числу организаторов преступлений. Но для широты размаха необходимо было включить в процесс истребления и рядовых граждан, которые могли бы доносить и выступать в качестве свидетелей. Для этого уже в УК РСФСР 1922 г. был введен целый ряд статей, образовавших ту нормативную базу, которая придала террору характер организованности, массовости, повсеместности и, главное, «законности». Законы 30–40-х годов не просто легализовали проведение репрессий, но и ввели в рамки «законности» преступную деятельность высших должностных лиц Советского государства, обеспечили их безнаказанность.

Если терроризм и террористические акты – это всегда преступления (и по национальному, и по международному законодательству), то террор до сих пор не нашел своего определения и, соответственно, отражения ни в национальном, ни в международном законодательстве. Выходит, если смотреть на проблему с юридической точки зрения, то такого рода преступной деятельности как бы и не существует, поскольку законодатель на ее счет пока

цательно характеризуя якобинский террор, пишет: «Террор – это большей частью бесполезные жестокости, совершаемые ради собственного успокоения людьми, которые сами испытывают страх. Я убежден, что вина за господство террора в 1793 г. падает почти исключительно на перепуганных, выставляющих себя патриотами, буржуа, на мелких мещан, напускавших в штаны от страха и на шайку прохвостов, обделявших свои делишки при терроре» (Соч. Т. 33. С. 45).

⁶⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 422; Т. 6. С. 114.

⁷⁰ Там же. 2-е изд. Т. 23. С. 760–762.

⁷¹ Там же. Т. 18. С. 305.

⁷² Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 5. С. 7.

⁷³ Там же. Т. 16. С. 452.

⁷⁴ Там же. Т. 34. С. 174, 190–191.

еще не распорядился⁷⁵. В то же время известно, что от прямо не запрещенной опасной деятельности властей (террор периода Ленина и Сталина, экономический террор в России конца XX в.) население страдает несоизмеримо больше, нежели от терроризма, который законодательно признан преступным. Если причинение смерти, тяжкого или средней тяжести вреда здоровью по неосторожности одному человеку квалифицируется как то или иное преступление, то и гибель сотен тысяч людей в результате легкомысленных и безответственных решений государственных должностных лиц не должна оставаться безнаказанной⁷⁶. Наверное, именно поэтому международное сообщество не может прийти к единому мнению в определении терроризма: ведь последнее предполагает определение террора и установление ответственности за него, что политически нецелесообразно для властвующих особ.

Как отмечалось, государство является субъектом не только террора, но и терроризма, и террористических актов. В тех случаях, когда за подобного рода преступления никто не привлекается к ответственности (например, за убийство президента США Кеннеди), есть основания подозревать в их совершении спецслужбы государства, реализующие политику лиц, находящихся у власти. Понятно, что доказать вину власти практически невозможно, поскольку доступ к документам, могущим послужить доказательством (если таковые вообще есть), имеет лишь очень ограниченное число лиц. Следовательно, и терроризм, и террористические акты криминализированы лишь постольку, поскольку они вредны для государства (или конкретной группы, находящейся у власти).

В научной литературе уголовные наказания в виде лишения свободы, ссылки, высылки и т. д., широко применявшиеся в период правления Сталина, зачастую рассматривают как равнозначные террору и репрессиям, не замечая наличия между ними существенной разницы.

Уголовные наказания представляют собой довольно строгую, фиксированную в законе категорию, обладающую такими устойчивыми признаками, как вид и размер, место и порядок отбытия и др. Подобная предопределенность диктует единообразие реализации уголовных наказаний в общегосударственном масштабе. Обладая элементами принудительности и кары, уголовное наказание, конечно, имеет общие черты с репрессией. Но «репрессии» – более широкое понятие, выходящее за нормированные рамки закона. Репрессии могут базироваться на административном произволе власти, оправдываться исключительностью положения, инициироваться просто властными предписаниями верховного правителя (монарха, генсека, президента и т. д.), не связанными с какими-либо законами⁷⁷. Когда репрессии приобретают массовый характер и число жертв становится значительным, речь может идти о политике террора.

Понятие «терроризм» часто используется в паре с понятием «экстремизм». Первый опыт международного закрепления дефиниции «экстремизм» был предпринят в рамках Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. В ней экстремизм определяется как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно на насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незакон-

⁷⁵ Шестаков Д. А. Криминология, краткий курс: Преступность как свойство общества. СПб., 2001. С. 78.

⁷⁶ Русский философ Н. Бердяев писал, что «в политических убийствах, совершенных отдельными героями, в дуэлях в защите чести личность человеческая отдает и свою жизнь, отвечает за себя собою, а государство всегда безответственно по своей безличности. Убийство из «хаоса» рожденное невиннее, благороднее и совести нашей выносимее, чем убийство «по закону», холодное, зверское, рассудочно-мстительное» (Бердяев Н. Казнь и убийство // Против смертной казни. М., 1906. С. 47).

⁷⁷ См.: Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» № 1761-1 от 18 октября 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1428.

ных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон»⁷⁸.

В ст. 1 Федерального закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности» дается довольно обширный перечень деяний, которые могут быть квалифицированы как экстремистская деятельность⁷⁹. В числе прочих называются и такие деяния, как создание незаконных вооруженных формирований и осуществление террористической деятельности. Хотя ст. 2821 УК РФ в перечне преступлений, для совершения которых организуется экстремистское сообщество, не упоминает преступлений террористического характера, экстремизм не так уж и далек от терроризма. Как показывает практика, именно экстремистские организации, изначально создававшиеся под националистическими, сепаратистскими или религиозными лозунгами, перерастают в дальнейшем в террористические. Иногда последние базируются на первых, выступая в качестве своего рода филиалов, специализирующихся на террористической деятельности в интересах основной экстремистской организации. В этих случаях терроризм следует рассматривать как крайнюю форму проявления экстремизма.

Здесь нужно сделать еще одну оговорку, пояснить понятия «тоталитаризм» и «террор».

Главный признак тоталитаризма – это положение человека в обществе, общее состояние прав и свобод граждан в обществе: «Тоталитаризм налицо там и тогда, где и когда личность, индивид, гражданин, все сферы его жизни и деятельности оказываются под тотальным контролем...»⁸⁰ Террор – это форма существования тоталитарного режима, способ, позволяющий устанавливать тотальный контроль над поведением каждого члена общества. Механизм террора в тоталитарных режимах действует постоянно, время от времени то усиливаясь, то стихая, касаясь сферы то экономики, то политики.

Резюмируя сказанное, террор можно определить как социально-политическое явление, выражающееся в использовании субъектами, обладающими государственно-властными полномочиями, институтов государственной власти для реализации преступной политики, содержанием которой является систематическое применение насилия, экономическое угнетение населения, развязывание войн, преднамеренное уничтожение гражданских объектов, геноцид, экоцид, насильственная депортация, а равно иные действия, совершаемые с целью внушения населению постоянного чувства страха перед властью или отдельными органами государственной власти.

Как мы уже говорили, ученые разных стран предлагали множество определений терроризма, которые в той или иной степени отражают суть этого явления (именно явления, а не преступления). Поэтому считаем, что нет необходимости предлагать еще одно определение, поскольку его появление в научном обороте вряд ли будет способствовать выработке единого, универсального понятия терроризма. Многочисленные попытки ученых дать строгое определение терроризма не увенчались успехом, и мы склоняемся к мысли, что терроризм, подобно множеству в математике, следует рассматривать как неопределяемое понятие, а главное, к чему нужно стремиться и что нужно сделать, – это определить его границы, облегчив таким образом разрешение уголовно-правовых отношений. Это будет сделано ниже, но здесь отметим, что терроризм – это более узкое понятие, чем террор, и его можно рассматривать как практическую реализацию постулата о том, что сходное должно вызывать сходное. И дело не только в стремлении противоборствующих сил причинять смерть, разрушения, производить ужасающие эффекты и т. д. Представляется совершенно логичным и

⁷⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. 13 окт. № 41. Ст. 3947.

⁷⁹ Закон Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности» № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. // Российская газета. 2002. 30 июля.

⁸⁰ Бутенко А. П. Социологические вопросы истории и теории тоталитаризма // Социс. 1998. № 6. С. 34.

даже неизбежным, что постоянное увеличение силы увеличивает и желание эту силу разрушить. В наши дни Запад, претендуя на место чуть ли не самого Бога (позицию божественного всемогущества и абсолютной моральной легитимности⁸¹), становится самоубийцей, и объявленная им терроризму война во всем мире есть война, объявленная им самому себе. Ибо очевидная несправедливость, чинимая под лозунгом борьбы с терроризмом, вызывает стремление с нею бороться даже у тех, кого происходящее вовсе не касается. То есть сила, достигнув абсолютного значения, становится соучастницей своего же разрушения. Если терроризм рассматривать как неперемное зло, а контртерроризм – как добро, то их противостояние представляет собой ситуацию, когда добро и зло крепнут одновременно в рамках одного и того же движения по спирали. Добро не сокрушает зло, как и зло не может сокрушить добро. Но философский закон развития по спирали не оставляет сомнения в том, что сила, достигнув предела своего совершенства, пусть на непродолжительное время, обязательно уступает место бессилию.

Иными словами, за террором рано или поздно обязательно последует массовый терроризм, который, достигнув угрожающих для государственности или политической системы размеров, обязательно вызовет террор. Последний иногда является единственным средством против терроризма, что позволяет рассматривать соотношение террора и терроризма как конфликт между силой и бессилием, где сила – террор, бессилие – терроризм. Сила одного неотделима от слабости другого, хотя и сила, и слабость здесь сугубо относительны, они могут быть определены только по отношению друг к другу. Из этого следует вывод, который с циничной откровенностью сформулирован в древнекитайской книге, посвященной искусству властвования: «Когда народ слаб – государство сильное, когда государство сильное – народ слаб. Поэтому государство, идущее истинным путем, стремится ослабить народ»⁸². Государственная политика, ведущая к ослаблению народа (экономическому, политическому, духовному), и есть террор сильного в отношении слабого. Сила сильного (государства) определяется слабостью слабого (народа).

Ученые, занимающиеся философией и теорией политики, отмечают, что культура выработала свои средства защиты слабых, средства поддержки и сочувствия проигравшим. Это помогает им восстановить силы, а став сильными, стремиться к реваншу⁸³. И в большинстве случаев терроризм – это реакция на террор, который имел место (в прошлом или в настоящем), и поэтому во многом сходен с ним. Но терроризм никогда не может обрести тех масштабов, которые свойственны террору. Жертвы террора исчисляются десятками миллионов, тогда как от акта терроризма гибнет считанное число человек или вообще никто не гибнет, а наносится лишь материальный ущерб.

Террористический акт – более узкое понятие, нежели террор и терроризм. Видимо, его нужно рассматривать как единичный случай проявления либо террора (в случае, когда субъект террора уничтожает, например, всю оппозицию, а конкретная жертва является одним из представителей сил оппозиции), либо терроризма (в случае, когда субъекты, не обладающие властными полномочиями, совершают убийства и покушения на убийства государственных и общественных деятелей, преследуя цель запугать всю власть), либо как единичный случай конкретного преступления, совершенного без цели всеобщего запугивания (например, из мести за принятое или реализованное решение). Во всех случаях жертва террористического акта индивидуально определена по характеризующему признаку – по своей государственной или общественной деятельности.

⁸¹ Baudnillard J. Der Geist des Terrorismus // Hrsg. von P. Engelmann. (Passagen). Wien, 2002.

⁸² Книга правителя области Шан. М., 1993. С. 219.

⁸³ Фельдман Д. М. Политология конфликта: Учебное пособие. М., 1998. С. 85.

1.3. Понятие и признаки международного и межгосударственного терроризма

Несмотря на то, что практически во все межгосударственные политические переговоры включается вопрос о противодействии международному терроризму, общепризнанной трактовки этого понятия не существует⁸⁴. Многочисленные попытки отечественных и иностранных ученых дать такую трактовку сводятся к отнесению к международному терроризму и самого терроризма во всем его многообразии⁸⁵, и преступлений, затрагивающих интересы двух или более стран⁸⁶, и просто убийств иностранных дипломатов⁸⁷, а в современный период – всех видов терроризма, в которых наличествует признак транснациональности или участвует иностранный элемент⁸⁸. Международный терроризм некоторые ученые характеризуют как особый вид боевых действий, не регламентированный никакими границами, обычаями и правилами ведения войны (К. Салимов, Д. Ольшанский).

«Определить международный терроризм очень трудно, если вообще возможно, – считает М. Бассиоуни. – Главная причина этого – “двойной стандарт”, который продолжает оказывать влияние на политические и правовые оценки насильственных действий»⁸⁹.

Попытки определить международный терроризм предпринимались на VIII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1990 г. Так, в Докладе Генерального секретаря ООН говорилось: «Международный терроризм можно охарактеризовать как террористические акты, при совершении которых исполнители (или исполнитель), планируя свои действия, получают руководящие указания, приезжают из других стран, спасаются бегством или ищут убежище или получают помощь в любой форме не в той стране или странах, в которых совершаются эти действия»⁹⁰.

Упомянутые в цитате признаки свойственны и другим преступлениям, особенно организованным и транснациональным, и ни один из них не присущ терроризму вообще, международному терроризму в особенности.

В ст. 3 Закона РФ «О борьбе с терроризмом» отсутствует понятие «международный терроризм», однако дается понятие международной террористической деятельности, которое включает в себя: а) действия, совершаемые террористом или террористической организацией на территории более чем одного государства или наносящие ущерб интересам более чем одного государства; б) террористические действия граждан одного государства в отношении граждан другого государства или на территории другого государства; в) случаи, когда как террорист, так и жертва терроризма являются гражданами одного и того же государства или разных государств, но преступление совершено за пределами территории этих государств.

⁸⁴ Сальников В. П. Законодательство Российской Федерации и проблемы борьбы с терроризмом // Защита и безопасность. 1998. № 4.

⁸⁵ International Law Association / Report of the 56-th Conference. New Delhi, 1974. P. 163.

⁸⁶ Foreign Affairs. 1974. № 1; Маджорян Л. А. Терроризм: правда и вымысел. М., 1983. С. 28–42.

⁸⁷ Le monde diplomatique. № 194. P. 1, 19; Legal Aspects of International Terrorism / Ed. by A. E. Evans, J. F. Murphy. Toronto, 1979. P. 485; Ляхов Е. Г. Терроризм и межгосударственные отношения. М., 1991. С. 23, 27.

⁸⁸ Маджорян Л. А. Терроризм: правда и вымысел. М., 1983. С. 28; Зорин Г. А., Танкевич О. В. 1) Понятие и основные признаки транснациональной преступности. Гродно, 1997; 2) Стратегия борьбы с транснациональной преступностью. Гродно, 1997.

⁸⁹ Bassiouni M. C. Introduction. Legal Responses to International Terrorism. Dordrecht: Nijhoff, 1988. P. 15.

⁹⁰ Морозов Г. И. Терроризм – преступление против человечества (международный терроризм и международные отношения): 2-е изд., перераб. и доп. // РАН. Институт мировой экономики и международных отношений. М., 2001. С. 48.

Деятельность террористической организации, затрагивающую интересы двух или более стран, можно назвать международной террористической деятельностью. Но международный терроризм и международная террористическая деятельность не одно и то же.

Из российских ученых серьезную попытку обобщения и анализа точек зрения различных исследователей по проблеме международного терроризма предпринял профессор Е. Г. Ляхов. Он отмечает, что существующие определения этого явления не позволяют сформировать полное и четкое представление о нем как о преступном деянии лица (группы лиц), затрагивающем международные отношения. Однако, исследуя отдельные элементы международного терроризма в условиях мира между государствами, ученый приходит к выводу, что международный терроризм – это:

1) незаконное и преднамеренное совершение лицом (группой лиц) на территории государства насильственного акта в отношении пользующихся защитой согласно международному праву иностранных государственных или международных органов или учреждений и (или) их персонала, средств международного транспорта и связи, других иностранных или международных объектов;

2) организованное или поощряемое иностранным государством незаконное и преднамеренное совершение на территории данного государства лицом (группой лиц) насильственных актов в отношении национальных государственных органов или общественных учреждений, национальных, политических и общественных деятелей, населения или иных объектов в целях изменения государственного или общественного строя, провокации международных конфликтов и войны.

«Особенностью международного терроризма, – считает Е. Г. Ляхов, – является то, что наиболее опасные акты организуются или поощряются государством, действующим, однако, через отдельное лицо или организацию»⁹¹.

В первом приведенном определении автор почти полностью воспроизводит признаки преступления, предусмотренного ст. 360 УК России, – нападения на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой. Во втором определении смешиваются признаки преступлений, предусмотренных ст. 205, 277 и 360 УК. А то, что Е. Г. Ляховым определяется как особенность международного терроризма, есть не что иное, как основной признак межгосударственного терроризма.

Международный терроризм в большинстве случаев проявляет себя в условиях развития международного конфликта. Но и понятие «международный конфликт» тоже до сих пор не имеет точно зафиксированного содержания. Именно поэтому среди определений этого понятия широкое признание и распространение в свое время получила довольно расплывчатая формулировка американского ученого К. Райта. Не проводя четкой грани между международным и межгосударственным конфликтом, он «в широком смысле» определяет международный конфликт как «отношение между государствами, которое может существовать на всех уровнях и в различных степенях»⁹².

Между тем точное определение международного терроризма, отграничение его от актов терроризма могло бы служить научной базой для выработки соответствующих международных договоренностей. А они позволили бы переносить в необходимых случаях акцент с физического лица – исполнителя акта международного терроризма – на государство – основной субъект международно-правовых отношений⁹³.

Существующий в научной литературе разброс мнений по данному вопросу, как видится, связан с «ошибкой управления». Дело в том, что ученые ставят знак равенства

⁹¹ Ляхов Е. Г. Терроризм и межгосударственные отношения. М., 1991. С. 27.

⁹² Wright Q. Escalation of International Conflict // The Journal of Conflict Resolution. 1965. № 4. P. 435.

⁹³ Дикаев С. У. Международный терроризм: вопросы законодательного определения // Философия права. 2003. № 2.

между двумя несущими разную содержательную нагрузку понятиями «международный» и «межгосударственный». Понятие «международный терроризм» рассматривается ими как производное от понятия «международное право». Вернее, слово «международное», относящееся к праву, ими механически переносится и на терроризм. Между тем, и само понятие «международное право» не совсем точно указывает на его первоначальное содержание. Еще первый систематизатор науки международного права в России профессор Ф. Мартенс признавал, что предметом этого права являются «отношения между независимыми государствами»⁹⁴. И ныне практически только государства являются полноценными его субъектами. В английском, французском, испанском, арабском языках международное право называется «межстрановым», «межгосударственным», что точнее, чем в русском или тюркских⁹⁵. В русском же языке сохранилось перешедшее в свое время наименование римского права – *jus gentium* (право народов), замененное впоследствии на *jus inter gentium* (право между народами)⁹⁶, что не одно и то же.

По нашему мнению, термин «международный терроризм» должен охватывать такие деяния, которые совершаются представителями одного народа против представителей другого при условии, что оба народа принадлежат одному и тому же государству, например, осетино-ингушский, грузино-абхазский, турецко-курдский⁹⁷, хуту-тутси и т. п. конфликты, сопровождающиеся актами терроризма. Другой вариант международного терроризма – это случаи, когда представители одного из народов одного государства совершают акты терроризма против представителей другого народа другого государства, несмотря на противодействие официальных органов власти этих государств (палестино-израильский, ирландско-английский и т. д.). Акты терроризма, в основе которых лежат межконфессиональные противоречия, например, между индийскими индусами – пакистанскими мусульманами, суннитами в Ираке и шиитами в Иране, можно считать разновидностью международного (межконфессионального) терроризма при условии, что:

а) представители разных религий или конфессий являются гражданами одного государства (например, индусы и мусульмане, проживающие в индийском штате Кашмир, являются гражданами Индии); либо

б) террористами являются граждане разных государств (например, сунниты в Ираке и шииты в Иране) при отсутствии признаков, указывающих на то, что акты терроризма спровоцированы или поддерживаются государством, гражданами которого они являются.

Многие межгосударственные соглашения по противодействию терроризму направлены против этих вариантов проявлений терроризма. О межгосударственном терроризме речь не ведется, из чего следует, что политики либо опасаются обнаружить терроризм как средство внешнеполитической борьбы, либо не желают допустить саму мысль о том, что факт использования терроризма в межгосударственных отношениях станет достоянием широкой общественности, поскольку тогда от этой практики придется отказаться.

⁹⁴ Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. 5-е изд., испр и доп. СПб., 1994. Т. 1. С. 16.

⁹⁵ Тузмухамедов Р. А. Права и свободы народов по международному праву // Права и свободы народов в современных источниках международного права: Сб. документов. Казань, 1995. С. 5; Права народов: Международно-правовой толковый словарь. Уфа, 1996. С. 13–17.

⁹⁶ Гроций также разделяет право народов и межгосударственное право. «То, что общим согласием человечества показано как воля всех, есть право» (межгосударственное право, отражающее естественное право всего человечества); «То, что всеми государствами показано как их воля, есть право относительно всех» (право народов). *Grotius H. De jure preadae commentarius*. Gravenhage; Nijhoff, 1868. P. 27.

⁹⁷ С учетом того, что курды не имеют своей государственности, здесь имеется в виду та часть этого народа, которая является гражданами Турции. Вильческий О. Курды: Введение в этноисторию курдского народа. М., 1961; Никитин В. Курды. М., 1964; Лазарев М. С. Курдский вопрос (1891–1917 гг.). М., 1971; За что воюют курды? // За рубежом. 1999. 24 марта.

Межгосударственный терроризм в современный период более актуален (еще более актуален он был в годы «холодной войны»), чем терроризм международный. Акты межгосударственного терроризма готовятся и совершаются высокопрофессиональными сотрудниками спецслужб. Примерами межгосударственного терроризма могут служить убийство спецслужбами СССР президента Афганистана Амина, многочисленные покушения сотрудников спецслужб США на жизнь Ф. Кастро, М. Каддафи, предположительное участие афганской разведки в организации ряда взрывов в Пакистане⁹⁸, многочисленные попытки США сменить политическую власть в Ираке, вылившиеся, в конце концов, в открытую агрессию, и др. Подобные акты межгосударственного терроризма преследуют цель кардинального изменения политической или экономической ситуации в регионе в пользу государства-террориста. Эта разновидность терроризма не криминализована, и вряд ли в скором времени будет криминализована, так как это одно из немногих насильственных средств обеспечения геополитических интересов государств.

Между тем в п. 5 «Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма», принятой Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 49/60 от 9 декабря 1994 г., говорится, что государства обязаны выполнять свои обязательства по Уставу ООН и другим положениям международного права в отношении борьбы с международным терроризмом. Государствам настоятельно предлагается принять эффективные и решительные меры согласно соответствующим положениям международного права и международным стандартам прав человека для скорейшей и окончательной ликвидации международного терроризма. В частности предлагается *воздерживаться от организации террористической деятельности, подстрекательства к ней, содействия ее осуществлению, финансирования, поощрения или проявления терпимости к ней и принимать надлежащие практические меры к обеспечению того, чтобы их соответствующие территории не использовались для создания террористических баз или учебных лагерей или для подготовки или организации террористических актов, направленных против других государств или их граждан* (курсив наш. – С. Д.)⁹⁹.

Декларация «О недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств», принятая Резолюцией ООН 36/103 на 36-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (9 декабря 1981 г.), обязывает государства воздерживаться от действий, которые могут быть оценены как акты межгосударственного терроризма. В частности, во втором разделе государства прямо обязываются:

- не допускать на своей территории обучения, финансирования и вербовки наемников или засылки таких наемников на территорию другого государства и отказывать в предоставлении средств, включая финансирование, для оснащения и транзита наемников (пункт «g»);
- воздерживаться от организации, обучения, финансирования или вооружения политических и этнических групп на своих территориях или территориях других государств с целью осуществления подрывной деятельности, создания беспорядков или волнений в других странах (п. «n»);
- воздерживаться от использования практики терроризма в качестве государственной политики против других государств или против народов, находящихся под колониальным господством, иностранной оккупацией или под гнетом расистских режимов, и не допускать предоставления какой-либо помощи, использования или проявления терпимости в отношении террористических групп, саботажников или лиц, ведущих подрывную деятельность против третьих государств (п. «m»)¹⁰⁰.

⁹⁸ Опыт работы органов внутренних дел России и зарубежных правоохранительных органов по борьбе с терроризмом. М., 1999. С. 6.

⁹⁹ Сборник правовых актов. 1998. Вып. 10. С. 133.

¹⁰⁰ Действующее международное право. М., 1996. Т. 1. С. 99–102.

В п. 86 Итогового документа Всемирного Саммита 2005 г. (15 сентября 2005 г.) также подчеркивается: «Мы вновь призываем государства воздерживаться от организации, финансирования, поощрения, подготовки или оказания какой-либо иной поддержки террористической деятельности и принимать надлежащие меры для обеспечения того, чтобы их территория не использовалась для такой деятельности»¹⁰¹.

Из сказанного вытекает вывод о том, что на межгосударственном уровне давно осознается, что за многими актами терроризма и за многими террористическими организациями стоят государства и, наверное, не только государства, включенные президентом США в так называемую «ось зла». Впрочем, юридического закрепления в национальных нормативных актах это осознание не находит своего отражения.

Тем не менее нужно признать, что проблема международного терроризма реально существует и демонстрирует тенденцию глобализации. И не столько потому, что в мире существуют конфликты, вызывающие террористическую активность с той или иной стороны из-за ограниченности возможностей удовлетворения иррациональных потребностей, сколько потому, что сам мир становится все более открытым (доступным) для большинства людей. Ликвидация социалистического лагеря не только изменила конфигурацию системы международных отношений, но и привела к кардинальным сдвигам в основах мировой политики с точки зрения содержания и направленности сотрудничества и противоборства на мировой арене. Увеличилось число участников политического взаимодействия на международном уровне; усложнился его характер; распались старые и появились новые государственные национально-территориальные и политические образования, в том числе не имеющие границ, однако получившие международно-правовое признание; возник ряд новых государств, и произошла своего рода реанимация некоторых из них, казалось бы, ушедших в прошлое; во вспыхивающие конфликты все чаще стала вовлекаться «третья» сторона, стремящаяся воспользоваться ослаблением их участников, или пытающаяся предотвратить возникшую угрозу международной безопасности.

Так, если согласно данным английского социолога-международника Э. Луарда за период с 1400 г. по настоящее время примерно половина из случившихся в мире вооруженных конфликтов приходилась на столкновения между государствами, то в последние четыре десятилетия к ним относятся лишь 37 из 127 (90 конфликтов имели статус внутрисударственных). По данным Центра методологии международных исследований Дипломатической академии МИД РФ «лишь 22 из 147 крупных конфликтов, происшедших в 1945–1984 гг., имели исключительно межгосударственную структуру»¹⁰². Более трети государств – членов ООН только в первой половине 90-х годов участвовали в вооруженных конфликтах. Около 175 субнациональных групп и организаций систематически прибегают к актам вооруженного насилия¹⁰³. Иногда политическое насилие в одной стране оказывает серьезное влияние на обстановку в другой, приграничной стране. Например, обострение политической борьбы в Шри-Ланке сказалось на соседней Индии, где во время избирательной кампании и при содействии террористической организации «Тигры освобождения Тамил-Илама» 21 мая 1991 г. был убит премьер-министр Индии Р. Ганди¹⁰⁴.

Сам объективный ход конфликтов подтверждает оценки тех исследователей, которые считают мировую политику сферой взаимодействия не одних только государств, но и любых

¹⁰¹ <http://www.un.org/depts/dhl/dhlrus/resources/terrorism>

¹⁰² Юридическая конфликтология. Ч. II: Юридический конфликт: сферы и механизмы. М., 1994. С. 144–145.

¹⁰³ Rana S. Small Forms and intrastate conflict. Geneva, 1995. P. 2.

¹⁰⁴ Опыт работы органов внутренних дел России и зарубежных правоохранительных органов по борьбе с терроризмом. М., 1999. С. 4.

социальных групп, имеющих политически значимые интересы¹⁰⁵. Именно это позволяет террористам, совершив преступление, на протяжении довольно долгого времени скрываться от преследований в любой стране мира. Их розыск и привлечение к ответственности становится весьма проблематичным поскольку, требует наличие общей, согласованной политики государств. В последнее время этот процесс идет опережающими темпами. Однако важнейшим условием обуздания террористического натиска в мире является изъятие из-под юрисдикции национальных законодательств судебного разбирательства по делам, связанным с проявлениями политического терроризма, и передача соответствующей функции Международному уголовному суду. На наш взгляд, это снизило бы вероятность применения двойных стандартов в борьбе с терроризмом и отбило бы охоту использовать террористическое насилие в политических целях.

Международный терроризм – это совершение актов терроризма одной социальной группой, объединенной по этническому или национальному признаку, против представителей другой социальной группы, объединенной по этническому или национальному признаку, обусловленное национальной, расовой, религиозной или культурной нетерпимостью.

Признаки международного терроризма:

- 1) акт терроризма совершается на почве неприязненных межгрупповых отношений, связанных с социальным или политическим конфликтом;
- 2) субъекты терроризма и их жертвы являются представителями разных народов, проживающих на территории одного государства, гражданами которого они являются;
- 3) субъекты терроризма и их жертвы являются представителями разных народов, проживающих на территории более чем одного государства, обладают гражданством разных государств, при отсутствии признаков, указывающих на провоцирующую роль государств.

Межгосударственный терроризм – это невоенные насильственные действия одного субъекта межгосударственного (международного) права, совершенные в целях ослабления политических, экономических, идеологических и иных позиций другого субъекта межгосударственного (международного) права.

Признаки межгосударственного терроризма:

- 1) акт терроризма осуществляется с санкции одного государства против объектов другого государства;
- 2) между государствами нет отношений, вызванных объявлением войны;
- 3) целью акции является ослабление политических, экономических, идеологических и иных позиций другого государства или провокация внутреннего конфликта.

Главные особенности межгосударственного терроризма: 1) как правило, он носит совершенно секретный характер; 2) государства отрицают свою причастность к актам терроризма и обвиняют в них противоположную сторону; 3) террористические действия осуществляются спецслужбами государства непосредственно или уже путем вербовки и вооружения террористов; 4) опекаемые государствами террористы лучше обеспечивают государственные интересы одним эффективным актом терроризма, чем армейские подразделения военными операциями.

¹⁰⁵ Фельдман Д. М. Политология конфликта: Учебное пособие. М., 1998. С. 68.

Глава II. Террор, терроризм, террористический акт: вопросы классификации

2.1. Основные подходы к решению проблемы

Исключительная сложность проблемы терроризма, его многоликость, многообразие форм проявления и политические противоречия в оценке его сущности определяют не только отсутствие общепризнанного понятия «терроризм», но и вызывают затруднения при его классификации. Незавершенность типологических вопросов препятствует адекватному пониманию природы и причин рассматриваемого явления. Отсюда и недостаточная проработанность юридических аспектов, и слабая продуманность мер профилактики и пресечения актов терроризма.

Отечественные и зарубежные философы, политологи, историки, психологи, юристы систематизируют и классифицируют терроризм на разных срезах. При всем многообразии, а иногда и несовместимости подходов такая многогранность исследования проблемы позволяет с наибольшей обоснованностью выявить общественную опасность терроризма и те его признаки, которые значимы в уголовно-правовом аспекте¹⁰⁶.

В своем выступлении на заседании «круглого стола» журнала «Государство и право» профессор В. В. Лунеев отметил, что в нашей стране в недалеком прошлом существовали специфические формы политического и идеологического терроризма:

- революционный и контрреволюционный («белый» и «красный») терроризм в период революции и гражданской войны;
- государственный внутренний терроризм в период сталинских политических и последующих репрессий;
- государственный международный терроризм в течение всего периода существования советской власти.

Эти формы терроризма не были криминализованы во время их существования и оценены обществом и государством в качестве политического терроризма задним числом.

Современный терроризм профессор В. В. Лунеев классифицирует следующим образом:

Терроризм по политическим мотивам, осуществляемый в виде убийств государственных и общественных деятелей либо представителей власти, а также взрывов, поджогов и иных действий, создающих опасность гибели людей, причиняющих значительный ущерб и другие тяжкие последствия, с целью устрашения властей. Особую опасность в этом отношении представляют крайне экстремистские круги различных политических сил.

Уголовный терроризм организованных преступных сообществ (внутренних и международных), направленный против государства и его представителей и имеющий целью помешать расследованию уголовных дел, воспрепятствовать ведению и продолжению жесткой уголовной политики, ликвидировать активных сотрудников правоохранительных органов, принудить судей к вынесению мягких приговоров, запугать потерпевших, свидетелей, журналистов, которые могут помочь следствию в установлении и пресечении преступной деятельности.

¹⁰⁶ Овчинникова В. Г. Терроризм. Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе / Науч. ред. проф. Б. В. Волженкин. СПб., 1998. С. 10.

Националистический терроризм сепаратистских сил, имеющий целью парализовать деятельность федеральных органов власти и достичь политической или экономической обособленности.

«*Воздушный*» терроризм, совершаемый угонщиками самолетов путем захвата заложников для вымогательства денег, оружия, наркотиков и вылета в другие страны. Террористические действия, относящиеся к этой разновидности, совершаются по разным мотивам: для получения политического убежища в других странах, для уклонения от уголовной ответственности за совершение преступления, а также из корыстных и иных личных побуждений.

Международный терроризм, совершаемый путем убийства представителей иностранных государств, с целью провокации войны или международных осложнений¹⁰⁷.

О международном терроризме мы уже говорили выше, на уголовном (криминальном) терроризме остановимся ниже. А относительно других видов терроризма, выделенных автором, надо отметить, что националистический терроризм, в конечном итоге, является политическим терроризмом, поскольку его основной целью является, как пишет автор, политическое или экономическое обособление. Если выделять «воздушный» терроризм, то чем хуже наземный, подземный, надводный, подводный, космический и т. д.? Понятно, что автор группирует те явления, которые наиболее часто встречаются на практике. Но пиратство, рассматриваемое как преступление террористического характера, тоже довольно частое явление, точно так же и акты терроризма, совершаемые в метрополитене. Значит, выбранная методика классификации не совсем удачна.

В своей классификации терроризма Н. Мелентьева исходит из того, что понятие терроризма в наиболее общем значении относится скорее к точечным актам терроризма, осуществляемым политическими, этническими или религиозными меньшинствами. Соответственно, она различает следующие виды терроризма: *идеологический, этнический, религиозный и криминальный*¹⁰⁸.

Считая, что разновидностей терроризма больше, чем полагают Н. Мелентьева и В. Лунеев, Ю. М. Антонян наполняет перечисленные ими виды терроризма, несколько иным, весьма интересным содержанием¹⁰⁹.

В. В. Вандышев полагает, что терроризм выступает условно в двух основных формах: политической и уголовной, т. е. криминальной¹¹⁰.

В. Е. Петрищев систематизирует терроризм по методам воздействия, по характеру влияния на межгосударственные отношения, по целям и средствам¹¹¹.

Г. Дэникер подразделяет терроризм на внутренний (действия граждан против своего государства на своей территории); транснациональный (действия граждан одного государства против своих соотечественников на территории другого государства); международный (действия международных, межнациональных групп террористов, направленных против другого или других государств)¹¹².

¹⁰⁷ Терроризм: психологические корни и правовые оценки: Круглый стол // Государство и право. 1995. № 4. С. 33; Лунеев В. В. Организованная преступность, терроризм и коррупция: Криминологический ежеквартальный альманах. М., 2003. С. 22.

¹⁰⁸ Мелентьева Н. Размышления о терроре // «Элементы». Евразийское обозрение. 1996. № 7. С. 17–19.

¹⁰⁹ Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998. С. 34–42.

¹¹⁰ Политический режим и преступность / Под ред. В. Н. Бурлакова, Ю. Н. Волкова, В. П. Сальникова. СПб., 2001. С. 350.

¹¹¹ Петрищев В. Е. Заметки о терроризме. М., 2001. С. 11–14.

¹¹² Дэникер Г. Стратегия антитеррора. Новые пути борьбы с терроризмом // Терроризм в современном капиталистическом обществе. Вып. 2. М., 1982. С. 76–80.

Н. Д. Литвинов классифицирует террор по целям (не уточняя, каким именно): революционный, националистический, деморализационный, функциональный, экономический, транспортный, самообеспечивающий и др.¹¹³

Более удачной (но не безупречной) представляется классификация форм и разновидностей терроризма, предложенная В. Замковым и М. Ильчиковым¹¹⁴. Она с наибольшей полнотой вбирает в себя все многообразие деяний, имеющих оттенки и признаки террористического проявления. Указанные авторы классифицируют терроризм следующим образом: *революционный и контрреволюционный; субверсионный и репрессивный; физический и духовный; селективный и слепой; провокационный, превентивный, военный террор и криминальный террор*.

Так Н. Д. Литвинов, рассматривая экономический террор, на самом деле, говорит о корыстном терроризме. А там, где действительно следует говорить об экономическом терроре, называет происходящее терроризмом¹¹⁵. Или упоминает экономический и аграрный виды террора, тогда как аграрный террор – это разновидность экономического террора.

Антигосударственный терроризм определяется автором как *«целенаправленная деятельность отдельных лиц и организационных формирований, направленная на изменение социально-экономической формации, разрушение государственной идеологии, изменение формы правления и государственно-политического режима, разрушение территориальной целостности, нарушение функционирования государства и осуществляемая криминальными (террористическими) способами»*.

Если выделить антигосударственный терроризм, то следует признать наличие и массы других «анти» видов терроризма, например антипартийного. То, что автор выделяет как антигосударственный терроризм, в конечном итоге, есть политический терроризм, направленный на корректировку идеологической, экономической, социальной и т. д. политики государства.

Т. С. Бояр-Созонович считает необходимым максимально упростить основную схему классификации и выделяет три основных вида терроризма: 1) государственный – террористические акции, осуществляемые государством или при поддержке государства; 2) групповой (или организованный) – террористические акции, осуществляемые группами или организациями частных лиц, не пользующихся поддержкой государства (не ограничивается антиэтатической направленностью, поскольку включает как «левый», так и «правый» терроризм, а также национально-этнический, конфессиональный и т. п.); 3) стихийный (индивидуальный) – террористические акции, осуществляемые частными лицами¹¹⁶.

Государственный терроризм, если его понимать как государственную политику терроризма, осуществляется сотрудниками силовых структур, что уже предполагает группу субъектов, точно так же частные лица могут объединиться в группы, тогда как индивидуальный терроризм – это редкость, а стихийный – и вовсе маловероятен, если речь не идет о массовых беспорядках.

Приведенные выше классификации, несомненно, имеют отношение к терроризму. Но все они, на наш взгляд, имеют методологическую погрешность, связанную с определением и разграничением понятий «террор», «терроризм» и «террористический акт». То есть «террор» и «терроризм» используются как равнозначные понятия, хотя, как мы постарались показать выше, это не так. Поэтому вполне естественно, что в приведенных классификациях обнаруживается смешение всех трех понятий.

¹¹³ Литвинов Н. Д., Нурадинов Ш. М. Кавказский террор в Российской Империи. М., 1999. С. 125–127.

¹¹⁴ Замковой В. И., Ильчиков М. З. Терроризм – глобальная проблема современности. М., 1996. С. 9.

¹¹⁵ Литвинов Н. Д., Нурадинов Ш. М. Кавказский террор в Российской Империи. М., 1999. С. 110.

¹¹⁶ Бояр-Созонович Т. С. Проблемы классификации современного терроризма. М., 1989. С. 11.

Смешение понятий происходит еще и потому, что авторами за основу классификации одновременно берутся все признаки, которые хоть каким-то образом характеризуют акт терроризма (мотивы, цели, способы совершения акта терроризма, объекты посягательства, этническая, религиозная принадлежность субъектов и пр.). Такой метод классификации изначально обрекает исследователя на неудачное решение проблемы, поскольку цели и мотивы преступного поведения, не говоря о способах совершения преступного акта, в каждом конкретном случае проявления террора и терроризма могут быть совершенно разными. И если идти по этому пути, то получается, что отдельно взятый акт терроризма ввиду особенностей, например, объекта посягательства, мотива, способа совершения и т. д., должен быть выделен в особую классификационную группу. Именно поэтому в литературе наличествует множество классификаций терроризма.

Несомненно, один акт терроризма чаще всего обладает несколькими классификационными признаками (функциональный, экономический, экологический, технологический, информационный или компьютерный и др.). Мотивы поведения, цели преступников и способы реализации преступного акта могут меняться в зависимости, например, от достижения определенного результата (сначала диктатура пролетариата, потом победа революции, потом мировая революция и т. д.). Более того, мотивы и цели исполнителей преступления и его организаторов могут не совпадать. Организатор акта терроризма может добиваться политической цели, тогда как исполнитель, взорвавший здание, делает это ради денег, которые дал ему тот же организатор преступления. Кроме того, само наличие у виновных определенных мотивов и целей еще не означает, что конкретный преступный акт является проявлением террора или терроризма, для этого еще необходимо совершить деяние, нарушающее общественную безопасность, создающее опасность гибели людей и т. д.

Вместе с тем при классификации нельзя пренебрегать ни одним из признаков, присущих явлению. Все признаки террора, терроризма или террористического акта, взятые в совокупности (субъекты преступных акций, их мотивы, цели, способы, число действий и их правовая основа, масштабы жертв и их социальный статус и т. д.), позволяют подвергать их классификации и относить конкретный преступный акт к какому-то классу. Но в основе классификации, как нам представляется, должна лежать *конечная цель организаторов преступления* – тот идеальный результат, к которому стремится именно организатор преступления. В основу классификации должны быть положены не промежуточные (даже в одном акте терроризма их может быть несколько), а именно конечные цели преступников, потому что только они являются устойчивыми и доминирующими в терроре или акте терроризма.

Таким образом, проблема классификации терроризма напрямую связана с проблемой определения терроризма и его отграничения от таких смежных понятий, как «террор» и «террористический акт». Без решения последней задачи любые попытки классификации обречены на неудачу, ибо они с неизбежностью упрутся в смешение признаков этих трех далеко не равнозначных понятий¹¹⁷.

Все три явления должны рассматриваться как категории материалистической диалектики: террор – явление всеобщее, терроризм – особенное, а террористический акт – единичное. Всеобщность террора определяется не только массовостью жертв и их палачей, но и многообразием форм и методов его воплощения. Вселяя ужасающий страх практически во все население, террор осуществляется путем судебных и внесудебных расправ, провокации голода, внеэкономического принуждения, духовного порабощения. Террор обретает форму геноцида: например, высылаются целые народы, проводятся опыты над людьми и т. д. Терроризм – явление особенное по отношению к террору. Он, в отличие от террора, более

¹¹⁷ Дикаев С. У., Шестакова С. Д. Терроризм: проблемы понятийного аппарата // Вестник Казахстанской криминологической ассоциации. 2003. № 2.

«специфичен» и по масштабам, и по целям, и по жертвам, и по методам, и по средствам осуществления. Террористический акт как единичное событие обладает более четкими признаками, позволяющими рассматривать его как частный случай устрашения ограниченного круга лиц, объединенных характеризующим признаком.

Как представляется, одной из причин отсутствия единых подходов к определению терроризма являются попытки ученых познать часть (терроризм) без ее связи с целым (террором). Исследованию части (терроризма) должно предшествовать исследование целого (террора), поскольку, изучив только часть, мы не можем судить о целом, в которое она включена. Напротив, исследуя целое, мы можем выделить в нем соответствующие части и проанализировать характер их связи. Это убеждает нас в том, что три рассматриваемых явления необходимо классифицировать каждое в отдельности.

2.2. Классификация террора

1. Революционный и контрреволюционный террор. История революционных движений в России и в мире показывает, что в основе данных видов террора лежат классовые критерии. В период социалистического строительства в СССР революционный террор трактовался как необходимый, прогрессивный, вынужденный и гуманный, навязанный силами контрреволюции, не желающими без боя уступать свои позиции, и т. д. Контрреволюционный террор, соответственно, считался реакционным, кровавым, жестоким, бесчеловечным и т. д. Научно-объективный подход к трактовке данной проблемы подменялся примитивно-пропагандистским подходом: революционный террор априори получал индульгенцию, а контрреволюционный ставился вне закона. Исследователи данной проблемы в качестве классических иллюстраций диалектики и динамики революционного и контрреволюционного террора ссылаются на опыт Великой Французской революции (1789–1793 гг.) и Великой Октябрьской социалистической революции (1917 г.). Сходство двух рассматриваемых видов террора по характеру их осуществления, по степени экстремизма, ожесточенности и бесчеловечности является неоспоримым. Но существенной особенностью революционного террора как во Франции, так и в России стало то, что его инициаторы и организаторы (Робеспьер, Марат, Дантон, Сен-Жюст и др. – во Франции; Ленин, Троцкий, Дзержинский и др. – в России) апеллировали к самым зверским, диким и необузданным инстинктам толпы. Именно это обстоятельство определяет иррациональность и неоправданность никакими политическими спекуляциями, масштабность и ожесточенность этой разновидности террора. Чудовищный размах, изощренность и жестокость революционного террора в России не в последнюю очередь были обусловлены доктринальной установкой большевистских вождей революции на классовую нетерпимость, которая так же, как и гитлеровская нетерпимость, априори освящала и оправдывала любой произвол и жестокость.

Так, в Постановлении СНК 5 сентября 1918 г. (СУ № 65), узаконившем «красный террор», подчеркивалось, что «необходимо очистить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях... подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам... необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры».

«Ленин постоянно настаивал на терроре и его расширении, – пишет Ю. М. Антонян, – теоретически и практически обосновывал его необходимость». Так, в работе «Как организовать соревнование?» В. И. Ленин писал: «Никакой пощады этим врагам народа, врагам социализма, врагам трудящихся. Война не на жизнь, а на смерть богатым и прихлебателям, буржуазным интеллигентам, война жуликам, тунеядцам и хулиганам... Богатые и жулики – это две стороны одной медали... это главные враги социализма... с ними надо расправляться при малейшем нарушении правил и законов социалистического общежития...». А решение вопроса, кого относить к «врагам народа», к «богатым», к «прихлебателям» и т. д. было отдано на усмотрение вооруженных и революционно настроенных лиц.

В книге «Рассекреченный Ленин» (М., 1996. С. 27.) А. Г. Латышев приводит массу документов, написанных и подписанных В. И. Лениным, указывающих региональным руководителям партии большевиков на необходимость организации террористических актов в отношении всех слоев населения. Например, 9 августа 1918 г. Ленин направил председателю губсовета Нижнего Новгорода письмо следующего содержания: «Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п. Ни минуты промедления». В другом документе, направленном в 1918 г. в Пензу, Ленин указывает на конкретные способы реализации террора: «1) Повесить (непрерменно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев

и кровопийц; 2) опубликовать их имена; 3) отнять у них весь хлеб; 4) назначить заложников согласно вчерашней телеграмме. Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал. Найдите людей потверже» (Там же. С. 57).

Широкое использование в тот период массового захвата заложников в революционных целях подтверждается многочисленными архивными документами. Постановлением ВЦИК от 5 ноября 1919 г. «Об амнистии ко второй годовщине Октябрьской революции» (СУ № 55) в одном из пунктов ВЧК предписывалось «незамедлительно пересмотреть списки всех заложников и освободить всех тех из них, содержание коих не вызывается крайней необходимостью, для чего всем местным чрезвычайным комиссиям предписывается не позже, чем в двухнедельный срок, представить ВЧК полный список всех содержащихся в данной местности заложников». Постановлением ВЦИК от 6 ноября 1920 г. «Об амнистии к третьей годовщине Октябрьской революции» (СУ № 88) в пункте 6 также предписывалось «обязать Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию и ее отделы пересмотреть в месячный срок списки всех заложников и военнопленных гражданской войны и освободить тех из них, содержание коих не вызывается крайней необходимостью». Здесь же приводится длинный список категорий заложников, не подлежащих освобождению.

Контрреволюционный «белый» террор мало чем отличался от революционного «красного», причем «белый» террор был вызван «красным» террором, а не наоборот. Попытки и издевательства в застенках контрразведки Деникина, Колчака и Юденича были сопряжены с не меньшими жестокостями и бесчеловечностью. Так Пуришкевич в конце 1917 г. писал Каледину на Дон: «...с чернью теперь нужно будет расправиться уже только публично расстрелами и виселицами»¹¹⁸. Только в июне 1918 г. контрреволюционеры в 22 губерниях РСФСР расстреляли 824 человека, в июле – 4141, в августе – 393, в сентябре – свыше 6 тысяч¹¹⁹.

Если большевики расстреливали за принадлежность к белому движению или по подозрению в таковой, то белые – за принадлежность к красному. Если чекисты убивали заложников за убийство Урицкого и ранение Ленина, то колчаковцы и деникинцы мстили противникам за расстрел царской семьи.

Таким образом, и «революционный», и «контрреволюционный» террор неразрывно связаны между собой и предполагают друг друга. Они представляют собой исторические реалии, многократно заявлявшие о себе массовыми убийствами, необузданной жестокостью и произволом. Однако есть проблема в определении того, в какой мере эти взаимообусловленные формы террора являются методологически неуязвимыми с точки зрения исторической объективности? Насколько они соответствуют критерию наиболее общей классификации форм террористической деятельности? Вся сложность данной проблемы заключается в том, что в процессе классификации существенную роль играет субъективный фактор: что считать революцией и что считать контрреволюцией? Какой позиции в этом вопросе придерживается исследователь?

Как отмечалось, о «революционном» и «контрреволюционном» терроре можно говорить лишь тогда, когда субъекты террора, в качестве которых выступают, с одной стороны, еще официальная, хотя и нелегитимная, а с другой – пока еще неофициальная, но уже легитимная власти, достигли равенства политических, идеологических, военных, финансовых возможностей в борьбе за утверждение своей власти. При этом террор выступает в качестве основного, а иногда и единственного метода преломления сложившейся ситуации.

2. Подрывной и репрессивный террор. Подрывной террор направлен на дестабилизацию или полное разрушение той или иной системы политической власти, на подрыв ее

¹¹⁸ Красный архив. М., 1928. Т. 1. С. 171.

¹¹⁹ Красная книга ВЧК. 2-е изд. М., 1989. Т. 1. С. 6.

изнутри с помощью разнообразных приемов и методов насилия (взрывов, убийств, захвата заложников и т. д.). Чаще всего к подрывному террору прибегают иностранные государства, которых не устраивает существующий в том или ином государстве политический режим. Например, экономическая блокада и ракетные обстрелы США территории Ирака до агрессии преследовали цель ослабления экономики страны, что, в свою очередь, по расчетам американских стратегов, привело бы к еще большему обнищанию народа Ирака, за которым последует «бунт» и смена политического режима. Использовались «проблемные» для властей Ирака группы населения, в частности курды, которых финансировали, инструктировали и вооружали. Репрессивный террор, напротив, направлен на сохранение существующей политической власти путем подавления, уничтожения, изоляции действительных или мнимых противников. Обе эти формы неразрывно связаны между собой: наличие одной предполагает существование другой.

Подрывной и репрессивный террор внешне схожи с революционным и контрреволюционным террором и по своей направленности объективно совпадают, хотя и не являются их простыми аналогами. Различие состоит в том, что «революционный» и «контрреволюционный» террор, как правило, регламентируются временными революционными принципами и ограничены периодом смуты, тогда как время действия субверсионного и репрессивного террора практически безгранично.

В некоторых случаях подрывным может быть и терроризм. В частности тогда, когда этот вид терроризма является своего рода прелюдией и предпосылкой революционного террора. Примерами подрывного терроризма могут служить террористические действия «Баадер-Майнгоф» в ФРГ, «Красных бригад» в Италии и т. д. Действия этих групп, несмотря на малочисленность их участников, характеризовались исключительной дерзостью и активностью и в течение сравнительно длительного времени существенно дестабилизировали политическую обстановку и держали в страхе обывателей. В подобных случаях репрессивный террор выступает в качестве пролонгированного варианта и модификации контрреволюционного террора.

Диалектика взаимодействия названных двух видов террора сложна и противоречива. Субъекты террора на политической сцене могут меняться местами, равно как и политические декорации, революционер может стать контрреволюционером и наоборот, однако в функциональном плане субверсионный и репрессивный террор сохраняют свой безличный характер: первый – это всегда подрыв и дестабилизация, второй – это всегда подавление.

3. Идеологический (или духовный) террор по своей сути является дополнением к другим видам террора, которые сопровождаются применением в жертвам физического насилия. Меры физического воздействия в отношении жертв террора известны человечеству с древнейших времен. Особенно памятливы многие примеры и факты из истории Средневековья, связанные с деятельностью святой инквизиции по выявлению «отступников» и «еретиков», а также лиц, преимущественно женщин, подозреваемых в тайных сношениях с дьяволом. Всего за долгие годы разгула инквизиции в Испании было живьем сожжено 31912 человек¹²⁰. Прочно в историю человечества вошли инспирированные судилища, жертвы которых после нечеловеческих пыток, мучений и издевательств были преданы сожжению (например, Ян Гус и Жанна д'Арк). Но любая форма террора так или иначе влечет за собой физические страдания жертв. Поэтому считаем излишним выделение в качестве самостоятельного вида физический террор, тем более, что методов физического воздействия на действительных или мнимых противников режима человечество придумало великое множество. И физический террор, как и духовный, преследует одну цель – сокрушение своих жертв, их физическое и моральное истощение.

¹²⁰ Антонян Ю. М. Убийства ради убийства. М., 1998. С. 213.

Выделяя в качестве самостоятельной категории идеологический (или духовный) террор, мы исходим из того, что имеет свою специфику в том смысле, что он реализуется не только в застенках, но и является атрибутом психологического климата тоталитарных режимов. Этот вид террора проявляет себя в преследовании людей за инакомыслие, в лишении их права иметь свое мнение, в существенном ограничении свободы, во вселении в них экзистенциального страха. Страх перед угрозой быть объявленным «врагом народа» превращал людей в послушное орудие реализации безумных планов и действий правителей путем деформации нормальной человеческой психики и зомбирования. Конечной целью духовного террора является выведение нового антропологического типа – конформиста, жизнерадостного робота, зомби, вернее, адекватно политической системе функционирующего человека.

В прежние эпохи идеалом воспитания с точки зрения сохранения существующего соотношения сил считался лишенный эмоций послушный исполнитель, который вследствие отсутствия связи со своим собственным миром чувств безоговорочно помогает осуществлять разрушительные планы власть имущих. Концепция массового подавления воли народа и воспитания слепого послушания весьма удобна тоталитарной власти, постоянно нуждающейся в соучастниках, которые без колебаний позволяют ей использовать себя для бесчеловечных поступков. В этом смысле подавление индивидуации в рамках идеологического террора означает культивирование разрушительной ненависти масс в отношении жертвы, выбранной властью по характерному признаку (нация, социальная группа, партия и пр.).

В осуществлении подобного рода идеологического или духовного террора преуспели гитлеровская Германия и СССР в период правления Сталина. Хладнокровная жестокость, с которой фашисты убивали женщин и детей в лагерях смерти, – это прямой результат селекции преступников и палачей с «нордическим характером» в условиях духовного террора. Та же практика осуществлялась и в бывшем СССР в период правления Сталина. «Всесильное государство свирепо расправлялось с каждым, кто им не восхищался. Невиданные за всю историю человечества репрессии тоталитарного режима парализовали людей, выработали у них чувство страха, собственной неполноценности, неуверенности. У этих людей появилось стойкое чувство собственной вины перед режимом, ибо были единицы, которые сомневались в правоте режима и его вождей», – пишет М. Буянов¹²¹. Сомневающихся в правоте режима или даже могущих засомневаться в ней в будущем можно было высылать из страны в соответствии с декретом ВЦИК, принятым в 1922 г., об административной высылке за границу и в северные губернии. Такой высылке подверглись деятели российской и мировой науки (Н. Бердяев, С. Франк, С. Булгаков, И. Ильин, С. Трубецкой и др.)¹²². Точных данных о числе высланных нет, но предполагается, что оно превышает 300 человек¹²³.

Важной и неперменной составляющей идеологического террора является политика разрушения исторически сложившихся аксиологических стереотипов сознания людей, их традиционно определивших представлений о добре и зле, справедливости и несправедливости, правде и лжи. Под воздействием массовой пропаганды и укоренившегося страха перед всесильной репрессивной машиной у людей формируется иррациональное мировосприятие, искаженное представление о вещах и фактах. В таких условиях люди постепенно превращаются из объектов психологического исследования в объект психиатрии¹²⁴.

Существенной особенностью духовного террора является то, что он, воздействуя на сферу сознания и подсознания людей, метастезирует иррациональное мировосприятие на

¹²¹ Буянов М. Ленин, Сталин и психиатрия. М., 1993. С. 10.

¹²² Известия. 1991. 25 дек.

¹²³ Смылкин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997. С. 46.

¹²⁴ Замковой В. И., Ильчиков М. З. Терроризм – глобальная проблема современности. М., 1996. С. 18.

последующие поколения, парализуя их волю к противостоянию насилию со стороны как власть предержащих, так и мафиозных структур.

В качестве подвида идеологического террора следует рассматривать информационный террор. Вернее, последний выступает основным средством осуществления идеологического террора. Захватив или монополизировав средства массовой информации, или законодательно наложив запрет на информирование населения о происходящих событиях, субъект идеологического террора вводит население в заблуждение, дезориентирует массы, и под этой завесой скрывает свои преступные действия, ограждая себя от критики.

4. В качестве самостоятельного вида мы выделяем **экономический террор**. Н. Д. Литвинов определяет экономический террор как *«криминальную деятельность отдельных лиц и организационно-террористических формирований, направленную на ослабление экономического состояния государства, на дезорганизацию деятельности отдельных отраслей и предприятий, самовольное использование государственных ресурсов»*¹²⁵.

Это определение можно считать весьма удачным, но только применительно к корыстному терроризму, а не к экономическому террору. Все дело в том, что субъектами террора не могут быть отдельные лица, точно так же и организационно-террористические формирования не могут быть субъектами террора, если они не реализовывают государственную политику.

Террор вообще и экономический террор в частности, как отмечалось, – удел государственной власти. Экономически террором можно считать целенаправленные действия властей, направленные на обогащение незначительной части населения за счет другой, значительно большей его части, а также государственное внеэкономическое принуждение населения для решения политических задач. У народа России свежа еще память об августе 1998 г., когда политика федеральных властей России за один день привела к многократному обнищанию большинства российского народа и 79 млн человек (54 % населения) оказались за чертой бедности. Исключение составил узкий круг правительственных чиновников и опекаемых ими олигархов, чье состояние увеличилось пропорционально обнищанию народа¹²⁶.

В качестве экономического террора можно рассматривать и обесценивание денежных вкладов граждан в Сбербанке России, и ограбление населения путем создания всевозможных мошеннических банков, фирм и организаций, занимавшихся привлечением денежных средств населения «под проценты», – «МММ», «Гермес-Финанс», «Чара-Банк», «Русский Дом-Селенга» и т. д., а также злоупотребления в кредитно-денежной сфере. Так, за период 1991–1995 гг. было выявлено 170 мошеннических фирм, имеющих 334 филиала во всех регионах России. Причиненный ими ущерб, даже по самым скромным подсчетам, превышает 2 трлн рублей, а пострадало от них более 10 млн человек. Преступлениями в кредитно-денежной сфере в пореформенный период России был нанесен ущерб в сумме 60–70 трлн рублей¹²⁷. Большинство мошеннических банков и фирм были созданы и работали под контролем правительственных чиновников, которые преследовали цель личного обогащения, при этом прекрасно понимая, за счет кого оно происходит. Все государственные экономические и финансовые структуры России были сориентированы на выкачивание денег, которые вывозились и вкладывались в экономику зарубежных стран. Достаточно вспомнить, что утечка

¹²⁵ Литвинов Н. Д. Роль идеи в развитии антигосударственного терроризма: Монография / Под ред. С. Е. Вицина. Воронеж, 1999. С. 19.

¹²⁶ Коростикова Т. Бедных и богатых стало больше // Аргументы и факты. 1998. № 44. С. 5; Ведерников О. Н. О контроле за деятельностью органов исполнительной власти // Преступность и власть. Материалы конференции. М., 2000. С. 8; Милуков С. Ф. Уголовно-правовая политика и политический режим / Под ред. В. Н. Бурлакова, Ю. В. Волкова, В. П. Сальникова. СПб., 2001. С. 96–103.

¹²⁷ Егоршин В. М., Александров А. И., Исмаилов Р. Ф. Экономическая безопасность как составляющая национальной безопасности России // МВД России – 200 лет. Материалы научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 28–29 мая 1998 года. Часть 2 / Под общ. ред. О. М. Латышева, В. П. Сальникова. СПб., 1998. С. 75–76.

капитала из России в начале 2000 г. составляла около 1 млрд долларов США в месяц (в 1998 – 25 млрд, 1999 – 15 млрд в год)¹²⁸. Массовое бегство капитала из России было не случайным явлением, а хорошо продуманным и спланированным на высшем политическом уровне мероприятием.

Например, список банков, претендовавших на получение на бюджетные счета помощи в рамках программы развития регионов России, финансировавшейся при участии Всемирного банка (ВБ), Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) и Международного банка реконструкции и развития (МБРР), находящихся под патронажем американских спецслужб, составлялся Правительством и Центробанком России, под давлением которых было определено, что «Мосбизнесбанк», «Промстройбанк» (Санкт-Петербург), банк «Санкт-Петербург», «Столичный банк сбережений» (СБС-Агро), «Токобанк» и «Уралпромстройбанк» получают долгосрочные кредиты от МБРР и ЕБРР на техническое перевооружение¹²⁹. Эти же банки оказались в числе получателей еще нескольких займов, в том числе и Жилищного займа (400 млн долларов), выделенного Всемирным банком. К настоящему времени большинство из упомянутых банков объявили о своем банкротстве и о неспособности вернуть полученные деньги¹³⁰. А поскольку деньги брались под государственные гарантии, то возвращать их придется из государственного бюджета.

Рассматриваемый вид террора в России постсоветского периода выразился и в импорте продовольственных товаров не только экологически опасных, но и запрещенных к потреблению в западных странах. Специалисты к этой категории товаров относили примерно 80 % импортированных продуктов питания, сигарет, напитков и т. д., потребление которых привело к смерти 43 тыс. человек¹³¹. По мнению М. Архипова – заведующего отделом биофизики Агрофизического научно-исследовательского института, и сейчас существует скрытая, но реальная угроза, исходящая от продуктов, поставляемых нам из-за рубежа¹³².

Экономический террор, названный перестройкой, рыночной экономикой, разгосударствлением, приватизацией и т. д., был не единичным актом и не одномоментным явлением. Он продолжался в течение почти 20 лет и привел к тому, что российский народ за этот период не только не сделал каких-либо сбережений, но и лишился того, что было накоплено многими поколениями, того, что традиционно рассматривалось как государственная, т. е. общая собственность. Но и сегодня бюджетная сфера России не свободна от криминала, в 2001 г. сумма причиненного ущерба составила около 40 млрд рублей¹³³.

В мировом масштабе весьма внушительны результаты теневой экономической деятельности транснациональных преступных организаций, негативно влияющих на экономику, прежде всего, слаборазвитых стран. Согласно данным Центра по изучению международной организованной преступности и коррупции США ежедневный финансовый оборот международных преступных группировок, базирующихся в этой стране, достигает 1 млрд долларов США. Последствия такого оборота для экономических систем развивающихся стран и государств с переходной экономикой носят ярко выраженный негативный характер,

¹²⁸ Паоли Л. Преступный оборот наркотиков в России // Криминология: Вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2002. № 4 (5). С. 179.

¹²⁹ Финансовые новости. 1995. 6 мая.

¹³⁰ Интерфакс-финансы. 1995. 29 сент., 30 янв.

¹³¹ Егоршин В. М., Александров А. И., Исмаилов Р. Ф. Экономическая безопасность как составляющая национальной безопасности России // МВД России – 200 лет. Материалы научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 28–29 мая 1998 года. Часть 2 / Под общ. ред. О. М. Латышева, В. П. Сальникова. СПб., 1998. С. 79–80.

¹³² Сильников М. В. Особо важным объектам – особо надежная защита // Защита и безопасность. 2002. № 3.

¹³³ Короткова О. В. Организованная преступность в ее разных проявлениях // Организованный терроризм и организованная преступность / Под ред. А. И. Долговой. М., 2002. С. 155.

так как большой приток иностранных денежных средств ведет к девальвации национальной валюты, что, в свою очередь, ведет к спаду промышленного производства.

По мнению руководителя Венского управления безопасности, ежегодно международная преступность наносит ущерб, превышающий 900 млрд долларов. Половина этой суммы приходится на нелегальную торговлю наркотиками. Ежегодный оборот этого зелья в мире составляет 500 млрд долл., что превышает соответствующий показатель по всей черной металлургии и текстильной промышленности в мире (8 % всего мирового товарооборота), а наркозависимыми считаются 3 % (т. е. 180 млн чел.) населения Земли. По данным МВФ, ежегодно в мире отмывается 1,5 трлн долларов, т. е. до 5 % стоимости мирового валового продукта¹³⁴.

В США убытки, понесенные в результате деятельности организованной преступности, в два раза превышают сумму средств, предназначенных для финансирования деятельности полиции, судов и прокуратуры вместе взятых. На борьбу с растущей преступностью правительства развитых стран вынуждены ежегодно выделять от 2 до 3 % бюджетных средств, а правительства развивающихся стран – от 9 до 14 %¹³⁵.

5. Военный террор. Хотя этот вид террора рассматривается нами последним, по своей значимости в классификации он является главным.

XX век – век научно-технического прогресса – проявил себя, в первую очередь, в изобретении новых средств массового уничтожения, отбросив как нелепые сантименты и предрассудки последние остатки рыцарского кодекса ведения войны. Современные войны обрели тотальный характер благодаря появлению авиации, баллистических ракет, способных поражать как военные, так и гражданские объекты на всю стратегическую глубину; границы между тылом и фронтом оказались стерты, а гражданское население превратилось в заложника азартных политических игр авантюристов и человеконенавистников.

В полной мере все это проявилось в ходе Второй мировой войны, когда Гитлер реализовывал свои планы сокрушения противника и достижения над ним полной победы любой ценой, в том числе и путем военного террора против гражданского населения. Сформулированная Гитлером доктрина террористического метода ведения войны сделала эту войну особо жестокой и бесчеловечной¹³⁶.

Военный террор имеет место во время войны и направлен не только на экономическое и военное ослабление противника, уничтожение его промышленной и оборонной мощи, но и на то, чтобы привести его в оцепенение, навести ужас на население, изменить психологическую обстановку в стране. Таков был смысл англо-американских бомбардировок фашистской Германии, ядерной бомбардировки Японии, уничтожения фашистами людей, даже покорившихся, для устрашения других, расстрелы заложников, разрушение материальных ценностей и учреждений духовного характера, угон людей в рабство, создание невыносимых условий жизни для населения и т. д.

Сама по себе стихия военного противостояния всегда являлась питательной средой для самых изощренных проявлений военного террора, жертвами которых становилось гражданское население, как правило, противостоящего государства. Подсчитано, что за последние пять с половиной тысяч лет люди вели между собой примерно 14500 войн, в ходе которых погибло 3,6 млрд человек и уничтожено ценностей, достаточных для обеспечения всем необ-

¹³⁴ Куликов А. С. Глобализация и новые вызовы безопасности в виде преступности и терроризма // Антитеррор. 2002. № 1.

¹³⁵ Состояние и меры борьбы с организованной преступностью. Обзорная информация ГИЦ МВД РФ. Зарубежный опыт. Вып. 1. М., 1999. С. 2; Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века / Под общ. ред. А. И. Гурова. М., 2000. С. 7.

¹³⁶ Басиони К. Воспитание народоубийц. Власть или зрелость. О принуждении к послушанию и стремлении к автономии. СПб., 1999. С. 54.

ходимым современного населения земного шара в течение нескольких тысяч лет¹³⁷. Особенно разрушительный характер носили мировые войны XX в. Общая стоимость прямых и косвенных издержек Первой мировой войны составила 338 млрд долларов США, а Второй – свыше 4 трлн¹³⁸. Результаты исследований американских ученых показывают, что еще более вредоносны последствия войн. Они установили: для того чтобы уровень насилия в обществе, пережившем войну, начал снижаться, необходим длительный промежуток времени – до 10 лет¹³⁹.

За годы, прошедшие после Второй мировой войны, в ходе «малых» войн и военных конфликтов, общее число которых к началу XX в. превысило 200, погибло свыше 20 млн человек¹⁴⁰. При этом войны становятся все более губительными не для военнослужащих, а для гражданского населения. По данным И. А. Лядех, в результате боевых действий в период 1990–1996 гг. в мире погибло 5,5 млн человек, из них 3/4 приходится на мирное население¹⁴¹.

Схема 1

Классификация террора

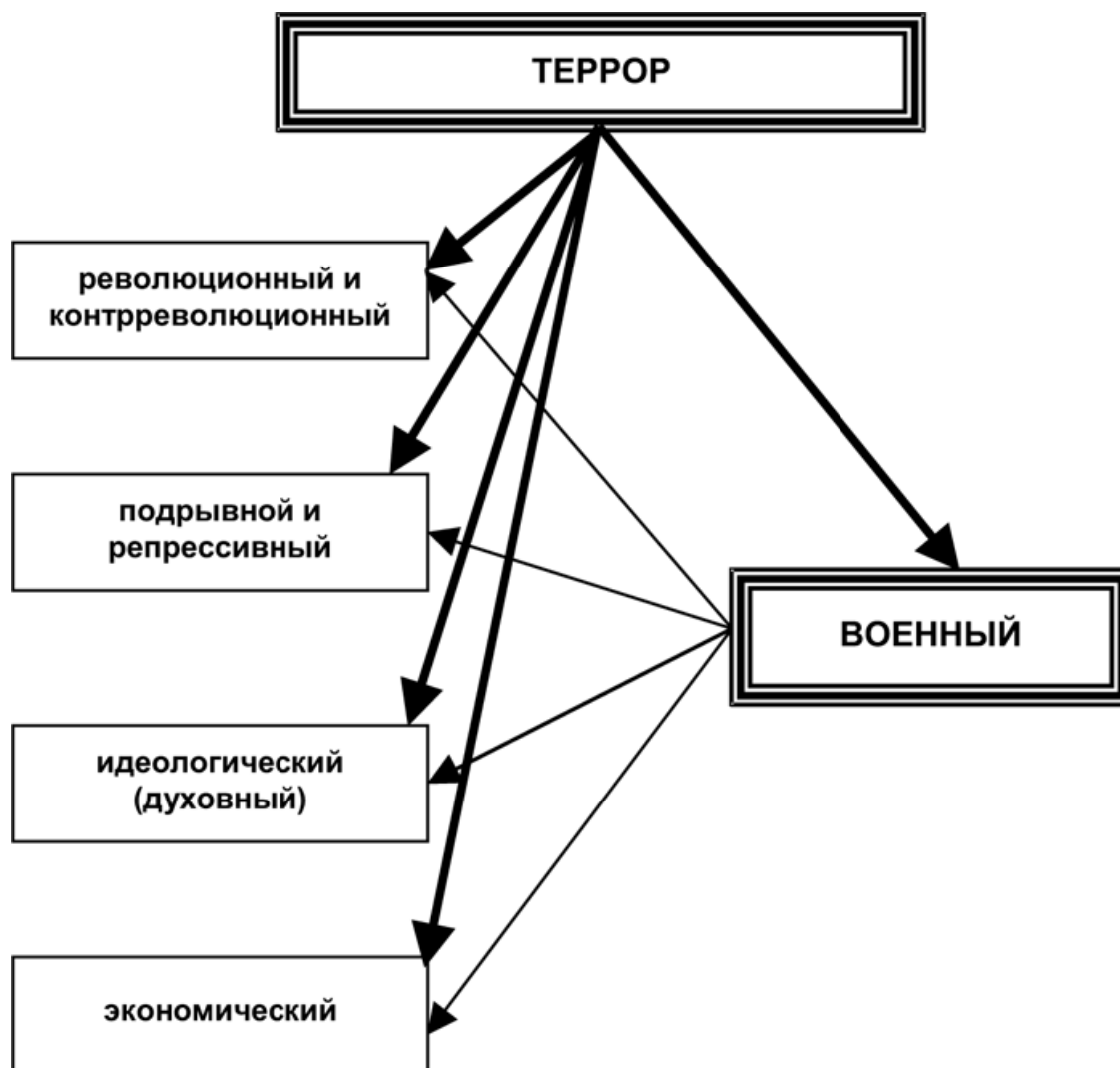
¹³⁷ География милитаризма. М., 1984. С. 14.

¹³⁸ Тюшкевич С. А. Социальные последствия милитаризации // Социологические аспекты проблем мира и социального прогресса... Навстречу XI Всемирному социологическому конгрессу. Нью-Дели, Индия, 18–22 августа 1988 г. М., 1988. С. 44.

¹³⁹ Цит. по: Хохряков Г. Ф. Криминология: Учебник / Отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1999. С. 69.

¹⁴⁰ Там же. С. 45.

¹⁴¹ Цит. по: Кабанов П. А. Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение: Дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2001. С. 62.

По данным ЮНИСЕФ, в период с 1987 по 1997 г. в вооруженных конфликтах погибло 2 млн детей, 6 млн стали инвалидами, 1 млн сиротами. 300 тыс. детей во всем мире приняли участие по крайней мере в 31 текущем или завершенном вооруженном конфликте. Половина беженцев и перемещенных лиц в мире, т. е. 11,4 млн – дети. 10 млн детей получили серьезные психологические травмы. Приблизительно каждый четвертый ребенок в мире, т. е. всего 540 млн детей, живет в опасных условиях¹⁴².

По расчетам В. В. Серебрянникова, в первую чеченскую кампанию (1994–1996 гг.) были поставлены зловещие рекорды военного террора. Так, если удельный вес мирного населения составил в Первой мировой войне – 5 % от всех погибших, во Второй мировой – 48 %, в войнах в Корее – 84 %, во Вьетнаме – 90 %, то в Чечне, по предварительным данным, – 95–97 %. Если во Вьетнаме на каждого погибшего военнослужащего приходилось 9 гражданских лиц, то в Чечне по 15–17 взрослых и по 2–3 ребенка. Относительный материальный ущерб также потрясая: уничтожено 60–70 % жилья, разрушена вся промышленность.

По оценкам, которые, мы надеемся, никогда не будут проверены на деле, в случае развязывания мировой термоядерной войны доля погибшего гражданского населения в общей массе убитых составит приблизительно 98 %¹⁴³.

¹⁴² Лунеев В. В. Организованная преступность, терроризм и коррупция: Криминологический ежеквартальный альманах. М., 2003. С. 45.

¹⁴³ Серебрянников В. В. Чеченский кризис. М., 1995; Фельдман Д. М. Политология конфликта: Учебное пособие. М.,

Мировое сообщество должно задуматься над приведенными цифрами: кто интегрируется в него через 10–15 лет и каково будет отмирание нынешних обездоленных детей взрослым.

Военный террор не может существовать сам по себе. Он проявляет себя только в остальных видах террора, т. е. в одном или нескольких разновидностях террора, ограниченных временными рамками военного противостояния. Если же военные действия ведутся с соблюдением обычаев войны, т. е. гражданские объекты и гражданское население оберегаются, признаков военного террора нет. Случаи, когда в нарушение норм международного права одной из воюющих (конфликтующих) сторон уничтожаются гражданские объекты противника, по нашему мнению, следует рассматривать как экономический террор. Жесткая цензура информации о военных событиях есть идеологический террор. Противодействие национально-освободительным движениям военными средствами – репрессивный или контрреволюционный террор. Случаи применения военной силы в рамках контрреволюционного или репрессивного террора, как правило, носят ограниченный характер, поскольку военная сила применяется только в отношении противоборствующей стороны и в достаточных для преодоления сопротивления масштабах. Несоразмерность насилия, умышленное причинение страданий гражданскому населению, уничтожение гражданских объектов и т. п. должно расцениваться как преступная политика, выражением которой является военный террор.

Вместе с тем названные виды террора могут иметь самостоятельное значение, скажем, в тех случаях, когда террор осуществляется без вмешательства или использования военизированных структур (ограбление населения путем отказа в возврате банковских вкладов, искусственной девальвации национальной валюты или путем создания мошеннических фирм, введение цензуры или преследование за крамолу и т. д.).

Профессор Ю. М. Антонян считает, что имеет место быть и военный терроризм. При этом он приводит исторические примеры (в частности, деяния фашистов), которые характеризуют военный террор, а не военный терроризм. Военный терроризм возможен. Например, диверсия есть не что иное, как акт терроризма, преследующий военные цели. Но для того, чтобы диверсию рассматривать как военный терроризм, необходимо, чтобы соответствующие действия были совершены в период между объявлением войны и заключением мира, т. е. в военное время, и чтобы субъектами этих действий были представители военизированных структур противника, их агенты из числа завербованных местных жителей.

Террор предполагает массовое и существенное нарушение, ограничение и (или) уничтожение целого комплекса прав и свобод человека и гражданина. Это под силу только государственной власти, преследующей политические цели, а именно:

- сохранение, изменение или прекращение деятельности конституционных органов власти и управления;
- сохранение, изменение или прекращение деятельности политических общественных объединений (партий, движений, блоков и т. д.);
- сохранение, изменение или прекращение деятельности высших должностных лиц национального или иностранного государства или международных организаций;
- сохранение, изменение или прекращение деятельности видных политических деятелей (как правило, руководителей политических партий или общественных объединений);
- сохранение или изменение внешних или внутренних границ государства;
- полное или частичное уничтожение людей либо их вытеснение с определенной территории по определяющим их признакам (национальным, расовым, этническим и т. д.)¹⁴⁴.

1998. С. 126.

¹⁴⁴ Кабанов П. А. Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение: Дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Нов-

Таким образом, военный террор – это политически мотивированные, умышленные действия воюющих сторон, направленные на лишение гражданского населения жизни, здоровья, жилья и имущества с целью достижения военных успехов, а также на истребление гражданского населения с целью вызвать страх и морально сокрушить противника.

2.3. Классификация терроризма и террористических актов

Хотя понятие «терроризм», как было отмечено, более узкое, нежели понятие «террор», в своих проявлениях он многолик и многомерен. Это связано с тем, что если субъектом террора является только государственная власть, то круг субъектов терроризма, как мы уже говорили, значительно шире. Он включает в себя государственную власть, разные политические партии, организации и движения, религиозные течения и секты, индивидов и т. д. Все это, помноженное на разнообразные варианты реализации акта терроризма (взрывы, поджоги, убийства, захваты заложников, бандитизм, похищения людей и т. д.), и образует бесчисленное множество особенностей терроризма. Однако в главном, в способах и последствиях, все акты терроризма имеют схожие признаки. Все акты терроризма направлены на устрашение и, так или иначе, влекут за собой человеческие жертвы и большой, иногда даже невосполнимый, материальный ущерб. Причем последствия акта терроризма имеют определенный резонанс в обществе, иначе преступление теряет смысл для террористов. Все акты терроризма совершаются таким способом, который с необходимостью и неизбежностью должен привести к названным последствиям. Во всех актах терроризма их последствия не являются конечной целью террористов и выступают в качестве промежуточного звена в достижении конечной, стратегической, чаще всего политически мотивированной цели. Поэтому считаем, что классификация терроризма на основе конечных целей субъектов является единственно возможной и продуктивной. Целей субъектов терроризма (имеются в виду конечные, или стратегические цели организаторов, а не промежуточные цели, которые достигаются исполнителями) при такой классификации оказывается ограниченное количество, что позволяет свести к минимуму число разновидностей терроризма. Вместе с тем при подобной постановке вопроса ни один из многочисленных разновидностей терроризма не остается за рамками классификации.

Схема 2

Формы проявления террора

Например, в тех случаях, когда акт терроризма совершается аполитичными индивидами (группой), конечной целью преступников, как правило, является корысть (получение крупных сумм денег, наркотиков и т. д.). Изредка такие террористы выдвигают политические требования, например, стремятся покинуть страну, получить политическое убежище и т. д. (конечная цель – политический дивиденд). Но если субъектом терроризма является государство, то в его целях всегда обнаруживается политическая составляющая. Совмещение политического и корыстного элементов может иметь место, если субъектом терроризма являются

политические партии, движения, организации, религиозные течения, секты и т. д., которые одним актом терроризма пытаются решить свои финансовые и политические проблемы.

Исходя из сказанного, считаем, что все многообразие видов терроризма можно свести к следующим трем группам: политический, религиозный и корыстный (в литературе именуемый криминальным).

1. Политический терроризм П. А. Кабанов определяет как совокупность насильственных уголовно-правовых деяний, совершаемых субъектами политики в целях изменения, прекращения деятельности конституционных органов государственной власти, высших должностных лиц либо видных политических деятелей (лидеров политических, религиозных, общественных объединений или международных организаций) либо в целях изменения границ государства¹⁴⁵.

Это определение достаточно полно отражает «политический терроризм» как явление в криминологическом смысле, но оно мало пригодно для уголовно-правовой оценки. Да и сами признаки, присущие этому явлению, определяются, как нам кажется, не совсем точно, поскольку, во-первых, смешиваются три смежных понятия – «террор», «терроризм» и «террористический акт», во-вторых, представлен далеко не исчерпывающий перечень целей политического терроризма и, в-третьих, не совсем понятно, кого следует относить к субъектам политики.

Н. Н. Кудрина определяет политический терроризм как систему насильственных действий, не связанную с массовой вооруженной борьбой, а скорее представляющую собой тактику политической борьбы, для которой характерно систематическое применение идеологически мотивированных действий¹⁴⁶.

Что бесспорно в этом определении, так это то, что политический терроризм – это тактика политической борьбы. Но вряд ли во всех случаях можно говорить о политическом терроризме как о системе, поскольку любая система предполагает наличие обратной связи. Однако устойчивые связи имеют место только в тех случаях, когда терроризм выступает в качестве средства разрешения вековых конфликтов, когда акты терроризма одной стороны с неизбежностью вызывают ответную, как правило, более жесткую реакцию, раскручивая, таким образом, спираль террористического насилия, выводя его на новый уровень. Системность в политическом терроризме отсутствует, если акт терроризма совершается для решения одной политической задачи, например, если терроризм оказывается включен в набор «выборных технологий». В подобных случаях при наличии политического мотива у терроризма могут отсутствовать систематичность и идеологическая мотивированность, поскольку политический и идеологический мотивы далеко не одно и то же.

В литературе для более четкой уголовно-правовой оценки различных проявлений терроризма предлагается законодательно закрепить разграничение терроризма на политический и общеуголовный. Предлагается ввести в качестве квалифицирующего признака указание на политический мотив совершения действий, описанных в диспозиции ст. 205 УК РФ. Признание политического мотива в качестве квалифицирующего признака данного преступления сделает более успешной борьбу с политическим экстремизмом. Формулировка, в которой акцент будет сделан на политическом мотиве, адекватно отразит сущность и общественную опасность рассматриваемого состава. Мотив как обязательный признак позволит более четко дифференцировать цели, достигаемые путем совершения актов терроризма, отграни-

¹⁴⁵ Кабанов П. А. Политический терроризм. Криминологическая характеристика и меры сдерживания. Нижнекамск, 1998. С. 29.

¹⁴⁶ Кудрина Н. Н. Политический терроризм: сущность, формы проявления, методы противодействия: Дис. ... канд. политол. наук. СПб., 2000. С. 39.

чит террористические акты по политическим мотивам от посягательств общеуголовного характера и значительно расширит возможности установления всех обстоятельств дела¹⁴⁷.

По замыслу авторов, указание в диспозиции ст. 205 УК на политический мотив позволит соответствующим образом квалифицировать конкретное деяние по его прямой относимости не только к террористической деятельности, но и к такой категории, как террористический акт из мести за государственную или политическую деятельность. Это же создаст возможность связать ст. 205 и 277 УК РФ в единый блок в целях более успешного противодействия терроризму, поскольку диспозиция последней предполагает политический мотив.

Подобные суждения расходятся с общей установкой на деполитизацию терроризма. Все больше ученые и политики высказываются в пользу того, чтобы лишить терроризм политического ореола¹⁴⁸ и рассматривать его исключительно как уголовное преступление. Если мы укажем на политический мотив преступления, то должны будем указать и иные мотивы, а они, как мы знаем, в каждом конкретном случае совершения преступления могут быть совершенно разными (не исключая и хулиганский), что значительно усложнит и саму юридическую норму, и практику ее применения. Надо отметить, что нет необходимости «увязывать» эти два преступления, поскольку, во-первых, это ничего не даст для практики борьбы с терроризмом, а во-вторых, они и так связаны как частное и единичное, хотя и сосредоточены в УК в зависимости от объекта посягательства.

Субъектами политического терроризма могут быть индивиды, политические партии и организации, движения и преступный тоталитарный режим. Но не все партии, организации, движения могут считаться собственно политическими. Как правильно отмечает А. С. Насер, любая организация лишь тогда может считаться политической, когда в своей деятельности опирается на широкие слои населения, а поскольку при терроризме этого нет, то необходимо лишить террористическую деятельность политического ореола¹⁴⁹.

Отказав терроризму в наличии политической составляющей, мы ничуть не приблизимся ни к пониманию существующей проблемы, ни к ее решению. Терроризм должен исследоваться таким, каков он есть на самом деле. А современный терроризм, по мнению многих ученых, в большинстве своем основывается именно на политической мотивации¹⁵⁰. Но политический мотив организатора может не совпадать, например, с корыстным мотивом исполнителей преступления даже при наличии специальной цели (нарушение общественной безопасности и т. д.). Тогда действия исполнителей не могут рассматриваться как терроризм. Вместе с тем следует отметить, что терроризм должен признаваться политическим не только представителями публичной власти, но и самим субъектом преступления, а также теми, кто от него пострадал – непосредственными жертвами и обществом в целом¹⁵¹.

Политический терроризм, конечно же, в основном связан с борьбой за власть и, соответственно, направлен на устрашение политического противника и на принуждение его к политическим уступкам. Но не только. Возможны случаи, когда борьба за власть отсутствует и субъект терроризма своими действиями пытается обратить внимание власти на ту или иную сферу жизнедеятельности общества, поскольку власть, по мнению субъекта терро-

¹⁴⁷ Истомин А. Ф., Горбулин В. А., Зарубин В. И. Пути совершенствования норм уголовного кодекса РФ как законодательной основы борьбы с терроризмом // Журнал Российского права. 2001. № 1.

¹⁴⁸ В Европейской конвенции о пресечении терроризма в перечне преступлений, определяемых для обеспечения выдачи преступника иностранному государству (ст. 1), оговаривается, что ни одно из этих преступлений не должно рассматриваться как политическое преступление или преступление, связанное с политическим преступлением, или преступление, вызванное политическими мотивами (ст. 2). См.: Европейская конвенция о пресечении терроризма (ETS № 90) (Страсбург, 27 января 1977 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. 20 янв. № 3. Ст. 202.

¹⁴⁹ Насер Али Салех Ахмад. Проблема терроризма в странах Ближнего Востока (на примере Йемена и Египта): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. С. 7.

¹⁵⁰ Schmid A., Jongman A. Political terrorism. Oxford – New York, 1988. P. 32.

¹⁵¹ Шнайдер Г. Й. Криминология. М., 1994. С. 433–448.

ризма, например, не уделяет должного внимания той или иной социальной сфере (экономике, экологии, вооруженным силам и т. д.) или ведет такую политику, которая не устраивает субъекта политического терроризма (политика экономического террора 1990-х гг., политика преследования граждан по их национальному признаку и т. д.).

Так, приговором Санкт-Петербургского городского суда Елисеев был осужден по ч. 1 ст. 205, ч. 1 ст. 222, ч. 1 ст. 223 на три года шесть месяцев лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. Как указано в приговоре суда, Елисеев, будучи неудовлетворен условиями своей жизни и социальной политикой, проводимой правительством, вынашивая намерение публично покончить жизнь самоубийством, решил одновременно путем акта терроризма заставить органы власти провести расследование имевшего место, по его мнению, факта незаконного ведения агитации в ходе кампании по выборам Президента РФ в 1996 г.¹⁵²

Здесь следует отметить, что безнравственность политического преступления, каковым в абсолютном большинстве случаев является терроризм, далеко не так очевидна и постоянна, как, например, безнравственность преступлений корыстных. Понятие о ней изменяется «сообразно времени, событиям, правам и достоинствам власти»¹⁵³. Как было отмечено выше, к политически мотивированному терроризму приводит и чрезмерное увлечение субъекта самыми благородными идеями. Поэтому то, что вчера считалось государственным преступлением, сегодня или завтра может быть оценено как высокочтимый подвиг гражданской доблести. Государственное преступление «нередко... проповедь того, что еще недостаточно созрело и для чего еще не наступило время»¹⁵⁴.

Политический терроризм имеет место и в межгосударственных отношениях, когда одно государство посредством совершения актов терроризма пытается отстаивать свои геополитические интересы, влиять на политические, экономические, идеологические процессы, происходящие в других государствах.

Так, по сообщению американского журнала «Вестник разведки», ЦРУ в 1996 г. информировало государственный департамент США о том, что в ряде городов Сирии была проведена серия террористических актов, которые предположительно были организованы турецкой спецслужбой МИТ и являлись ответом на антитурецкие действия Курдской рабочей партии. В 1954 г. США организовали в Гватемале переворот, в ходе которого был свергнут президент Х. А. Гусман. В 1979 г. после победы сандинистов в Никарагуа ЦРУ завербовало офицеров аргентинской армии, чтобы с их помощью организовать оппозиционные силы («контрас»), действовавшие с баз, расположенных вдоль границы с Гондурасом. По некоторым данным, американской разведкой в Европе – во Франции, Италии, Дании и других странах – была создана секретная организация «Гладио», в задачи которой входило осуществление диверсионно-тактических актов на территории этих государств. В мае 1995 г. в Риме был арестован итальянский гражданин, который в середине 70-х годов являлся связным между ЦРУ и террористическими организациями Италии¹⁵⁵. Многократно аналогичные попытки делались в отношении стран, некогда входивших в «социалистический лагерь». Не отставал от США и Советский Союз, который так же организовывал перевороты в странах третьего мира для насаждения коммунистической идеологии. Если правопреемница СССР Россия на волне демократии отказалась от завоеванных СССР геополитических позиций, то США свои только укрепляет, применяя испытанные средства.

¹⁵² Стуканов А. Борьба с преступлениями террористической направленности // Законность. 2001. № 6.

¹⁵³ Речи Урусова на процессе «нечаевцев» (в защиту П. Г. Успенского и Ф. В. Волховского) // Правительственный вестник. 1871. 13 (25) июля, 15 (27) июля; Спасович В. Д. За много лет (1859–1871). СПб., 1872. С. 447.

¹⁵⁴ Константин Маковский на процессе 1 марта 1881 г. // Былое. 1924. № 5.

¹⁵⁵ Хлобустов О. М., Федоров С. Г. Терроризм: реальность сегодняшнего состояния // Современный терроризм: состояние и перспективы / Под ред. Е. И. Степанова. М., 2000. С. 73.

Разновидностью политического терроризма можно считать и идеологический терроризм, осуществляемый представителями тех политических идеологий, которые по тем или иным причинам оказываются исключены из рамок официальной или легитимной политики. Однако не все идеологии, поставленные вне закона, теоретически могут породить политический терроризм. Политический терроризм становится частью идеологии лишь в том случае, если отсутствуют иные средства влияния на социально-политическую реальность. Только те идеологии чреваты террором, в основе которых лежит фундаментальная и догматизированная концепция относительно сущности и абсолютной нелегитимности того строя, в рамках которого существуют представители альтернативной политической силы. Осуществление насилия предполагает преодоление глубинных психологических норм, свойственных большинству людей. Значит, для идеологии, признающей и оправдывающей терроризм, необходима особая антропологическая доктрина, релятивирующая общее человеческое качество в тех случаях, когда речь заходит о пособниках системы¹⁵⁶.

Нередко в политическом терроризме наличествуют элементы расизма, хотя этот расизм является подчас не биологическим, а антропологическим, классовым, духовным, гносеологическим и т. д. Представляется, что будет правильным рассматривать в качестве разновидности политического терроризма и терроризм этнический. Его субъектом является миноритарная национальная, этническая группа, включенная в состав мажоритарной группы, которая отказывается ей в праве на этнополитическое самоопределение. В данном случае система приравнивается к политической структуре мажоритарной нации. Здесь может иметь место определенное манихейство и «расизм», поскольку терроризм осуществляется в отношении демонизированной мажоритарной нации, вынесенной за скобки отчаянного этнического самоутверждения миноритарной группы.

Насилие, осуществляемое индивидом по отношению к другим членам общества как выражение рационально и идеологически необоснованного экзистенциального, субъективного протеста, можно считать разновидностью социального терроризма, вписывающегося в политический терроризм, поскольку это личное восстание индивида против общества и против его социальных институтов. Можно сказать, что это острая реакция на социальное состояние, отказывающее человеку в ценности интериорных аспектов его существования. В некотором значении следующий за осознанием такого факта припадок агрессии и спонтанный (или продуманный) акт терроризма имеет тот же смысл, что и в случае остальных разновидностей политического терроризма: невозможность легитимными средствами заставить мажоритарный социум считаться с онтологическими параметрами миноритарных общин вплоть до отдельного индивида и его персонального бытия¹⁵⁷.

2. Религиозный терроризм. В развитии терроризма немаловажная роль отводится религиозным учениям. Н. Д. Литвинов находит этому следующие объяснения: 1) Религия как форма идеологии уже сама по себе овладела сознанием определенной массы населения. Для многих религиозные нормы стали регулятивными. Вера в целом в религиозные догмы и привычка поступать в жизни в соответствии с предписаниями духовных пастырей значительно повышают восприимчивость населения к мотивационным и целевым установкам, формулируемым религиозными лидерами. 2) При широком диапазоне религиозных норм некоторая их «корректировка» в целях провоцирования антигосударственных выступлений может не осознаваться верующими. 3) Религиозные структуры – церкви, мечети, синагоги с «прикрепленным» к ним местным населением – представляют собой организационно-генерирующие центры, осуществляющие духовный контроль жизнедеятельности местных этносов. 4) Наличие взаимосвязи между определенной религией и этносом приво-

¹⁵⁶ Мелентьева Н. Размышления о терроре // «Элементы». Евразийское обозрение. 1996. № 7. С. 17–19.

¹⁵⁷ Там же.

дит к зарождению клерикального национализма как формы националистического течения среди духовенства, в связи с чем духовенство использует религиозные учения и возможности для защиты интересов верующих «своей» нации¹⁵⁸.

Во все времена в годы нестабильности в обществе религиозные деятели активно включались в политические и этнонационалистические процессы и использовали механизм церкви (мечети, синагоги) для разжигания национализма среди прихожан, выработки у них чувства неприязни и даже ненависти к людям другой веры и национальности, подрыва законопослушности.

За последние десятилетия усилилась разобщенность основных мировых религий, и связано это не только с осознанием массами, что «религия – опиум для народа», и не только с тотальным вовлечением религии в сферу большой политики. Это связано еще и с возникновением околорелигиозных и вовсе нерелигиозных, но использующих религиозные учения в политических и просто преступных целях, организаций и течений. Подобные организации разделили весь социум на множество групп, антагонистически настроенных по отношению не только к остальному обществу приверженцев традиционных религиозных учений, но и друг к другу. Эта тенденция отмечена в Концепции национальной безопасности от 10.01.2000, где говорится: «Этногоизм, этноцентризм и шовинизм, проявляющиеся в деятельности ряда общественных объединений, а также неконтролируемая миграция способствуют усилению национализма, политического и религиозного экстремизма, этносепаратизма и создают условия для возникновения конфликтов»¹⁵⁹.

По данным Министерства юстиции, за последние 15 лет в России многократно увеличилось количество религиозных организаций (с 3003 в 1985 г. до 20215 в 2001 г.). Более 11 тыс. из них представляют Русскую православную церковь, 4500 протестантские организации (лютеране, евангельские христиане, адвентисты, Свидетели Иеговы и другие), около 300 католические. Мусульманское сообщество представлено в России более чем 3000 организаций, буддистское 200¹⁶⁰. Только в Дагестане с его двухмиллионным населением действуют 1594 мечети, 17 исламских вузов, 132 медресе, 670 школ при мечетях. Общее число обучающихся составляет 14 тыс. человек¹⁶¹. При этом согласно данным, представленным Министерством юстиции России по Республике Дагестан, только 7 из 17 зарегистрированных на территории республики религиозных высших образовательных учреждений имеют лицензии. В нарушение ст. 43 Конституции России, Закона «Об образовании» и Семейного кодекса России они принимают на учебу детей 11–13 лет, которые в результате не получают основного общего образования. В религиозных образовательных учреждениях не предусмотрено преподавание светских дисциплин, учебные программы не согласовываются с духовным управлением, не сформировалась система подбора и аттестации преподавательского состава¹⁶².

Наряду с ростом количества признанных государством религиозных объединений возникает и немало незарегистрированных. К числу последних как раз и относятся деструктивные, оккультные, сатанистские псевдорелигиозные организации, в том числе и обладающие признаками организованных преступных формирований, распространяющие свое влияние

¹⁵⁸ Литвинов Н. Д. Роль идеи в развитии антигосударственного терроризма: Монография / Под ред. С. Е. Вицина. Воронеж, 1999. С. 79.

¹⁵⁹ Указ Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24 «О концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 2. Ст. 170.

¹⁶⁰ Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Нормативные акты. Судебная практика / Сост. А. В. Пчелинцев, В. В. Ряховский. М., 2001. С. 3, 406; Информационно-аналитический бюллетень. 2000. № 1. С. 87.

¹⁶¹ Магдигаджиев А. Д. Экстремисты не щадят общество // Дагестанская правда. 2002. 22 окт.

¹⁶² Ибрагимов А. М., Сайгитов У. Т. Особенности проявления терроризма и религиозного экстремизма в Дагестане // Философия права. 2003. № 2. С. 103.

на массы¹⁶³. Сейчас в мире уже имеются десятки миллионов приверженцев сатанизма. В России (главным образом, в Москве и Санкт-Петербурге) он представлен объединениями: «Клуб самоубийц», «Южный крест», «Черный ангел», «Общество Сатаны», «Синий лотос», «Центр Юнивер», «Зеленый орден» и другими, имеющими немалый опыт преступной деятельности¹⁶⁴.

В приложении к информационному письму Минобразования России «О деятельности на территории России представителей нетрадиционных религиозных объединений» (от 12 июля 2000 г. № 549.28–16) отмечается, что «под влияние различных сект фактически попало значительное число граждан нашей страны. Например, “муниты” и “сайентологи” объединяют десятки тысяч человек, “иеговисты” – сотни тысяч... Религиозные экстремисты продолжают усиливать свою деятельность, меняя формы и методы работы, подстраиваясь под существующее законодательство. Так, получены данные о планах возобновления деятельности секты “Аум Синрике” (в настоящее время переименованной в “Алеф”) на Дальнем Востоке России. В орбиту негативной деятельности зарубежных центров оказались втянутыми ряд российских организаций, в частности, “Церковь последнего завета” (“Виссарионовцы”), “Богородичный центр” и другие. Из-за рубежа стимулируется деятельность экстремистов, направленная на внесение раскола в традиционные для России православные, мусульманские, буддийские и иудейские общины, что чревато острой внутриконфессиональной конфронтацией и массовыми противоправными проявлениями».

Межконфессиональные противоречия и конфликты, экстремизм на религиозной почве угрожают безопасности государства и могут создать угрозу миру и безопасности человечества. Представляется, что уже это обуславливает необходимость выделения религиозного терроризма в самостоятельный вид. Хотя следует оговориться, что часто используемое в научной литературе словосочетание «исламский терроризм» в большинстве случаев является ярлыком, предназначенным для противопоставления людей по религиозному признаку. Причиной укоренившегося среди иноверцев предубеждения против ислама является преднамеренное искажение смысла джихада, к которому обязывает мусульманина Коран.

Последовательное толкование положений Корана позволяет выделить три вида джихада: а) телесный джихад, согласно которому мусульманин своей внешностью, манерами поведения, физической красотой, строгим соблюдением религиозных обязательств (поста, пятикратного намаза) и т. д. должен делать ислам привлекательным для иноверцев; б) джихад словом, который обязывает мусульманина быть сдержанным, немногословным, не сквернословить, не клеветать, нести в массы предписания Корана и убеждать их в истинности этих предписаний и т. д.; в) вооруженный джихад, к которому мусульманину разрешено прибегнуть только в случаях, когда ему чинят препятствия совершать первые два вида джихада, либо когда он сам подвергается к гонениям из-за своей религиозной принадлежности¹⁶⁵.

В современный же период под предлогом джихада некоторые религиозные деятели исламских государств мобилизуют единоверцев для решения определенных политических задач. Их противники, в свою очередь, используют ярлык «исламский терроризм» для обоснования политики террора в отношении мусульманских государств. Поэтому осуществление современными террористическими структурами своей деятельности под религиозными

¹⁶³ Касторский Г. Л. Уголовно-правовой и криминологический анализ использования концепций мировых религий в противодействии преступному поведению: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. С. 4, 27.

¹⁶⁴ Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера: Справочник // Информационно-аналитический вестник. 1997. № 1.

¹⁶⁵ «Сражайся за Господне дело лишь с тем, кто борется с тобой...» (Сура 2, стих 190); «...Да и они не перестанут с Вами воевать, пока от вашей веры вас не отвратят, коль они смогут это сделать...» (Сура 2, стих 217) // Коран. Пер. смыслов. В. Прохоровой. М., 1993. С. 49, 55.

лозунгами, равно как и использование политическими деятелями различных ярлыков для реализации государственной политики, является лишь спекуляцией на вере людей, позволяющей террористам и политикам управлять единоверцами в своих интересах.

Если сравнить, сколько горя и страданий человечеству принесло христианство и мусульманство, то итог будет явно не в пользу христианства. Достаточно вспомнить крестовые походы, инквизицию Средневековья, революции, Первую мировую, Гражданскую, Вторую мировую войны. От представителей христианской веры человечество, в том числе и его мусульманская часть, пострадало неизмеримо больше, чем от представителей ислама. Но ни ученые, ни политики не желают называть террор и терроризм, исходящие от представителей немусульманской веры, христианским, иудейским, русским, еврейским, английским и т. д., хотя, может быть, это было бы честнее. Русских царей убивали революционеры, революционный террор учинили большевики, в газовых камерах травили многие миллионы людей фашисты, ядерную бомбу на Японию сбросили американцы, жителей палестинских деревень Сабра и Шатила вырезали экстремисты, а не представители конкретной нации или вероисповедания. Когда дело касается христианской или иудейской веры, средства массовой информации в лучшем случае говорят о сектантском терроризме. Однако СМИ с готовностью информируют мир о каждом случае совершения акта терроризма, подчеркивая принадлежность террористов к мусульманской вере. Это позволяет предпринимать в отношении исламских государств различные дискриминационные меры.

Президент Ирана М. Хатами подверг резкой критике попытки некоторых западных политических и общественных деятелей организовать после сентябрьских событий 2001 г. в Америке под лозунгом «борьбы с терроризмом» новый «крестовый поход», использовать насильственные методы и запугивать целые народы, всемерно поощряя дискриминационные меры по отношению к мусульманам¹⁶⁶.

«Не может быть терроризма религиозного, – пишет В. Е. Петрищев, – может быть лишь терроризм, маскируемый религиозной догматикой»¹⁶⁷. Поэтому, говоря о религиозном терроризме, мы имеем в виду именно терроризм, прикрывающийся религиозными идеями.

Субъектом религиозного терроризма выступает религиозное меньшинство или активный авангард мажоритарной религии, подпавшие под отчуждающее и враждебное влияние марионеточных властей. Революционный «расизм» имеет теологическую окраску, предполагает антропологическое принуждение представителей иной религии. Особым видом религиозного терроризма является терроризм неортодоксальных приверженцев религий, сект и т. д., оправдывающих насилие тем, что оно применяется «спасенными», «избранными» в отношении проклятых. Классическими образцами такого подхода является сионистский террор в Палестине и палестинский терроризм в отношении Израиля.

Религиозный терроризм может осуществляться не только между представителями разных религий, но и между приверженцами разных ветвей одной и той же конфессии. Так, в Пакистане насилие постоянно применяется по отношению друг к другу суннитами и шиитами, причем чаще всего страдает шиитское меньшинство (оно в Пакистане составляет 15 %). Экстремистские нападения на религиозной почве имеют место и в Индии. Насилие «ваххабитов» в отношении народов Северного Кавказа, приверженцев традиционного ислама, имеет целью подорвать основы нации, уничтожить ее обычаи и традиции, сделать нацию управляемой для внешних, враждебных сил.

Сектантство в большинстве случаев имеет мало общего с основными мировыми религиями и использует религиозный фактор с целью приобретения исключительной власти,

¹⁶⁶ Хигинги М. Д. Нельзя делить народы на «чистые» и «нечистые» // Независимая газета. 2002. 12 дек.

¹⁶⁷ Петрищев В. Е. Состояние и тенденции терроризма в СНГ // Международный терроризм в СНГ. Антитеррористический центр СНГ. Материалы «круглого стола». М., 2003. С. 12.

получения денег для расширения сектантской идеологии и вовлечения в секту новых приверженцев. От нормального верующего сектант отличается нетерпимостью, безвольным преклонением перед своим учителем (в ущерб поклонению Богу), агрессивным стремлением обратить всех в свою веру¹⁶⁸. По оценке специалистов «сектантский дух» проявляется «в культуре лидера... в начетничестве, подозрительном отношении к новым словам и идеям, в подмене дискуссии ультимативным требованием принять свою позицию, в готовности принести дружбу, родство, любовь в жертву идее». Схемы формирования различных сект «во многом схожи: выстраивается иерархия с железной дисциплиной, беспрекословным повиновением “учителю”, с принципами утаивания истинных задач от рядовых членов»¹⁶⁹. Таким образом, в сектантстве речь идет не о свободной вере, а о психологической зависимости членов секты от ее лидера, а следовательно – о служении не вере, а лидеру, о готовности члена секты действовать в интересах лидера. По способу формирования и потенциальным возможностям секта представляет собой идеальное, хорошо законспирированное организационно-террористическое формирование. Подобного мнения придерживаются и другие ученые (Н. Д. Литвинов, М. В. Назаркин, О. В. Старков).

Когда секта прибегнет к терроризму, во многом зависит от воли и желания ее лидера. Объектами посягательств сектантского терроризма могут быть представители общественности, отдельные партии и движения, государственная власть, официальные конфессии, правоохранительные органы и т. д.¹⁷⁰ В тех случаях, когда секта обладает разветвленной сетью во многих странах мира, имеет свои лаборатории и постоянные источники финансирования (как, например, японская секта «Аум-Синрике»), ее потенциальными жертвами могут стать государство, общество и даже все человечество. Такие секты, будучи тоталитарными, т. е. полностью поглощающими и подчиняющими себе человека, готовы на самую яростную атаку¹⁷¹.

3. Корыстный терроризм. Основными направлениями, дающими почву для проявления тех или иных форм терроризма, являются проблемы государственного строя и форм правления, религиозные и военные проблемы, вековые конфликты и геополитические интересы. Но сюда же можно отнести и некоторые формы противоправного группового взаимодействия людей, связанные с экономическими отношениями различных категорий населения. Имеется в виду так называемая высшая форма рыночной конкуренции, силовые виды экономической деятельности, или «силовой бизнес», который в конце 1980-х гг. получил в России широкое распространение. Многие обоснованно относят это явление к организованной преступности, формы и методы которой схожи с террористическими – вооруженная агрессия, захват заложников, взрывы и т. п. Это показывает, что организованная преступность и терроризм не так уж далеки друг от друга, вернее, одно предполагает другое. Те средства, которые в конце XIX – начале XX в. были характерны для политических террористических актов, сейчас вошли в криминальный мир и заняли там полноправное положение. Последнее позволяет рассматривать безудержный рост общеуголовной преступности в России в начале 1990-х гг. как предвестие криминального терроризма с экономическими целями¹⁷².

¹⁶⁸ Яковлев М. Кто спасает наши души? // Итоги. 1997. 29 июля. С. 44.

¹⁶⁹ Одесский вестник. 1988. № 188.

¹⁷⁰ Касторский Г. Л. Мировые религии и преступность / Под ред. В. П. Сальникова. СПб., 2001. С. 137–146.

¹⁷¹ Тихомиров В. Ю. Судебное религиоведение. М., 1998. С. 195; Киреев Н. «Сатанистам» вынесен приговор // Российская газета. 1999. 13 февр.

¹⁷² Кудрявцев В. Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: Учеб. пособие. М., 1998. С. 188; Региональные особенности состояния правопорядка, уровня правосознания и защищенности населения (информационно-аналитические материалы). Волгоград, 2002.

Строго говоря, любая разновидность терроризма, неизбежно связанного с насилием, по своему существу является криминальной и наказуема по нормам международного или национального права. В данном случае, рассуждая о криминальном терроризме, мы придаем этому понятию более узкий смысл, имея в виду терроризм, осуществляемый уголовниками всех мастей, и в первую очередь – мафией в лице разнообразных группировок, семейств, кланов и синдикатов. Уголовная преступность в ее традиционных проявлениях – убийства, грабежи, разбои, вымогательства и т. д. – носит ограниченный характер и хоть плохо, но контролируется правоохранительными органами и, соответственно, не может рассматриваться как проявление криминального терроризма. Таковой она становится лишь в том случае, *если приобретает массовый характер, выходит из-под контроля правоохранительных органов, превращая граждан и все общество в заложников произвола криминальной среды.*

Выделение преступлений криминальных структур (преступного множества¹⁷³) в самостоятельную категорию терроризма является некорректным, хотя, на наш взгляд, и позволяет установить зависимость между социально-психологическим состоянием общества и криминальной обстановкой в стране.

Хотя криминальный терроризм, как правило, интернационален, аполитичен и атеистичен, он не гнушается сотрудничать с террористическими организациями, отстаивающими те или иные политические воззрения. Он несет в себе заряд сугубо материальной заинтересованности, предполагает получение каких-то материальных благ террористическими методами, то есть методами угроз и силового воздействия. Случаи похищений детей или взрослых с последующим требованием выкупа либо каких-то социальных благ можно назвать рэкетом, разбоем, бандитизмом и т. п. Но по сути своей каждое из подобных деяний, сопряженное с угрозой для жизни и здоровья человека и порождающее массовый страх, является разновидностью терроризма и должно рассматриваться как его проявление.

Так, установлено, что в период туристического «сезона» по заказу зарубежных конкурентов (Кипр, Турция, Греция и т. д.) российские СМИ убеждают сограждан в бедственном положении отечественных курортов (обнаружена палочка сибирской язвы, ужасное состояние средств коммуникации, вероятность нападения террористов и т. д.), переориентируя российских туристов на другие государства (Караулов А. Момент истины. ТВЦ. 2003. 8 июня).

В августе 2001 г. на Кировском вещевом рынке в г. Астрахани взорвалось самодельное взрывное устройство. Погибли восемь человек, еще 60 получили ранения. В ходе расследования следствие пришло к выводу, что взрывное устройство подложили по заказу торговца Исакова для устрашения конкурентов¹⁷⁴.

В результате произошедшего 12 октября 2002 г. взрыва в ночном клубе Sari на острове Бали погибли 202 человека, 220 пропали без вести, 309 были ранены. Среди погибших граждане США, Австралии, Великобритании, Японии, Германии, Италии, Канады, Швеции и Швейцарии¹⁷⁵. Никто не взял на себя ответственность. Глава МИД Австралии Александр Даунер, выступая по телевидению, назвал случившееся «террористическим актом». По его словам, эти взрывы выглядят как хорошо подготовленные и взаимосвязанные акции. Остров Бали является традиционным местом отдыха австралийских туристов, и Даунер подчеркнул, что действия организаторов взрывов были направлены против иностранных граждан¹⁷⁶. 1 октября 2005 г. на этом же острове снова произведено 4 взрыва. Можно предположить, что

¹⁷³ Д. А. Шестаков определяет преступное множество как «совокупность преступлений, совершаемых на отдельной территории за определенный период». См.: Шестаков Д. А. Криминология, краткий курс: преступность как свойство общества. СПб., 2001. С. 72.

¹⁷⁴ Российская газета. 2003. 20 нояб.

¹⁷⁵ Коммерсант. 2003. 21 нояб.

¹⁷⁶ News/daythemes/2002/10/15/15091746_bod.shtml.

целью этих актов терроризма была переориентация туристов на курорты других государств мира.

В подобных случаях совершение актов терроризма является куда более дешевым средством устранения конкурентов на рынке товаров или услуг, нежели здоровая конкуренция. Устрашение актом терроризма является наиболее убедительным аргументом для туристов, которые вряд ли захотят снова посетить небезопасный курорт.

Если мы согласимся с выделением криминального терроризма в самостоятельную категорию, то должны отметить, что этот вид является самым опасным, прежде всего, в силу своей массовости и непрогнозируемости. В момент достижения им пика своего развития все общество оказывается разделенным на преступников и жертв.

Примером разгула криминального терроризма может служить период перехода России к рыночной экономике, когда форсировано шел процесс первоначального накопления капитала и раздела (правильнее будет сказать «захвата») некогда государственной собственности, сопровождавшийся необузданным ростом преступности во всех ее проявлениях. В течение 1990-х гг. в России шла настоящая «криминальная революция». «Победой этой революции, – пишет С. Говорухин, – может считаться окончательное построение уголовно-мафиозного государства»¹⁷⁷.

Корни криминального терроризма не столько в общеуголовной преступности (хотя она и подпитывает терроризм), сколько, как справедливо отмечает С. В. Степашин, «в противоправной борьбе за передел собственности и сфер влияния в тех областях экономики и финансов, которые дают большую, часто неоправданно большую, прибыль»¹⁷⁸.

Главная, генерирующая роль в этой борьбе принадлежит организованной преступности¹⁷⁹. Именно в те годы, по разным оценкам, на территории России орудовало около пяти тысяч мафиозных группировок, каждая из которых состояла из не менее чем 25 активных участников-боевиков. Вся эта грозная сила, не встречая сколько-нибудь серьезного, эффективного и решительного противодействия со стороны государственных структур, в первую очередь силовых, вела себя агрессивно и вызывающе, все чаще прибегая к актам насилия, что и определило особенность организованной преступности России переходного периода. Все крупные города и промышленные центры страны оказались во власти криминальных групп, оснащенных новейшим оружием, различным техническим оборудованием, средствами связи и прослушивания. По данным ГУБОП МВД России, на территории России в 2000 г. действовало 11 крупных преступных сообществ, в которые входило 243 организованные группы (организации)¹⁸⁰. Несколько крупных сообществ имели хорошо налаженные связи с эмигрантами новой волны, они «распространили свою деятельность на 44 страны. На оперативном учете состояли и разрабатывались более 200 группировок, имеющих транснациональный характер, причем около 160 совершали преступления на территории России, стран СНГ, Балтии; более 60 – в США, европейских и ближневосточных странах, а также в Китае»¹⁸¹.

Социальные и экономические (материальные) последствия криминального терроризма в России состоят еще и в том, что он представляет собой посягательства на самую высшую ценность, охраняемую нашим законом, – жизнь и здоровье граждан. Использование преступниками взрывных устройств влечет за собой гибель или ранения одновременно

¹⁷⁷ Говорухин С. Великая криминальная революция. М., 1993. С. 34.

¹⁷⁸ Степашин С. В. Терроризм в России так же циничен и жесток, как и в других странах // Защита и безопасность. 1998. № 4.

¹⁷⁹ Аслаханов А. А. О мафии в России без сенсаций (размышления генерал-майора милиции). М., 1996.

¹⁸⁰ Рушайло В. Организованная преступность в России: Общие тенденции, прогноз развития и противостояние // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2000. № 1(15).

¹⁸¹ Организованный терроризм и организованная преступность / Под ред. А. И. Долговой. М., 2002. С. 103.

многих людей, крупномасштабное уничтожение или повреждение материальных ценностей, принадлежащих государству, организациям, гражданам, что неизмеримо повышает тяжесть последствий. Так, по данным статистики, от рук преступников за период 1991–1995 гг. в России погибло 483 тыс. 364 человека, в 1997 г. 62,5 тыс. погибло и 101 тыс. человек получили увечья. В целом за период с 1997 по 2000 г. в результате различных преступлений в нашей стране погибло 268 тыс. 854 человека. Общее число потерпевших за этот же период составило 7 млн 751 тыс. 732 человека, а сумма причиненного материального ущерба – 67 млрд 729 млн 900 тыс. рублей. Только в 2000 г. число погибших в России возросло сразу на 11 тыс. 591 человека, а материальный ущерб возрос на 35 млрд 42 млн 600 тыс. рублей¹⁸².

С 2003 г. в статистике МВД России введены отдельные графы «Преступления террористического характера» и «Преступления экстремистской направленности».

Преступлений террористического характера за 2004 г. зарегистрировано 8974 (прирост составил 16,1 %), абсолютное большинство среди них составляют заведомо ложные сообщения об акте терроризма (9493 преступления).

Таблица 1

Динамика зарегистрированных преступлений террористического характера и выявленных лиц, совершивших эти преступления, в 1997–2002 гг. в России

Статьи УК РФ	Зарегистрировано преступлений в течение года						Выявлено лиц, совершивших преступления				
	1997	1998	1999	2000	2001	2002	1997	1998	1999	2000	2001
205	32	21	20	135	327	360	10	7	0	24	40
205 ¹	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
206	114	69	64	49	32	39	112	57	32	29	31
207	1386	2002	3462	4035	5323	*	288	332	517	608	581
208	9	2	9	340	165	404	9	5	6	189	109
209	374	513	523	513	465	*	896	864	918	884	893
210	48	84	162	170	118	123	9	80	190	225	241
211	20	18	10	12	14	*	38	21	7	18	13
227	3	3	2	4	2	*	0	1	0	10	0
360	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Итого по России	1838	2716	4252	5258	6446	926	1362	1367	1670	1987	1908

* Сведения отсутствуют.

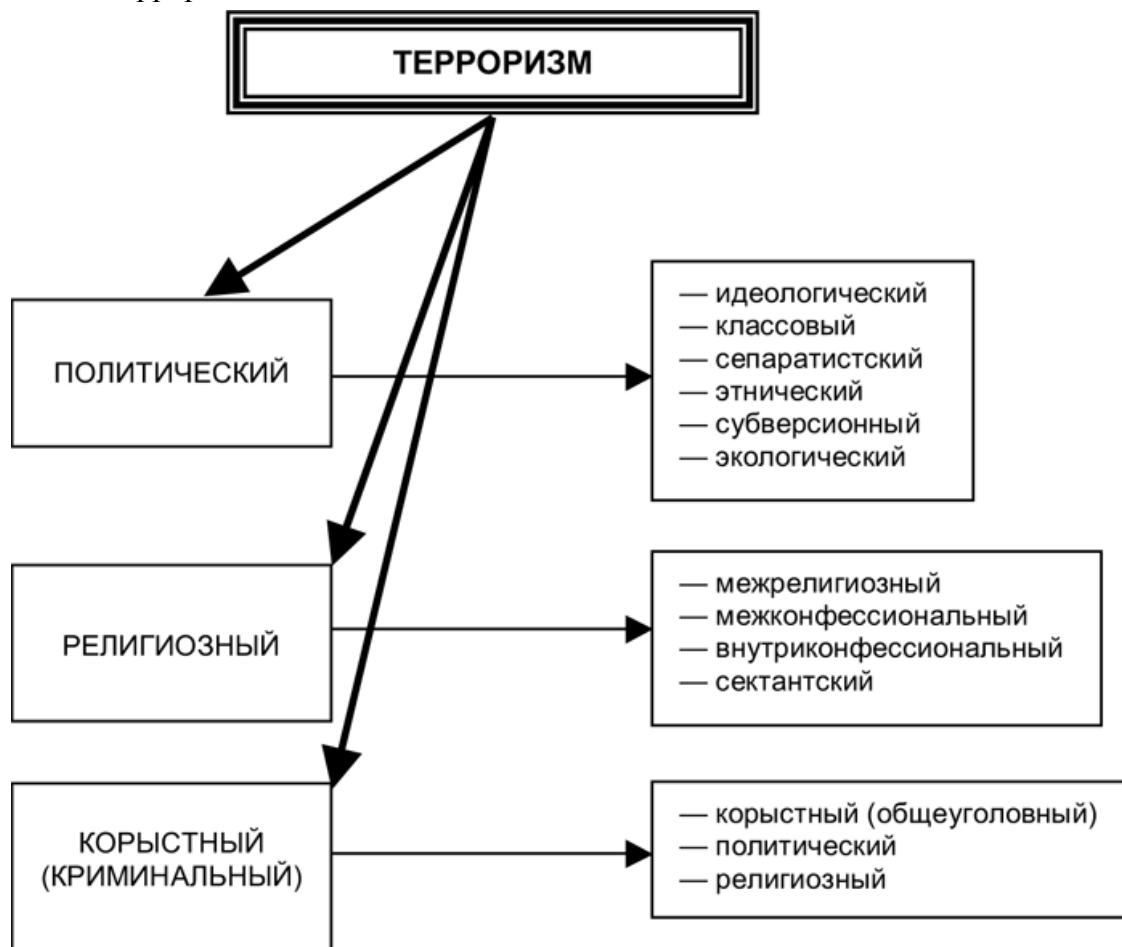
Преступления экстремистской направленности предусмотрены ст. 148 – воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповедания, ст. 149 – воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или

¹⁸² Преступность и правонарушения (1991–1995): Статистический сборник. М., 1996. С. 187; Щит и меч. 1998. 20 янв.; Милиция. 1998. № 4. С. 6; Долгова А. Преступность и борьба с ней: законодательство и теоретические устои // Уголовное право. 2001. № 4. С. 88; Корецкий Д., Милоков С. Внесудебная репрессия как законный способ борьбы с преступностью // Уголовное право. 2004. № 1. С. 113.

участия в них, ч. 2 ст. 213 – хулиганство, ст. 214 – вандализм, ст. 243 – уничтожение или повреждение памятников истории и культуры, ст. 244 – надругательство над телами умерших и местами их захоронения, ст. 280 – публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, ст. 282 – возбуждение национальной, расовой или религиозной ненависти, ст. 2821 – организация экстремистского сообщества и ст. 2822 – организация деятельности экстремистской организации. В совокупности в 2004 г. зарегистрировано 107 таких преступлений (на 28,7 % меньше, чем в 2003 г.).

Схема 3

Виды терроризма

Главной же особенностью криминального терроризма является оказание серьезного негативного морально-психологического воздействия на население, порождающего у людей постоянный страх, беспокойство за собственную жизнь и жизнь своих близких, чувство неуверенности и незащищенности. Следствием этих отрицательных переживаний становится неверие общества в способность государства и его органов защитить своих граждан, обуздать преступность. Это, в свою очередь, снижает социально полезную активность населения, что может сказываться затем в течение десятилетий.

Таким образом, все акты терроризма в зависимости от конечных целей классифицируются на: политические, религиозные и корыстные (экономические, криминальные). При этом нередко при доминировании одного из видов терроризма, например политического, другие виды терроризма (религиозный, корыстный) имеют значение обеспечивающих. Политический терроризм может совершаться под религиозным флагом, корыстный терроризм может быть прикрыт политическими заявлениями или религиозными догмами.

Религиозный терроризм чаще всего имеет своей конечной целью получение политического дивиденда и т. д. Например, антиизраильский терроризм на Ближнем Востоке имеет ярко выраженные политические цели – освобождение оккупированных земель и создание палестинского государства. Однако решающее значение в организации сопротивления (в обеспечении политической цели) имеет религиозный фактор – моджахед попадет в рай. Но сам моджахед, совершивший самоубийство в общественном месте, далеко не всегда делает это бескорыстно. Он сознательно уходит в мир иной, унося с собой жизни десятков людей, будучи уверен, что его семья наконец-то выйдет из нищеты. Даже в случаях, когда отсутствует материальная заинтересованность, поведение террориста-самоубийцы нельзя считать бескорыстным, поскольку его религиозный фанатизм основан на уверенности, что смерть во имя святого дела автоматически обеспечивает ему место в раю, где нет материального недостатка. Поэтому подобный поступок не самоотверженный, а значит, не бескорыстный, не настоящий. Он был бы лишь тогда самоотверженным, когда террористы-самоубийцы не верили бы в бога, когда смерть для них была бы столь же безнадежна, как и для людей вовсе неверующих. Для иных террористов – религиозных фанатиков – немаловажно остаться в вечной памяти народа борцами за свободу и независимость. В этих случаях поступок террористов-самоубийц можно рассматривать как уничтожение организма ради поддержания собственной репутации или собственного достоинства. Террористы-смертники отдают свою жизнь во имя высоких идей.

Задача классификации террористических актов упрощается в том смысле, что их жертвы всегда обладают характерными признаками, а именно – определенным социальным статусом. Поэтому за основу классификации террористических актов мы берем персональные особенности жертвы, которая олицетворяет или представляет определенный социальный институт – государственную власть или общественную организацию. Особая опасность посягательства на жизнь таких лиц выражается в том, что оно способно дестабилизировать политическую обстановку в стране, обострить социальные, политические, государственные и экономические противоречия.

Схема 4

Классификация террористического акта

Убийство государственного или общественного деятеля во многих случаях становилось весьма эффективным средством подавления инакомыслия и деморализации противников. Издревле этот вид преступной деятельности обеспечивал монополию на власть, служил основанием принятия глобальных решений. Именно поэтому такие террористические акты активно использовались в прошлом и используются в настоящем.

Мы не склонны считать приведенную классификацию идеальной, тем более завершённой, а перечень разновидностей террора, терроризма и террористических актов исчерпывающим. Существует множество мнений и суждений по данной проблеме, которые, в конечном итоге, приводят к открытию новых форм террористических проявлений. Но несмотря на то, что каждый акт террора или терроризма имеет свои особенности и практически каждый – признаки разных видов, в конечном счете все подобные проявления вписываются в приведенную классификацию. Для этого из понятия «терроризм» необходимо исключить категории, которые имеют самостоятельное значение и подпадают под понятия «террор» или «террористический акт». Эти явления подлежат отдельной классификации, что обеспечит чистоту классификации терроризма.

Глава III. Историческая взаимообусловленность террора и терроризма

3.1. Террор и терроризм: Краткий исторический экскурс

Всякое социальное явление должно быть познаваемо по причинам его возникновения, и чем сложнее и серьезнее для общества явление, тем взгляд на прошлое должен быть глубже. Рост насилия в повседневной жизни современного общества заставляет террорологов обратиться к теоретическим и психологическим истокам терроризма, корни которого уходят в глубь веков.

Согласно теории Ч. Дарвина режим постоянного соперничества с окружающим миром является, по сути своей, борьбой за выживание¹⁸³. А стремление к первенству – закон природы, основанный на принципе «выживает сильнейший». По мере развития человеческого общества этот закон природы помимо биологического («выживает сильнейший») обрел и социальное содержание – управляет (властвует) сильнейший (личность, группа, нация, государство). Издревле категория «сильнейший», предполагающая наличие таких качеств, как физическая сила, сила духа, сила ума и т. д., определяла первенство в группе. Однако история развития любого общества изобилует примерами того, как люди, действуя в нарушение этого закона, круто меняли эволюционный путь развития конкретного народа или даже всего человечества.

Появление людей, желающих властвовать любой ценой, напрямую связано с возникновением государства, в рамках которого основанием для обретения власти оказались уже не физические, умственные или иные способности конкретной личности, играющие решающую роль в родоплеменной общине, а ее материальное положение или сословная принадлежность. В спокойные (мирные) времена, когда не было внешних или внутренних угроз, власть одного правителя, как правило, переходила к другому, обязательно принадлежащему к соответствующему сословию, относительно спокойно и безболезненно. Однако издревле стремление к власти (первенству) реализовывалось в том числе и в фактах захвата власти ближайшим окружением правителя путем его физического устранения. Поэтому общепринятое мнение, что первыми террористами были Марк Юний Брут и Гай Кассий, вряд ли следует считать правильным. Думается, правильнее будет сказать, что Брут и Кассий стали первыми известными террористами. Организованное и совершенное ими убийство Цезаря (15 марта 44 года до н. э.), диктатора и политического могильщика аристократической Римской республики, вполне можно определить как террористический акт. Но практика убийств тиранов зародилась гораздо раньше. Еще в трудах древнегреческих летописцев можно найти сообщения о политических убийствах правителей. К такого рода убийствам можно отнести, например, убийство тирана – правителя древнего города Сарда на востоке полуострова Малая Азия – его телохранителем Гигесом (VII в. до н. э.), многочисленные покушения на Александра Македонского (III в. до н. э.), заговоры и восстания рабов в Древнем Риме (419, 198, 196, 185 гг. до н. э.) и многие другие. Подтверждение древности терроризма и террористических организаций некоторые ученые находят даже в Библии, рассматривая в качестве примера первых актов терроризма кары, которые наслал на Египет Создатель. Более двух с половиной тысяч лет назад на территории Египта в течение почти трех месяцев было последовательно осуществлено десять террористических акций, именуемых «казни египет-

¹⁸³ Дарвин Ч. Собр. соч. М. Л., 1939. Т. III. С. 665.

ские» (Ветхий Завет, кн. Исход 5:12), в ходе которых были применены биологические, экологические, химические и другие средства массового поражения. Делалось это для устрашения фараона, державшего в рабстве еврейский этнос, но огромные жертвы понес народ Египта¹⁸⁴.

Объектами «казней египетских» стали все жители и все природные ресурсы страны – вода, растительность, урожай сельскохозяйственных культур, животные. Люди и скот в массовых количествах гибли от отравлений водой, превращенной в кровь, страдали от нашествия жаб, мошек и песьих мух. Поражение людей, животных, «травы полевой и деревьев» градом (очевидно, молниями) и огнем довершила саранча, «от которой земли не было видно, поела траву земную, все плоды древесные...». Последней, десятой «казнью» стало массовое истребление «ангелом-губителем» (Евр. 11.28), или «истребителем» (Числа 14.37), всех первенцев в земле египетской – «от первенца фараона до первенца узника в тюрьме и все первородное от скота». В итоге возникла жуткая картина: «Не было дома, где не было мертвеца». Ни одна акция не затронула района Египта Гесем, где проживали сыны Израилевы¹⁸⁵.

В I в. н. э. в римской Иудее появилась первая из известных нам террористических организаций национально-религиозного толка – «сикарии» (от слова «сика» – короткий кинжал), которая уничтожала римлян и представителей еврейской знати, сотрудничавших с ними. Сведения о террористической деятельности сикариев немногочисленны и противоречивы. Но если судить по Ветхому Завету и трудам Иосифа Флавия, еврейский народ террористическими методами боролся не только с римской колонизацией, но и со своими соседями. О том, что организация сикариев была именно террористической, говорит необычность тактики совершения ими убийств – светлое время суток, людное место (чаще всего в праздничные дни) и удар кинжала. Их расчет основывался на том, что толпа сама по себе есть нечто вроде темноты (благодаря своей плотности, давке и невозможности увидеть со стороны, кто именно нанес роковой удар). Акты терроризма сикарии совершали, преследуя и корыстные, и политические цели. Так, по политическим мотивам был уничтожен дом первосвященника Анании, уничтожены дворцы представителей династии Иродов, сожжены зернохранилища, выведены из строя системы водоснабжения в Иерусалиме, сожжен публичный архив (чтобы уничтожить расписки должников)¹⁸⁶.

Сказанное вовсе не означает, что терроризм является «изобретением» секты сикариев, хотя она первой из тех, сведения о которых дошли до нас, стала использовать страх и всеобщее запугивание для достижения своих целей. В эти же времена во многих странах существовали различные тайные общества, в частности, в Индии действовали «душителы» (совершавшие ритуальные убийства с помощью шелкового шнура), в Китае тайных обществ было несчетное множество.

Можно привести массу других примеров того, как без какой-либо военной надобности осуществлялись массовые убийства поверженного народа (разрушение в 146 г. до н. э. Карфагена и убийство 150 тыс. и обращение в рабство еще 50 тыс. его жителей, уничтожение афинянами в 416 г. до н. э. обитателей Мелоса, завоевательные походы Чингисхана в XIII в., Тамерлана в XIV в. и многие другие).

Еще древнее история отдельных террористических актов против государственных и общественных деятелей соседних государств. Убийства, которые современные уголовные законодательства рассматривают как террористические акты, всегда были распространены, а иногда и единственным способом решения политических, социальных, религиоз-

¹⁸⁴ Нечипоренко О. М. От первенца Фараона до наших дней // Советник президента. 2002. № 2. С. 7.

¹⁸⁵ Ольшанский Д. В. Психология терроризма. СПб., 2002. С. 29.

¹⁸⁶ Преступники и преступления с древности до наших дней. Гангстеры, разбойники, бандиты: Энциклопедия / Сост. Д. А. Мамичев. Донецк, 1997. С. 27.

ных, национальных, династических и иных проблем. Так, настоящим бичом для правителей Среднего Востока, особенно Сирии и Персии, в самом начале второго тысячелетия стала террористическая деятельность секты гашишинов (по араб, «хашшашины», в Европе их называли «ассасины»). Гашишины (появились в XI столетии и были разгромлены монголами в XIII в.) – последователи мусульманского течения исмаилитов, расправлялись с мусульманскими монархами, считая, что только один халиф имеет право управлять мусульманами. Для совершения убийств гашишины использовали специально подготовленных федави¹⁸⁷, от рук которых пали сотни виднейших сановников и правителей. В их числе эмиры Химса, Дамаска, Мераги и Мосула – в Сирии, двое великих визирей египетского халифата, фатимидский халиф Дамир, виднейшие крестоносцы – тирский князь Конрад, триполитский граф Раймунд Первый и многие другие¹⁸⁸. Из Персии гашишины совершали набеги на Сирию, убивали префектов, губернаторов, халифов.

Наряду с посягательствами на жизнь государственных и общественных деятелей акты терроризма издревле находили свое выражение и в захвате заложников, похищении людей с целью выкупа, в организации вооруженного сопротивления власти, в уничтожении и экспроприации имущества, в бандитских нападениях, в пиратстве, в организации разбойничьих шаек и др. Одни из них вошли в историю в силу удачного сочетания политической и корыстной мотивации, другие как особо жестокие. Так, действия Публия Клодия, народного трибуна Древнего Рима, создавшего вооруженные отряды личной охраны для борьбы с политическими противниками, вошли в историю как первый пример политического бандитизма. Имея вооруженную поддержку, Клодий вмешивался в государственные и международные дела. Из-за постоянных провокаций Клодием вооруженных конфликтов в 52 г. до н. э. в Риме не были проведены выборы магистрата. Он использовал свои отряды не только для достижения политических целей, но и для захвата чужих земельных владений, для вымогательства денег у богатых людей путем похищения членов их семей¹⁸⁹.

Набеги разбойников под руководством Матерна и Булла (II в. н. э.), опустошавших и сжигавших деревни и города, похищавших людей (в основном девушек) в римских провинциях, долгое время наводили страх на жителей, а снаряженные для их пресечения правительственные войска были бессильны. Особой жестокостью отличались набеги исаврийских пиратов (территория нынешней Турции) в IV в. н. э. на торговые суда. Лишь перебив всех до одного, не оставив в живых даже сдавшихся членов команды корабля и пассажиров, они приступали к разграблению как дорогих товаров, так и ничего не стоящих предметов. В последующем акты терроризма в форме пиратства часто использовались рядом государств для завоевания морского господства. История XVI–XVII вв. полна имен знаменитых морских пиратов, часть из которых состояла на службе у государств, королей, премьер-министров. С помощью пиратов пополняли государственную казну, и если одно государство приговаривало кого-то из пиратов к повешению, то другое брало его под свою опеку. Пиратство становилось узаконенной деятельностью, вариантом государственного терроризма, когда одна страна без объявления войны нападала на корабли другой.

В XII в. нетерпимость к любому инакомыслию становится лозунгом западной церкви. Тысячами отправлялись еретики на костер инквизиции, тысячами они гибли в вооруженных

¹⁸⁷ В пер. с араб, «жертвующий собой за веру». Федави подбирались из числа сильных и смелых юношей, подвергались настойчивой религиозной обработке, а в нужный момент одурманивали гашишем. Федави, так же как и сикарии, совершали убийство открыто, как правило, в людном месте. Но, в отличие от убийцы-сикария убийца-федави не пытался бежать. Он оставался на месте преступления, выставя себя напоказ публике, и с восторгом принимал смерть, что производило ужасающее впечатление на очевидцев.

¹⁸⁸ Каратаев Д. М. Мир Льва Гумилева. Арабески истории. М., 1994.

¹⁸⁹ Преступники и преступления с древности до наших дней. Гангстеры, разбойники, бандиты: Энциклопедия / Сост. Д. А. Мамичев. Донецк, 1997. С. 9–17.

столкновениях. Лишь в одном сражении против еретиков-альбигойцев в г. Безье (1209 г.) было перебито, по свидетельству современников, до 60 тыс. человек, и в окрестностях не осталось ни одной живой души¹⁹⁰. Причем преследование ересей и связанного с ними колдовства велось любыми политическими режимами и правителями: от реакционного герцога Альбы до «прогрессивного» О. Кромвеля и европейских реформаторов. Позже движения еретиков в Европе отчасти слились с крестьянскими восстаниями.

В Средние века убийства политических и общественных деятелей стали обычным явлением не только придворной жизни, но и межгосударственных отношений. Римские папы в своих эдиктах даже легализовали убийства королей и императоров, вышедших из повиновения «Святому престолу» и отлученных им от церкви. Так, при папе Иннокентии III (1198–1216 гг.) были отлучены от церкви германский император, английский и французский короли¹⁹¹.

В условиях формирования рабовладельческой монархии с сильной центральной властью убийства политических противников обычно являлись еще и способом защиты старой родоплеменной знати.

Так, убийство князей Глеба и Бориса (первые святые русской православной церкви), совершенное в 1015 г. Святополком, имело целью удержания власти, незаконно захваченной Святополком после смерти своего дяди Владимира I¹⁹².

Истории хорошо известен период кровавого правления царя Ивана IV (1565–1584 гг.). Созданный им специальный репрессивный орган – опричнина – служил инструментом для расправ со всеми не угодными царю князьями и боярами. Жертвами опричнины стали князь Александр Горбатый-Шуйский, его сын Петр, их родственники Ховрины, князья Иван Сухин-Кашин, Дмитрий Шевырев, Иван Куракин, Дмитрий Немой, Петр Горенский-Оболенский и др.¹⁹³ Институт опричнины включал в себя и соответствующим образом оформленную государственно-идеологическую концепцию, и специально созданные военно-организационные структуры¹⁹⁴, посредством которых и осуществлялся террор. То есть опричнину царя Ивана IV можно рассматривать как инструмент реализации государственного террора. Доказательством того, что опричнина была именно органом террора, может служить их акция в отношении жителей г. Великого Новгорода в 1570 г. Поводом для террора послужил донос о том, что жители якобы готовятся сдать город литовскому королю. Город был окружен, перекрыты все выходы из него, после чего начались массовые пытки и казни горожан. Жителей города жгли огнем и сбрасывали в реку Волхов целыми семьями, где их добивали плававшие по реке стрельцы. Вслед за этими казнями, от которых погибло 1500 человек, Иван Грозный приказал громить все окрестности города, уничтожая при этом жителей селений, их имущество и домашний скот¹⁹⁵.

Воздействие на сопротивлявшихся царской воле бояр принимало формы и масштабы, явно не адекватные угрозе, которая исходила от бояр. Оно было направлено на превентивное устрашение населения, на снижение психологической готовности к послушанию царской воле, на подавление любых самостоятельных шагов страхом тяжкого наказания и смерти. Раскрывая идеологическое и религиозное значение смертных приговоров Ивана Грозного, С. А. Веселовский отмечает, что царь стремился через нарушения православной обрядно-

¹⁹⁰ Более подробно о количестве жертв преследований на религиозной почве см.: Лозинский С. Г. История папства. М., 1986. С. 127; Покровский М. Средневековые ереси и инквизиция // Книга для чтения по истории средних веков. Вып. 2. М., 1899. С. 671.

¹⁹¹ Черняк Е. Б. Вековые конфликты. М., 1988. С. 69.

¹⁹² Кошель П. А. История русского терроризма. М., 1995. С. 214.

¹⁹³ Нечволодов А. Сказания о русской земле. Репр. изд. Кн. 4. М., 1992. С. 128–141.

¹⁹⁴ Петрищев В. Е. Заметки о терроризме. М., 2001. С. 189.

¹⁹⁵ Нечволодов А. Сказания о русской земле. Репр. изд. Кн. 4. М., 1992. С. 148–150.

сти ухудшить положение душ казнимых¹⁹⁶. Мучительная смерть обреченных должна была показать живым, что не только тело, но и душа человека будет наказана.

Перманентный террор режима тирании в России привел почти к таким же результатам, что и нашествие Батыя. Ко второй половине XVI в. во многих районах страны осталось лишь от 10 до 30 % прежнего населения, остальные или стали жертвами террора, или разбежались. В писцовых книгах тех лет главным термином был «пустой двор»¹⁹⁷. Поэтому к концу царствования Ивана Грозного крестьянам запретили переходить от одного феодала к другому даже в Юрьев день, что ускорило процесс закрепощения крестьян, исключивший их массовое бегство на восточные и южные окраины.

И впоследствии к устрашению своих политических противников, в том числе и путем убийств, в целях укрепления своих позиций прибегали многие представители верховной власти России. Так, Борис Годунов при возникновении малейшей угрозы своей власти предпринимал безотлагательные меры для психологического устрашения и физического устранения своих противников – князей Быкасовых, Колыкаевых, Урусовых, Шуйских, Татевых и др. В результате после смерти Федора Иоанновича у Годунова не было достойных соперников, и он был избран на царство¹⁹⁸. Екатерина II отстранила от престола и фактически санкционировала убийство своего мужа Петра III¹⁹⁹.

Таких и подобных им политических убийств на протяжении всей истории человечества было великое множество. И назвать их террористическими актами можно условно – они были лишь оружием политических интриг, основным (если не сказать единственным) способом устранения соперника в борьбе за власть. В тех случаях, когда заговорщикам не удавалось осуществить задуманное убийство государственного деятеля, последний находился под воздействием постоянного страха за свою жизнь и, в свою очередь, инициировал преследования и физическое устранение мнимых и реальных политических противников.

С незапамятных времен люди прибегали к терроризму и тогда, когда им нужно было ответить на насилие власть и капитал имущих, т. е. терроризм выступал как средство самозащиты угнетенных против угнетателей. Шиллер напоминал о том, что тирания не безгранична и что приходится браться за оружие, когда все прочие доводы оказываются исчерпанными. Выдвинутое Шиллером обоснование насилия как «последнего довода» свободных людей, не желающих мириться с невыносимыми условиями существования, вдохновляло не одно поколение тираноборцев.

Таким образом, за свою многовековую историю человечество к концу XVII в. накопило богатый опыт как творения зла, так и сопротивления ему. Однако в те далекие годы террор и терроризм все-таки были уделом «избранных» – власть предержащих и власти добивающихся. В процессе оспаривания власти не принимали участие, хотя и страдали больше всех широкие массы. Предводители многочисленных восстаний рабов и «темного люда» никогда не имели долгосрочной программы действий, и чаще всего восстания происходили спонтанно, в ответ на причиненные унижения. Убийства рабовладельцев и помещиков совершались из мести за их жестокость, а не из-за того, что они принадлежали к соответствующему классу или сословию. Стремление крестьян отомстить за унижение человеческого достоинства приводило к жестокости, о которой писал Пушкин: «Не приведи бог увидеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный»²⁰⁰.

¹⁹⁶ Веселовский С. В. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 325–336.

¹⁹⁷ Краткая история СССР. Л., 1978. С. 119.

¹⁹⁸ Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. М., 1988. Т. 3. С. 28.

¹⁹⁹ Кошель П. А. История российского терроризма. М., 1995. С. 215–224.

²⁰⁰ Пушкин А. С. Капитанская дочка // Собр. соч. М., 1975. Т. 5. С. 344.

Но многовековой опыт борьбы, воспеваемый в преданиях угнетенных, передаваемых из поколения в поколение, в конце концов должен был оформиться в соответствующее учение, поясняющее причины нищеты одних и процветания других, а также способы их устранения. К концу XVII – началу XVIII в. человечество, видимо, созрело для выработки подобной теории, которая вобрала бы в себя многовековой опыт террористической борьбы. В те годы начинают оформляться такие учения, как «философия бомбы», «пропаганда делом» и их продолжение – возникшая в начале XX в. в Германии и Италии теория фашизма. Теоретические наработки и апробировались на практике под лозунгами «революционной борьбы», «освобождения угнетенных», «свободы, равенства и братства» и т. д.

В середине XVIII в. в Западной Европе, а в начале XIX в. и в России большое развитие получило революционное движение, ставившее перед собой цель глобального изменения общественного устройства. Если в Западной Европе причиной начала революционного движения послужил дефицит бюджета и расточительность двора, то в России этому способствовала демократизация образования, сделавшая его доступным для разночинцев. Круг лиц с высшим образованием расширился за счет значительного притока провинциальной молодежи. К этому же периоду относится и начало теоретического обоснования терроризма, впоследствии сделавшегося неотъемлемой частью идеологии революционного движения. Однако опыт первых буржуазных революций показал, что революционеры, зараженные идеей «устройства справедливого общества», постоянно вступали во враждебные отношения с властями, на корню душившими всякое инакомыслие, подвергавшее сомнению святость власти церкви и правителя. Революционеры были сильны лишь идеей и всегда уступали по численности, вооружению, выучке, дисциплине регулярным войскам контрреволюционеров. Открытое вооруженное противостояние с властями лишь изредка приносило временный успех. В этой ситуации революционерам приходилось вести борьбу в подполье, для чего вырабатывались новые методы и приемы. Учение бланкизма (по имени основателя – французского революционера Огюста Бланка²⁰¹), получившее большое распространение в Европе, и стало результатом проб и ошибок, временных успехов и поражений революционеров.

Первый опыт революционного массового террора связан с Великой Французской революцией (1789–1793 гг.), когда реакция шла как сверху, так и снизу. Весь этот период был цепью перемежавшихся террора, терроризма и террористических актов как против внешнего, так и против внутреннего врага. Наверное, примера большего количества казней, убийств за столь короткий промежуток времени на тот момент трудно было найти. В сравнение годилась только Варфоломеевская ночь, когда буквально за считанные часы на религиозной почве во Франции было вырезано огромное количество гугенотов. Именно Французская революция ввела в оборот, сделала нарицательными и хрестоматийными такие эпитеты, как «революционный якобинский террор» и «контрреволюционный термидорианский переворот» (сам переворот вызвал к жизни контрреволюционный террор).

Якобинские революционные комитеты, состоявшие из наиболее активных и наиболее фанатично преданных революции граждан, создавались по всей стране и выступали в качестве инструмента революционного терроризма, а впоследствии и террора. Они не только последовательно проводили в своих округах политику центра, но в свою очередь и сами оказывали давление на Конвент, вынуждая его в ряде случаев выполнять требования опьяненных революцией масс. Созданный по требованию якобинцев еще жирондистским Конвентом революционный трибунал, после своей реорганизации в 1793 г. превратился в постоянно

²⁰¹ Согласно учению бланкизма для захвата власти необходимо создание глубоко законспирированной небольшой боевой организации, способной ликвидировать монарха и его ближайшее окружение, вызвать в правящих кругах панику, результатом которой будет победа революции.

действующее орудие революционного террора. Упрощенность и быстрота судопроизводства позволяли революционному трибуналу вести целенаправленную, но в то же время жестокую борьбу с политическими противниками революционного правительства – роялистами, жирондистами, агентами иностранных государств. За неполных девять месяцев по приговору революционного трибунала было казнено 2607 человек. Откровенные политические репрессии якобинцев отпугивали многих их бывших сторонников, вели к падению их авторитета, к сужению социальной базы их власти. Вожди якобинцев по существу уже не видели иного способа спасти режим и укрепить свое личное положение, кроме как усилив террор. И под давлением Робеспьера Конвент 10 июня 1794 г. принимает декрет «О врагах народа», имевший злоешие последствия для многих народов мира, политики которых решили «скопировать» у себя французский опыт революционной борьбы. Во Франции этот закон повлек за собой рост числа казней невинных и оклеветанных людей (за 48 дней было казнено 1350 человек)²⁰².

После спада волны революций в Европе в 1848 г. немецкий радикал Карл Гейнцген, изложив основные постулаты так называемой «философии бомбы», заложил основы идеологии терроризма. Он полагал, что запрет на убийство неприемлем в политической борьбе, что смерть тысяч людей может быть оправдана «высшими идеалами». Эту идеологию по праву можно назвать связующим звеном между тираноборческими идеями древности, средневековым принципом «цель оправдывает средства» и современными теориями террора и терроризма²⁰³.

В конце XIX в. особую роль в пропаганде терроризма в Европе и США сыграл Иоганн Мост, который проповедовал «варварские средства борьбы с варварской системой». Его идея заключалась в том, что не слова, а только террористические действия могут побудить массы к давлению на правительство. Волна выступлений анархистов с их «пропагандой делом» захлестнула Западную Европу конца XIX в. Выходки бомбистов-одиночек совпадали с призывами анархистов к насилию, что внушало обществу мысль о существовании международного заговора. Особенно активны были террористические организации в Италии, Испании, Франции, Португалии и США. Жертвами анархистов стали американские президенты Маккинли и Гарфилд, король Италии Умберто I, король Португалии Карлуш I и его сын Луи Филипп, австро-венгерская императрица Элизабет, премьер-министры Испании Коновас Кастильо и Хуан Прим, президент Франции Луи Карно. Было предпринято несколько неудачных покушений на Бисмарка и германского кайзера. По данным А. Камю, только лишь в 1892 г. в Европе было совершено свыше тысячи террористических актов, а в Америке около пятисот²⁰⁴.

Хотя до Первой мировой войны терроризм считался главным образом оружием «левых», им не пренебрегали и многие радикально настроенные националистические организации – ирландские сепаратисты, сербские и македонские национал-патриоты и др. Убийство наследника австрийского престола эрцгерцога Фердинанда и его жены, совершенное сербским националистом, явилось детонатором начала Первой мировой войны, обернувшейся множеством жертв и потрясений. Выстрелы в Сараево явились катализатором такой катастрофической, необратимой цепи событий, которые имели своим прямым следствием крушение империи Габсбургов, революцию в России, приход нацистов к власти в Германии

²⁰² История государства и права зарубежных стран. Ч. 2: Учебник для вузов / Под общ. ред. проф. Н. А. Крашенинниковой и проф. О. А. Жидкова. М., 1999. С. 74–76.

²⁰³ Гейнцген особое внимание уделял технической стороне ведения террористической борьбы. Численности контртеррористов, их силе, дисциплине и вооруженности он противопоставлял особую террористическую тактику (глубокая конспирация и ликвидация представителей власти) и особое оружие (бомба). В последующем эта тактика полностью войдет в программу действий народников.

²⁰⁴ Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 246.

и, в конечном счете, Вторую мировую войну. Это пример того, как один террористический акт может изменить судьбу человечества, он позволяет утверждать, что развитие величайших человеческих трагедий связано с терроризмом, хотя, конечно, далеко не каждый террористический акт приводит к таким последствиям.

В период между двумя мировыми войнами терроризм взяли на вооружение ультраправые движения и партии. Их идеи и программы были несостоятельны, а культурный уровень невысок, что не позволяло им, в частности фашистам, вести нормальную политическую борьбу с оппонентами. Если говорить о фашистах, то на цивилизованную политическую борьбу у них просто не оставалось времени, поскольку мир уже выходил из кризиса, а это снижало их шансы завоевать популярность у народа. Поэтому насилие оказалось для них самым простым и эффективным средством достижения победы над политическими противниками. Профессор Гумбель в своей книге «4 года политических убийств» насчитывает 376 террористических актов, совершенных фашистами в период с ноября 1918 г. по ноябрь 1922 г., закончившихся смертью политиков. Среди их жертв наиболее известны: К. Либкнехт, Р. Люксембург, Л. Иогехис, Г. Гаазе, К. Эйсер, Г. Ландауэр, Г. Пааше, К. Гаряйс и многие другие. Террористические акты в отношении видных политических деятелей Германии не прекращались и в последующие годы и имели целью – укрепление в Германии власти фашистов на основе единой идеологии об исключительности арийской расы. На достижение этой цели была сориентирована вся государственная машина, на нее работали все органы, организации, учреждения, учебные заведения, правоохранительная система. О том, что и юриспруденция служила нацистскому режиму, превратившись в один из элементов бесперебойной системы устрашения, свидетельствует то обстоятельство, что за весь период господства нацистов по приговорам судов было казнено около 80 тыс. человек²⁰⁵.

Начало Второй мировой войны было не чем иным, как продолжением беспощадной террористической политики фашистов в отношении всего человечества (разумеется, кроме арийцев). Репрессии против населения оккупированных территорий и партизан осуществляли не только специальные подразделения, но и армия. Руководящие органы вермахта принимали активное участие как в подготовке массовых убийств, так и собственно в их последующем осуществлении на оккупированных территориях СССР²⁰⁶. Уничтожение фашистами населения СССР было призвано «очистить» территорию для будущего заселения немцами и запугать оставшихся в живых, заставить их отказаться от борьбы. В инструкциях для оккупационных властей прямо указывалось, что многие миллионы людей излишни, и они должны либо умереть, либо переселиться в Сибирь. Массовое уничтожение населения оккупированных территорий не только не влекло каких-либо судебных преследований, а напротив, поощрялось и служило основанием для продвижения по службе, получения наград и иных льгот. Результатом фашистского террора только лишь на территории бывшего СССР, подвергшейся оккупации, помимо уничтожения социально-экономической инфраструктуры, культурных и других ценностей, стало и физическое истребление около 14 млн 135 тыс. гражданского населения²⁰⁷.

Но Германия была не единственной страной, где поднимал голову фашизм. На 20-е годы XX в. приходится и начало безудержного политического террора итальянских фашистов во главе с Бенито Муссолини, направленного против сицилийцев, боровшихся за социальный прогресс. С назначением Муссолини главой правительства Италии (31 октября 1922 г.) возникла конкуренция между старой, традиционной мафией и новой, государствен-

²⁰⁵ Muller. Hitler's Justice: The Courts of Third Reich. Cambridge, 1991. По другим данным фашисты в Германии в период с 1935 по 1941 г. уничтожили 300 тыс. человек. См.: Курс лекций по политологии / Под ред. М. Х. Фарушкина, О. И. Зазнаева. Казань, 1998. С. 64.

²⁰⁶ Мюллер Н. Вермахт и оккупация. М., 1974. С. 17.

²⁰⁷ Антонян Ю. М. Убийства ради убийства. М., 1998. С. 40.

ной²⁰⁸. Этим объясняется то, что волна террора затронула не только и не столько политических деятелей, сколько рабочий класс и, в особенности, крестьянство. Только в августе 1923 г. фашистами было совершено 369 тяжких преступлений²⁰⁹. Примерно с середины 1924 г. сицилийской мафии объявляется война, которая сопровождалась террором в отношении населения Италии. При этом наряду с методами средневековой инквизиции (вырывание ногтей, избивание кнутом, предварительно смоченным соленой водой, и др.) широко применялись и более «цивилизованные» технологии, например пытки электрическим током. От людей требовали признаний в принадлежности к мафии. Сицилийцы, «разоблаченные» как мафиози, либо приговаривались к смертной казни, заключались в тюрьмы, либо в кандалах депортировались на Линарские острова, служившие фашистам гигантскими концентрационными лагерями²¹⁰.

Террор и терроризм выступали основными средствами освоения Америки колонизаторами. Захват земель и лесов осуществлялся путем наложения запретов на охоту и земледелие и истребления под этим предлогом коренного населения. Организованная террористическая деятельность преступных группировок в США напрямую связывается с созданием в 1864 г. террористической организации Ку-Клукс-Клан (Ки Klux Klan) – тайной организации, главным образом состоявшей из бывших военнослужащих. Первоначально Ку-Клукс-Клан возникает в южных штатах в качестве тайной организации, призванной в нестабильных условиях гражданской войны защитить собственность и интересы белых граждан. Отряды Ку-Клукс-Клана, передвигаясь ночами по городам и графствам штата, без всякого повода подвергали террору негритянское население. При этом помимо обычных грабежей, убийств и изнасилований большие группы людей подвергались истязаниям (в частности их топили в проруби)²¹¹.

Хотя официально организация считалась добровольно расформированной с 1869 г., насилие неформальных групп под именем Ку-Клукс-Клан продолжалось до 1872 г. Ку-Клукс-Клан был воссоздан в начале 1920-х гг., в период действия сухого закона 1920 г.²¹² Тогда вступила в силу 18-я поправка Конституции США, запрещающая производство, продажу или перевозку, а также ввоз или вывоз опьяняющих напитков для потребления. Именно в это время начинается ожесточенная борьба между преступными группировками, стремящимися получить максимальные доходы от промысла, запрещенного «сухим законом». В гангстерский арсенал помимо автоматов, пулеметов и ручных гранат вошли устанавливаемые в автомобилях взрывные устройства, которые срабатывали после включения стартера²¹³.

Так или иначе американский внутригосударственный терроризм той поры не имел политических целей. Этого нельзя сказать о другом межгосударственном терроризме, который после Второй мировой войны стал в США постепенно набирать обороты. Для государственного терроризма в отношении других государств и их политических деятелей силами ЦРУ и других спецслужб в США была создана соответствующая правовая база. В частности, в 1950 г. Г. Трумэн подписал секретную директиву № 68, где в качестве первоочередной задачи провозглашалось установление угодного США «мирового порядка». Для решения

²⁰⁸ Бараева Б. Н. Организованная преступная деятельность как форма предпринимательства: социологический анализ // Криминология: Вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. СПб., РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. № 2. С. 35.

²⁰⁹ Полькен К., Сцепоник Х. Кто не молчит, тот должен умереть: Факты против мафии / Пер. с нем. А. М. Сусллова. 2-е изд., испр. и доп. М., 1988.

²¹⁰ Бандформирования всех стран мира // Автор-сост. Н. Н. Макарова. М., 1997. С. 47–51.

²¹¹ Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки. 1870–1914. М., 1989. С. 166.

²¹² Бандформирования всех стран мира / Автор. сост. Н. Н. Макарова. М., 1997. С. 153.

²¹³ Там же. С. 163–166.

этой задачи директива предписывала поощрять и поддерживать мятежи в регионах национальных интересов США. На следующий год конгрессом США принимается закон «О взаимном обеспечении безопасности», в котором также предусматривалось субсидирование подрывной и террористической деятельности против СССР и дружественных ему стран. По этому поводу А. Н. Трайнин писал: «Экспорт террора был публично объявлен в США государственным делом и освящен законом. Тем самым он получил значение официально признанного, открыто регламентированного орудия внешней политики США»²¹⁴. Закон этот не утратил своей силы по сей день, и главным для США его результатом явилась ликвидация всего социалистического лагеря, а впоследствии и его оплота – Советского Союза²¹⁵.

Подобно тому, как террористы-революционеры в России взяли на вооружение опыт Великой Французской революции, так и режим Мао Цзедуна в Китае проводил опыты над собственным народом по примеру Ленина-Сталина. Подражание было настолько последовательным, что не только цели ставились одинаковые (только вместо коллективизации – земельная реформа, вместо борьбы с кулачеством – борьба против злых землевладельцев, вместо индустриализации – «большой скачок»), не только методы были одинаковыми, но и количество убитых режимом Мао Цзедуна почти равнялось количеству убитых режимами Ленина-Сталина – за период с 1949 по 1976 г. около 61 млн человек²¹⁶.

Террор был единственным средством проведения аналогичных экспериментов над собственным народом и для Пол Пота, который полностью разрушил экономическую и социальную структуру Камбоджи, ликвидировал очаги культуры, уничтожил около трех из восьми миллионов камбоджийцев. Были полностью истреблены народности чам и лао. Насильственной ассимиляции было подвержено тринадцать этнических групп.

В годы правления М. Х. Мариама (1977–1991) в Эфиопии также проводился «красный террор» (1977–1978) в отношении «врагов народа», в ходе которого было уничтожено более 500 тыс. человек²¹⁷.

Примеров массового уничтожения себе подобных путем террора и терроризма человечество накопило великое множество и их можно обнаружить в истории любого народа. Террор сильных в отношении слабых и малочисленных, с одной стороны, и терроризм слабых (сословий, наций, религий, конфессий и т. д.) в отношении сильных (угнетателей, рабовладельцев, тиранов и т. д.), с другой – это и есть две противоборствующие силы, которые определили сегодняшний расклад (политический, религиозный, социальный, национальный и т. д.) в мире. И одной из первых форм проявлений терроризма было организованное движение сопротивления (бунт, восстание и т. д.). Эта гипотеза определяет то обстоятельство, что исторические корни терроризма не только уходят в глубь веков, но и проявляют себя практически во всех сферах жизнедеятельности человека. Поэтому нельзя считать, что террор и терроризм являются «изобретением» современности или продуктом цивилизации. И террор, и терроризм, и террористические акты так же вечны, как и само человечество. Расширялась география, разнообразились масштабы и формы проявления, совершенствовались методы, вырабатывались новые идеологии, использовались религиозные постулаты, на основе которых террористы, а чаще всего те, кто за ними стоял, добивались политических, корыстных

²¹⁴ Трайнин А. Н. Терроризм как метод подготовки и провокации войн // Советское государство и право. 1952. № 3. С. 33–34.

²¹⁵ Концепция, разработанная еще А. Даллесом, предусматривает следующее соотношение: 10 % обычной разведки и 90 % тайной подрывной работы. В записке заместителя директора «Голоса Америки» Ф. Николдейса отмечалось: «Мы должны дестабилизировать Советский Союз и его союзников, способствуя разладу между народами и правительствами. Нам следует постараться вбить клин в виде недовольства и подозрительности между руководителями различных стран коммунистического блока... Мы должны раздувать пламя национализма... Нам следует поощрять возрождение религиозных чувств у граждан». См.: ТАСС от 28 ноября 1981 г., серия АД.

²¹⁶ Великие преступления XX века. М., 2000. С. 221–225.

²¹⁷ Российская газета. 1998.15 мая; Известия. 1999. 9 дек.

и иных целей. Террор и терроризм развивались и совершенствовались параллельно с развитием самого человечества. Их развитие носило диалектический характер, развертывалось по спирали, шло через отрицание отрицаний, но, в конечном счете, шло вперед, что позволяет рассматривать эти явления как необходимую составляющую самой сути человечества. И это не покажется преувеличением, если террор рассматривать как проявление самой худшей из заложенных природой в человека черт (тяги к истреблению себе же подобных), а терроризм – как средство противодействия террору, выражающего природное стремление человечества к высшей справедливости²¹⁸, как некий «нейтрализатор» зла, причиненного террором.

²¹⁸ Имеется в виду высшая справедливость, которая определяется всем человечеством, а не та, которая определена одной из противоборствующих сторон.

3.2. От самодержавного террора к политическому терроризму в России (конец XIX – начало XX века)

Идеи декабристов о свержении самодержавия нашли отражение во многих произведениях классиков русской литературы XIX в. В произведениях К. Ф. Рылеева, А. А. Бестужева, В. К. Кюхельбекера, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. С. Грибоедова, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. И. Герцена, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. Г. Чернышевского отражено отношение русской интеллигенции к самодержавию, рассматриваются различные варианты освобождения народа от его гнета. В своих книгах писатели объясняли царям их обязанности по отношению к подданным. Напоминали, что монарх – такой же человек, как и его подданные, но только исполняющий величайший долг перед государством, предрекали смуты, а иногда и призывали к ним народ. Так, первый революционер России А. Н. Радищев еще в конце XVIII в. пророчествовал: «Колокол ударяет. И се пагуба зверства разливается быстротечно. Мы узрим округ нас меч и отраву. Смерть и пожигание нам будет посул за нашу суровость и бесчеловечие»²¹⁹. Описывая несправедливость и жестокость помещиков, Радищев сам призывает к насилию и разрушению: «Сокрушите орудия его (помещика. – С. Д.) земледелия; сожгите его риги, овины, житницы и развейте пепел по нивам, на них же совершалось его мучительство...»²²⁰

В «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищев размышляет над тем, как избавить страну от «чудища» – самодержавия и крепостничества. Он приходит к выводу, что ни отдельные «гуманные» помещики, ни «бесплодное сочувствие» к поработленным крестьянам не могут изменить ситуацию. Положение российского народа так тяжело, что «свободы ожидать должно от самой тяжести порабощения».

Война 1812 г., тяжелое положение народа, политика угнетения народа, знакомство с передовой политической и философской мыслью Западной Европы, численное увеличение образованных людей привели к появлению тайных обществ, ставивших своей целью свержение самодержавия. Так, «Союз спасения» был основан в 1816 г. участниками Отечественной войны и заграничных походов А. Муравьевым, С. Трубецким, Н. Муравьевым, Матвеем и Сергеем Муравьевыми-Апостолами, И. Якушкиным, П. Пестелем, И. Пушным (всего около 30 чел.). С принятием Устава организация стала называться «Обществом истинных и верных сынов Отечества». В Уставе говорилось, что если император не даст никаких прав народу, то члены Общества не будут присягать его наследнику²²¹.

В 1818 г. создается «Союз благоденствия», в Уставе («Зеленой книге») которого были обозначены его задачи: распространение правил нравственности и просвещения для возведения России на степень величия и благоденствия, развитие благотворительности, гуманистическое воспитание юношей и т. д. А во второй части «Зеленой книги», известной лишь ядру общества, были сформулированы его заветные цели – введение конституции и отмена крепостного права.

В 1821–1822 гг. на базе этой организации возникают Северное и Южное общества, которые в день присяги 14 декабря 1825 г. бросили императору вызов, требуя вольностей и прав. Выведя на площадь людей, предъявив свои требования, декабристы не знали, что делать дальше. Восстание декабристов, в котором принимало участие более 3 тыс. человек,

²¹⁹ Радищев А. Н. Поли. собр. соч. Т. 1. С. 320.

²²⁰ Там же. С. 326.

²²¹ Бурцев В. За сто лет (1800–1896): Сборник истории политических и общественных движений в России. Лондон, 1897. С. 34.

было подавлено, пятеро декабристов (П. Пестель, К. Рылеев, С. Муравьев-Апостол, А. Бестужев-Рюмин, Г. Каховский) были казнены, более 200 человек сосланы на каторгу.

Людам, особенно власть имущим, свойственно искать причины своих проблем вне самих себя. Так и император считал, что он раскрыл заговор европейской организации революционеров и был горд своей победой над декабристами. Усиление в 1826 г. полицейского аппарата и учреждение III отделения Собственной Его Величества Канцелярии ознаменовало начало преследований за малейшее проявление «крамолы». Заведенные дела раздувались до размеров «страшных заговоров», участники их жестоко наказывались. Так, в 1827 г. обсуждение студентами Московского университета вопроса об обращении к народу превратилось в «дело братьев Критских»²²². В отношении виновных действовала отработанная схема: тюрьма, арестантские роты, ссылка на Кавказ.

В 1826 г. был опубликован Устав о цензуре, призванный оградить самодержавие от вредного влияния Запада. Спустя два года устав заменили другим, более «мягким», но и он запрещал обсуждать в печати монархический строй, сочувствовать революционерам, высказывать «самочинные» предложения о государственных преобразованиях. Цензоры работали под постоянным наблюдением Главного комитета.

Однако превентивные меры правительства не могли в полной мере исключить ни крамолы, ни стремления русской интеллигенции к организации тайных обществ. Напротив, беспощадное подавление инакомыслия провоцировала образованную часть народа на сопротивление власти²²³. Видимо, сказывалась и природная тяга человека ко всему запретному. Запрещение официального распространения литературы повышало спрос на издания революционных партий. Устанавливаемые самодержавием ограничения не устраняли недовольства населения политикой угнетения, а лишь препятствовали этому недовольству выражаться, что являлось, как отмечает Н. И. Лазаревский, источником новых поводов к недовольству²²⁴. Поэтому вновь возникающие тайные общества организовывались с учетом опыта своих предшественников – декабристов. Центр общественного движения переместился из армии в университеты, студенческие кружки, литературные салоны, редакции газет и журналов. Так, в середине 20-х годов возникает кружок Д. Веневитинова, в начале 30-х – кружок К. Станкевича, А. Герцена и Н. Огарева, в 1840-х гг. – кружок М. Буташевича-Петрашевского. Только в Петербурге было несколько кружков, которые не противопоставляли себя власти и контролировались ею. Новое поколение увлеклось философией, а власти ошибочно считали, что увлечение философией не угрожает самодержавию. Однако прозревшая молодежь, изучив опыт своих предшественников, очень скоро начнет организовываться для насильственного ограничения власти монарха либо его насильственного же свержения. Идея, подхваченная массами, не только стала жить сама по себе, но и превратилась в своего рода приманку для радикально настроенных личностей. Эту закономерность обнаружил Г. Лебон, который отмечал: «Не во власти людей остановить ход идей, когда они уже проникли в душу; тогда нужно, чтобы их эволюция завершилась. Защитниками их чаще всего являются те, которые намечены их первыми жертвами... Человечеству остается только считать химеры, которые оно себе вымышляет и жертвой которых оно последовательно становилось»²²⁵. Не имея права собираться и открыто отстаивать свои права, молодежь весьма легко вовлекалась в тайные ассоциации. Сам политический климат в России толкал моло-

²²² См., например, *Анучин Е. Н.* Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827–1846 годов. Материалы для уголовной статистики России. СПб., 1873. С. 18–41; *Тарковский Е. Н.* Статистические сведения о лицах, обвиняемых в государственных преступлениях // Журнал Министерства юстиции. 1905. № 4; Численность лиц, присужденных к различным наказаниям за государственные преступления // Тюремный вестник. 1916. № 1.

²²³ Санкт-Петербургские ведомости. 1879. 30 мая (11 июня); Голос. 1881. 4 (16) апр.

²²⁴ *Лазаревский Н. И.* Лекции по русскому государственному праву. Т. I. Конституционное право. СПб., 1910. С. 73.

²²⁵ *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1995. С. 117.

дые, активные натуры на революционный путь²²⁶. И никакие политические процессы, никакие репрессии не могли остановить того хода мысли, который стал неотъемлемым достоянием жизни общества в рассматриваемый период его исторического развития.

Точкой отсчета в истории организованного революционного терроризма в России следует считать 1863 г., когда вольнослушатель Московского университета Николай Ишутин создал кружок «Организация», декларируемой целью которого было «взаимное вспомоществование». Имея переплетную и швейную мастерские, члены Общества якобы стремились создать общество переводчиков и переводчиц «на социальных началах». Но образование в середине 1866 г. ишутинского «Ада» – строго законспирированного кружка «бессмертных» – показало истинные цели организации, которые можно определить как первый пробный камень в реализации идей немецкого философа Карла Гейнцгена. В функции «бессмертных» входило осуществление контроля над деятельностью революционеров и царубийство в случае, если правительство не согласится с требованиями «Общества». Во время совершения акта терроризма члены «Ада» должны были иметь при себе «шарик гремучей ртути» для обезображения лица. Это должно было в случае ареста обезопасить других членов кружка. Наличие контролирующего органа придало «механизму царубийства» законченный вид. При необходимости этот механизм мог работать автономно и рано или поздно должен был проявить себя в реальности, в конкретном террористическом акте.

Хотя историки и считают, что Д. В. Каракозов самостоятельно принял решение стрелять в царя, несомненно, покушение было совершено им под впечатлением от разговоров, которые велись в кружке «ишутинцев». По воспоминаниям современников, «в кружке этих людей, как и во многих кружках студенчества, часто говорилось, что следовало бы уничтожить этого государя за пресловутое освобождение крестьян, которое затормозило революцию в России. Это последнее было общим мнением всей интеллигенции. Каракозов был одним из приверженцев этого мнения...»²²⁷. Пусть выстрел возымел обратный эффект, поскольку привел лишь к усилению реакции и взрыву верноподданнических чувств, но пример Каракозова оказался привлекательным для молодежи.

Идея переустройства общества была настолько сильна в сознании образованной части общества, что чуть ли не каждый ее представитель считал своим долгом выработать собственную стратегию борьбы, иногда предполагающую даже убийства своих сподвижников. В этом смысле характерна программа С. Г. Нечаева, который организовал в 1869 г. тайное общество «Народная расправа», основывавшееся на жесткой дисциплине и допускавшее физическую расправу над своими членами в случае ослушания или неподчинения «Комитету»²²⁸. Свои идеи Нечаев изложил в «Катехизисе революционера», названном Бакуниным «катехизисом абреков»²²⁹. Убийство Нечаевым своего товарища по тайному революционному обществу И. Иванова (последний догадался, что «комитет» «Народной расправы», от имени которого правил Нечаев, состоял из одного Нечаева) было своего рода проверкой на жизнеспособность тех принципов, которые он считал обязательными для революционера. Впервые самодержавие пересматривает свою тактику противодействия революционному движению. Наравне с жесткой реакцией предпринимаются шаги по дискредитации всего движения, для чего использовались средства массовой информации. Так, в дни процесса над нечаевцами в 1871 г. в «Правительственном вестнике» был напечатан текст «Катехизиса...». Оказались ли эффективны действия властей или нет, но террористический натиск революционеров снижался на протяжении почти 10 лет. Однако здесь следует учитывать и то обстоя-

²²⁶ Троицкий Н. А. Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866–1895 гг. М., 1979. С. 210.

²²⁷ Революционное движение 1860-х годов. М., 1932. С. 138.

²²⁸ Пушкарев Р. Г. Обзор русской истории. М., 1991. С. 328–329.

²²⁹ Там же.

ительство, что властями был предпринят целый комплекс мер по противодействию революционерам. В частности, в 1866 г. при канцелярии Санкт-Петербургского градоначальника было создано секретно-сыскное отделение. В его задачи входила охрана императора и профилактика государственных преступлений, включая террористические акты²³⁰. По специальному решению правительства была организована тайная политическая полиция, которую в период подъема революционного движения составляли девять основных отделов. Среди них и особый отдел, на который непосредственно возлагалась организация борьбы с революционным движением. В состав особого отдела входили: 2-е отделение – «социал-революционеры», 3-е – «социал-демократы», 4-е – «инородческие организации» и др.²³¹

Результатом превентивных ударов правительства стало то, что в 1876–1877 гг. наступило относительное затишье, которое лишь изредка прерывалось антиправительственными демонстрациями мирного характера и революционными попытками в том или ином направлении. Продолжать прежний путь достижения целей из-за правительственных преследований, очевидно, стало невозможно. Но терроризм недолго привыкал к новым условиям. Изучив предпринятые правительством контрмеры, террористы сделали свой ход. «И вот, мало-помалу начались таинственные убийства правительственных деятелей. Неизвестные ни обществу, ни правительству личности, – пишет О. В. Будницкий, – все чаще и чаще стали появляться, словно из-под земли и устранять с дороги того или другого правительственного деятеля. Совершив террористический акт, они бесследно исчезали».²³² Так были убиты ростовский рабочий А. Г. Никонов (за сотрудничество с полицией), адъютант Киевского губернского жандармского управления Г. Э. Гейкинг, харьковский губернатор Д. Н. Кропоткин и многие другие.

Получив полный пессимизма доклад шефа жандармов Селиверстова от 18 августа 1878 г. «О подстрекателях общественных волнений»²³³, Александр II спросил: «Да кто они?» В следующем докладе Селиверстов пояснил: «Число их размножилось до неуловимо значительных размеров и будет плодиться дотоле, пока руководители не будут уничтожены». При этом он отмечал, что в европейской части России для политических каторжников уже не хватает мест, и предложил часть политкаторжан перевести на остров Сахалин²³⁴.

Ключевым в дальнейшей истории терроризма в России стал 1878 г., политически начавшийся 24 января покушением Веры Засулич на петербургского градоначальника Ф. Трепова, по приказу которого в доме предварительного заключения был наказан розгами Алексей Боголюбов. Если «нечаевский» терроризм шел «от теории», убийство Иванова диктовалось холодным расчетом, то покушение В. Засулич было следствием оскорбленного чувства справедливости. И парадоксальным образом этот террористический акт стал своего рода средством защиты закона и прав личности от произвола властей. Присяжные были поставлены в двойственное положение, ибо осуждение Засулич означало бы оправдание Трепова, что, несомненно, оскорбило бы общественную совесть. Даже два одареннейших прокурора (С. А. Андриевский и В. И. Жуковский) демонстративно отказались обвинять Засулич и после суда над ней оставили свои посты²³⁵. Впечатление от приговора В. Засулич едва ли не превысило впечатление от самого террористического акта. Ее поступок был рас-

²³⁰ Головкин Г. М., Бурин С. Н. Канцелярия непроницаемой тьмы. М., 1994. С. 19.

²³¹ Эренфельд Б. К. Тяжелый фронт. Из истории борьбы большевиков с царской тайной полицией. М., 1983. С. 38.

²³² Будницкий О. В. История терроризма в России в документах, библиографиях, исследованиях. Ростов н/Д, 1996. С. 95.

²³³ Голос минувшего. 1917. № 7–8. С. 19.

²³⁴ Богучавский В. Я. Всеподданнейшее донесение шефа жандармов // Голос минувшего. 1917. № 7–8. С. 149–158; ЦГАОР. Фонд департамента полиции, особый отдел, д. 560.

²³⁵ Судебные речи известных русских юристов. М., 1958. С. 41; Петерц Е. А. Дневник. (1880–1883 гг.). М.-Л., 1927. С. 49; Из дневника А. А. Половцова. Красный архив. 1929. Т. 2. С. 190.

ценен молодежью как акт величайшего самопожертвования ради защиты прав человека²³⁶. А оправдательный приговор суда присяжных дал терроризму, по выражению С. Кравчинского, «санкцию общественного признания». Сила примера Веры Засулич для революционной молодежи была потрясающей. «Нам стыдно, что раньше не сделали, как она», – говорили в этой среде²³⁷. Началась эпоха моды на террористические акты²³⁸. Особенно привлекательной для молодежи оказалась манера поведения террористов, когда аристократия, мужчины и женщины, цвет нации показывал, как можно радостно умирать и до самого зловещего конца сохранять свежесть остроумия и красоту души! Именно мода оказывала опосредованное влияние среды на личности террористов. мода делает биологическую предрасположенность к нарушению запретов социальным фактом, ибо придает ей массовую степень²³⁹. «Террор революций со своей грозной обстановкой и эшафотами нравится юношам так, как террор сказок со своими чародеями и чудовищами нравится детям», – писал А. И. Герцен²⁴⁰. Это обстоятельство, т. е. мода на терроризм, сделало организацию «Народная воля», возникшую в 1879 г., самой массовой революционной организацией. Повальное увлечение молодежи революционными идеями один из бывших организаторов революционно-террористического движения Л. Тихомиров объяснял непониманием молодежью смысла идей. «Если бы террористы были бы поразвитее и действовали сколько-нибудь головой, они бы очень легко поняли, что терроризм нелепость, ибо они им революцию все-таки не произведут... Но они действовали не головой, не разумом, а чувством. Они ни за что не хотели перестать быть революционерами. С этой же точки зрения, инстинкт не мог им подсказать ничего более “ядовитого”, ничего более “практичного”, как терроризм»²⁴¹.

В общем, как писал В. Г. Короленко, терроризм созрел долгие годы бесправия. Наиболее чуткие части русского общества слишком долго дышали воздухом подполья и тюрем, питаясь оторванными от жизни мечтами и ненавистью к самодержавию²⁴². Будучи убеждены в том, что русский народ ничто не связывает с самодержавием, они считали необходимой «дезорганизацию правительства путем террора». При этом подчеркивалось, что «караются только лица, виновные в репрессиях. Не должны страдать женщины и дети». Охота за Александром II увенчалась успехом лишь после серии неудачных покушений. Он был убит взрывом бомбы 1 марта 1881 г. Рысаковым, Гриневецким, Перовской и др.

Анализ революционной борьбы тех лет приводит к выводу, что насилие становится аксиомой политической борьбы тогда, когда оно не имеет альтернатив. И справедливо-сти ради нужно сказать, что изначально революционное движение в России не предполагало использования террористических методов борьбы. Выбор именно их для осуществления политической борьбы стал результатом преследований правительства, сделавшего пропаганду в народе идей социализма чрезвычайно затруднительной, даже невозможной. В своих показаниях в следственной комиссии по делу о покушении Каракозова на жизнь Александра II Н. А. Ишутин утверждал, что изначально средствами достижения политических целей «общества» являлись лишь сближение с народом и рабочим классом путем пропаганды социалистических идей. И лишь когда народ будет достаточно подготовлен, предполагалось предложить правительству устроить государство на социалистических началах. В своем варианте программы «Народной воли», называвшемся «Террористическая

²³⁶ Щербакова Е. «Отщепенцы». Социально-психологические истоки русского терроризма // Свободная мысль. 1998. № 1. С. 88–89.

²³⁷ Дейч Л. Черный передел. Группа освобождения труда. Историко-революционный сборник. Л., 1924. Т. 2. С. 277.

²³⁸ Прибылева-Корба А. П. Народная воля. М., 1926. С. 86.

²³⁹ Александров И. А. мода и преступность: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1998. С. 7.

²⁴⁰ Герцен А. И. Журналисты и террористы // Собр. соч. В 30 т. М., 1959. Т. 16. С. 221.

²⁴¹ Воспоминания Льва Тихомирова / Предисл. В. И. Невского. М. Л., 1927. С. 105.

²⁴² Короленко В. Г. История моего современника. М., 1965. С. 668.

борьба» (1880 г.) и ставшем своего рода классикой «террористической мысли», Н. А. Морозов писал: «Террористическая борьба немедленно прекратится, как только социалисты завоеуют себе фактическую свободу мысли, слова и действительную безопасность личности от насилия, – эти необходимые условия для широкой проповеди социалистических идей»²⁴³.

В другом программном документе террористической фракции «Народной воли», составленном А. И. Ульяновым, также подчеркивалось, что выбор на террористические методы борьбы пал из-за того, что «усилилось правительственное противодействие, выразившееся в целом ряде мер, имевших целью искоренение прогрессивного движения и завершившееся правительственным террором. Когда у интеллигенции была отнята возможность мирной борьбы за свои идеалы, и был закрыт доступ ко всякой оппозиционной деятельности, она вынуждена была прибегнуть к форме борьбы, указанной правительством, то есть к террору»²⁴⁴.

Методы борьбы народовольцев переняли их идеологические наследники – эсеры (социалисты-революционеры), эсеры-максималисты (та часть эсеров, которая отвергла программу-минимум и взялась за реализацию программы-максимум) и их антиподы черносотенцы. Максималисты, абсолютизовавшие значение терроризма, выступали не только за политический, но и за фабричный, аграрный терроризм. Их террористические акты имели большой общественный резонанс в России и заставили отмежеваться от них даже эсеровских лидеров. Акты черносотенного индивидуального терроризма совершались под прикрытием чужих партийных флагов и лозунгов; черносотенцы обманным путем вербовали людей – якобы в эсеровскую боевую дружину. Уничтожая государственных чиновников различного ранга, эсеры, так же как и народовольцы, рассчитывали запугать государственный аппарат и дезорганизовать его работу, а дальше, считали они, непременно вспыхнет революция.

Основными авторами анархических теорий в России были М. Бакунин и П. Кропоткин, суть идей которых сводилась к активному отрицанию существующего государственного строя и его правовых норм. Смести изживший себя институт государства может только всемирный бунт, а для этого необходим толчок, которым должен стать ряд громких террористических актов, направленных на устранение наиболее реакционно настроенных представителей власти. При этом, как заявлял главный идеолог анархизма М. А. Бакунин, революционеры должны быть глухи к стенаниям обреченных и не идти ни на какие компромиссы.

Как «постоянное возбуждение народных масс с помощью слова устного и письменного, ножа, винтовки и динамита» определял анархизм П. Кропоткин в своей книге «Этика анархизма»²⁴⁵.

Результатом такой идеологии в период особой активности эсеров (1905–1907 гг.) стали убийства или ранения более 8000 чиновников разных уровней²⁴⁶. Среди убитых числятся министр народного просвещения Н. П. Боголепов (убит 14 февраля 1901 г.), министры внутренних дел Д. С. Сипягин (2 апреля 1902 г.) и В. К. Плеве (15 июля 1904 г.), уфимский губернатор Н. М. Богданович (6 мая 1903 г.), великий князь Сергей Александрович (4 февраля 1905 г.) и др. В результате учиненного эсерами взрыва на даче П. А. Столыпина в день приезда пострадало более 100 человек, из них 30 погибло. Завершил список жертв терроризма эсеров-максималистов премьер-министр П. А. Столыпин, смертельно раненный в Киевском оперном театре 1 сентября 1911 г.

²⁴³ Цит. по: Будницкий О. В. История терроризма в России в документах, библиографиях, исследованиях. Ростов н/Д, 1996. С. 105.

²⁴⁴ Цит. по: Там же. С. 156.

²⁴⁵ Кропоткин П. А. Этика анархизма (нравственные начала анархизма) // Этика. М., 1966. С. 389.

²⁴⁶ Францифоров Ю. Терроризм вчера и сегодня // Правозащитник. 1999. № 4.

За период с января 1908 г. по середину мая 1910 г. в империи было зафиксировано еще 732 убийства государственных служащих²⁴⁷.

В середине 1880-х гг. марксизм становится потенциально главным течением русской революционной мысли. До 1890-х продолжалось сближение народничества и социал-демократии, однако в конце 1890-х социал-демократия стала брать верх над народничеством. «С быстротой эпидемии, – писал о 1894–1898 гг. Ленин, – распространяется повальное увлечение интеллигенции борьбой с народничеством и хождением к рабочим, повальное увлечение рабочих стачками. Движение делает громадные успехи»²⁴⁸. Этому способствовало и то, что за долгие годы борьбы с крамолой царизм привык считать опасной только теорию революционного народничества. Марксизм пробился даже в подцензурную печать: в самодержавной стране «выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских КНИГ»²⁴⁹.

Таким образом, переход от народничества к марксизму в России был не простым актом отрицания старого новым, а преодолением противоречий, накопленных в старой, народнической доктрине по мере ее развития и проверки опытом революционного движения²⁵⁰.

Революционная деятельность требовала немалых финансовых средств, которые, в основном, добывались путем бандитских нападений на банки и другие государственные учреждения. Так, например, 13 апреля 1906 г. в г. Душете (Грузия) шестеро вооруженных лиц, одетых в форму пехотного полка, проникли под видом караула в местное казначейство и захватили 315 тыс. рублей. В Петербурге 14 октября 1906 г. эсеры-максималисты И. Робинovich, И. Толмачев и др. совершили нападение на помощника казначея портовой таможни и похитили 400 тыс. рублей; 13 июня 1907 г. боевики под руководством Джугашвили (Сталина) и Тер-Петросяна совершают в Тифлисе нападение на инкассаторскую карету и захватывают более 250 тыс. рублей. Кроме упомянутых, революционеры осуществили подобные акты («эксы», как они сами называли бандитские налеты) на Читагурской железной ветке (захвачено 21 тыс. руб.), в Кутаиси (тоже 21 тыс. руб.), два нападения на Коджорском шоссе (Грузия) (захвачены 20 и 21 тыс. руб.)²⁵¹. Налеты были обычным средством пополнения партийной кассы. Во всех случаях нападений использовалось оружие, чаще всего бомбы, погибали ни в чем не повинные люди. Таким образом, среди большевиков стало зарождаться политико-уголовное направление²⁵².

²⁴⁷ Гейфман А. Революционный террор в России 1884–1917. М., 1977. С. 31, 363.

²⁴⁸ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 6. С. 180.

²⁴⁹ Там же. С. 15–16.

²⁵⁰ Троицкий Н. А. Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866–1895. М., 1979. С. 12.

²⁵¹ Эренфельд Б. К. Тяжелый фронт. Из истории борьбы большевиков с царской тайной полицией. М., 1979. С. 64; Авторханов А. Происхождение партократии // Октябрь. 1991. № 2. С. 148.

²⁵² Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917–1941 гг.): Монография. Уфа, 1994. С. 28.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.